

Борис Докторов

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Историко-биографические
поиски

ТОМ 9

Биографическое
и автобиографическое

В 2-х книгах

2016

УДК 316.1/.2(47+57)
ББК 60.5(2)г
Д635

Докторов Б.З.
Д635 **Современная российская социология: Историко-биографические поиски. В 9-ти т. Том 9: Биографическое и автобиографическое. В 2-х кн. – М.: ЦСПиМ, 2016. – 153 с.**

ISBN 978-5-906001-46-7.

В девятитомнике доктора философских наук, профессора Б.З. Докторова обсуждаются результаты его историко-наукovedческого анализа становления современной российской социологии. Том 9 - впервые знакомит российского читателя с биографией и творчеством одного из крупнейших советских историков и философов науки Б. Г. Кузнецова. Наблюдаемый в последние десятилетие процесс развития социологического познания науки оправдывает, по мнению Б. З. Докторова, рассмотрение ряда направлений историко-философских исследований Кузнецова в рамках традиций эпистемологии науки и отнесение его к социологам науки. В этом же томе читатели могут ознакомиться с автобиографическим интервью Докторова, в котором он рассказал Е. Ю. Рождественской о своей жизни в России и Америке. В частности, он отмечает влияние личности и работ Кузнецова на методологию и стиль своих историко-социологических поисков.

Книга может быть полезной широкому кругу социологов-исследователей, университетских преподавателей, аспирантов и студентов, специализирующимся в области истории российской социологии. Вместе с тем, она адресована и более широкому кругу читателей, интересующихся социологией и историей нашей страны.

УДК 316.1/.2(47+57)
ББК 60.5(2)г

ISBN 978-5-906001-46-7

© Докторов Б. З., 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....4

Книга 1. Все это вместила одна жизнь.

Б.Г. Кузнецов: историк, философ и социолог науки 6

Книга 2. Интервью с Борисом Докторовым: «Моя жизнь: 53 года

в России и уже 8000 дней в Америке»..... 65

ПРЕДИСЛОВИЕ

Заголовок этого заключительного тома: «Биографическое и автобиографическое» полностью повторяет заголовок Тома 3 и очень близок к названию Тома 5: «Историческое, биографическое и автобиографическое». Не только по своему месту в этом издании, но и по своему назначению, своей сути этот том во многом суммирует то, что я делал и что удалось сделать за прошедшие годы в области изучения биографий российских социологов и современной истории отечественной социологии. Замечу, что союз «и» здесь весьма условен, ибо в развиваемом мною «человекоцентричном» подходе к анализу прошлого нашего профессионального сообщества «изучение биографий российских социологов» и «изучение современной истории отечественной социологии» – это исследования одних и тех же объектов и в одном том же предметном поле. Различны лишь точки обзора.

Достаточно посмотреть оглавление всех томов, и станет понятно, что «биографии», т. е. биографии в истории и история в биографиях¹, это – сквозная тема настоящего проекта. В частности, сказанное четко просматривается в биографической ориентированности всех проведенных интервью с социологами разных поколений², в книгах о Б. А. Грушине и В. А. Ядове (см. Том 6), во множестве биографических статей, эссе и очерков.

Легко понять, что автобиография это – та же биография, но развернутая, замкнутая на «себя». Обычно, работая над биографией своего героя, автор во многом исходит из «своего» понимания времени, в котором жил его герой, ситуаций, в которых он пребывал, проблем которые он решал, людей, с которыми он встречался. Поэтому и в каждой биографии, написанной мною, отражается прожитое мною, и при этом подчеркну, что, применительно к истории российской социологии я писал биографии лишь тех социологов, которых я знал многие года, нередко – десятилетиями. Так что для меня интервью, в котором я рассказываю о себе, или написание автобиографического текста – это тоже работа над биографией.

Автобиографический материал присутствует в томах 3 и 5, теперь я назову причину, в силу которой я часто рассказывал о своей работе и о себе. Более десяти лет полторы сотни социологов, лично знакомых мне и тех, кого я узнал лишь в процессе интервью, вспоминали и описывали прожитое ими. И нередко, отвечая на мои вопросы, они спрашивали меня о моей жизни, о сделанном и о моих планах. Таким образом, каждая автобиография – это ответ моим уважаемым соавторам данного историко-биографического исследования.

Настоящий том включает лишь два текста: биографию известного советского историка науки Бориса Григорьевича Кузнецова (1903-1984) и мою автобиографию, охватывающую всю мою жизнь. Конечно, вполне могло бы случиться так, что эти тексты не «встретились» бы в одном томе, не оказались бы соседями. Но я очень рад произошедшему. Это стало возможным в силу следующих причин.

Во-первых, знакомство с исследованиями Б. Г. Кузнецова (ниже, Б.Г.), беседы с ним происходили в те годы, когда я не помышлял ни о работе в социологии, ни об историко-социологической направленности моих научных поисков. Однако, прежде всего именно они многое определили в методологии моей историко-научной

---

1 Докторов Б. Современная российская социология. История в биографиях и биографии в истории. Санкт-Петербург: Европейский университет в Санкт-Петербурге. 2013.

2 Докторов Б.З. Биографические интервью с коллегами-социологами. 4-е доп. изд-е [электронный ресурс] / Ред.-конс. А. Н. Алексеев. Ред. электр. издания Е. И. Григорьева. М.: ЦСПиМ, 2014. <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=385>.

деятельности в последние полтора десятилетия, а также общую интонацию, дискурс моих публикаций. Впервые я отметил это еще в 2007 году, но мне давно хотелось сказать это более отчетливо. Ибо при том, что Б.Г. разрабатывал проблемы истории физики, фундаментальных наук и изучал творчество ученых и мыслителей, определивших магистральные пути научного познания мира, его наследие, по моему убеждению, универсально.

Во-вторых, именно в ходе изучения биографии и при перечитывании книг Кузнецова мне удалось обнаружить и – пусть лишь в первом приближении – показать, что он был не только историком и философом науки, но и социологом науки. А это означает, что путь Кузнецова в науку, его становление ведущим в СССР специалистом по истории и философским основам релятивистской и квантовой физики, а затем его науковедческие воззрения и раскрытие им – на примере анализа биографий создателей современной картины мира – природы научного творчества в полной мере вписывается в тематику нашей онлайн-книги. В 2004-2005 гг., когда это исследование начиналось, и даже в 2014 г., когда шла работа над 2-м изданием этой книги, я не видел в творчестве Б.Г. признаков, согласно которым мог бы отнести его к социологам науки. А это означает, что написанное о нем не могло бы быть представлено в этом электронном издании.

В-третьих, хотя я задумал писать о Кузнецове и начал собирать необходимую для работы информацию несколько лет назад, я смог приступить к написанию первых статей о нем лишь в конце февраля текущего года. В тот момент я был полностью погружен в мое автобиографическое интервью Е. Ю. Рождественской, завершающее этот том, и не предполагал, что вскоре это интервью и сводная статья о Б.Г. составят одну книгу. Но это произошло.

Наконец, очень личное. Борис Григорьевич Кузнецов был двоюродным братом моей мамы, значит, мне он приходился двоюродным дядей. И конечно же я вижу некую знаковость в том, что мой рассказ о родных мне людях (автобиография) и статья о Кузнецове расположены вместе. Мое мысленное общение со всеми ними продолжается...

ВСЕ ЭТО
ВМЕСТИЛА
ОДНА
ЖИЗНЬ

Б. Г. КУЗНЕЦОВ:
ИСТОРИК, ФИЛОСОФ
И СОЦИОЛОГ НАУКИ

Содержание

Представление Б. Г. Кузнецова.....	8
Введение	10
Первые 30 лет жизни: успешный, но незавершенный поиск себя	16
Предвоенное десятилетие. Понимание будущего потребовало обращения к прошлому.....	26
Конец 1930-х. В.И. Вернадский о Б. Г. Кузнецове	33
Война и становление историка науки	39
Б.Г. Кузнецов – путешественник через эпохи.....	42
За победой должна была следовать свобода... ..	47
Письмо Сталину: это всегда был и знак надежды, и шаг отчаяния	51
Социология науки как инструмент самопознания науки.....	55
В плену его человеческого обаяния	57
Литература	62

Предпринимается попытка рассмотреть жизнь и творчество известного советского историка науки Бориса Григорьевича Кузнецова. В основании данного текста лежит моя статья: «И это все вместила одна жизнь. Б. Г. Кузнецов: историк, философ и социолог», опубликованная в «Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2016. № 3 и 4, и серии постов на сайте «Гептер.ру».

Автор благодарен А. Арефьеву, Н. Ащеуловой, Л. Виссон, Г. Горелик, М. Илле, Е. Мамчур А. Мессереру, Д. Тайцу, С. Филоновичу, О. Хазовой, И. Чечель, Ф. Шереги и архиву Института истории естествознания и техники РАН за помощь в сборе материалов о жизни и творчестве Б. Г. Кузнецова и при публикации статей о нем.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ Б. Г. КУЗНЕЦОВА

Уже полтора десятилетия я занимаюсь историко-социологическими исследованиями и не раз писал, что методология моего проекта и стилистика текстов во многом обусловлены влиянием на меня работ и личности Бориса Григорьевича Кузнецова (1903–1984). И вот настало время рассказать о нем. Такое решение вызвано не только личным желанием, но и значительно более важными общенаучными обстоятельствами.

Во-первых, уверен, труды Б. Г. Кузнецова по истории и философии энергетики, физики, науки в целом имеют общеметодологическое значение, и потому их освоение может быть полезным при изучении истории социологии.

Во-вторых, современное прочтение его работ прежде всего, касающихся анализа генезиса, ценностей и идеалов науки, а также написанные им книги о выдающихся ученых позволяет утверждать, что в них Б. Г. Кузнецов предстает не только как историк и философ науки, но и как социолог науки и научного творчества. Таким образом, расширяется наше понимание истории советской/российской социологии.

Не считая себя вправе оценивать сделанное Б. Г. Кузнецовым в области истории науки, я приведу мнения экспертов.

Известные специалисты высоко оценивают труды Б. Г. Кузнецова по истории науки. Приведу фрагмент поздравления Международной Академии по истории науки с его 60-летием:

«...Историки науки во всем мире высоко ценят его замечательные работы, в которых соединяются глубина и оригинальность анализа, скрупулезное изучение фактов, широта поставленных проблем и блеск изложения. Такие книги Бориса Кузнецова, как “Принципы классической физики”, “Эволюция картины мира”, “Принцип относительности в античной, классической и квантовой физике” и другие получили единогласное признание среди специалистов, а монография “Эйнштейн” привлекла к истории релятивизма и науки в целом внимание очень широких кругов» (1963, текст подписан Генри Герлаком (Henry Guerlac), президентом *Académie Internationale d’Histoire des Sciences*, и Александром Койре (Alexandre Koyré)).

В содержательной статье В. Я. Френкеля о Б. Г. Кузнецове: «Высоких званий не имел, но было имя» приведено обращение академиков И. Е. Тамма, Я. Б. Зельдовича и В. А. Фока к Президенту АН СССР М. В. Келдышу с предложением открыть на ближайших выборах в Академию Наук вакансию по истории науки и избрать на нее Б. Г. Кузнецова. Френкель обнаружил это письмо в архиве ИИЕТ и отметил отсутствие на нем даты; сам он отнес его к середине 60-х. [1, с.904]:

Глубокоуважаемый Мстислав Всеволодович!

В течение ряда лет наша Академия наук, в отличие от других академий, не имела в своем составе специалистов по истории науки. Дело объясняется отсутствием крупных и общепризнанных работ, которые бы сделали избрание такого специалиста оправданным в глазах ученых. Теперь, как нам кажется, положение изменилось. Речь идет об истории физики. Здесь мы имеем очень глубокие работы, получившие всеобщее признание. Мы полагаем, что не разойдемся с Вами во мнениях, если прямо укажем на работы Б.Г. Кузнецова, посвященные истории принципа относительности и творчеству Эйнштейна. Его мы и имеем в виду, предлагая при ближайших выборах открыть вакансию по истории науки. По-видимому, мнение физиков в этом вопросе будет единодушным, и к ним присоединятся ученые смежных специальностей.

Мои друзья предоставили мне из архива ИИЕТ обращение к М.В. Келдышу, датированное 26 сентября 1968 года. Оно подписано акад. В. А. Фоком, акад. В. В. Париним, чл.-корр. В. И. Гольданским, акад. А. Л. Яншиным и акад. В. И. Попковым. Это – ведущие ученые в тех научных направлениях, история которых освещалась в трудах Б. Г. Кузнецова: физика, естествознание (физиология и геология) и энергетика. Они предлагали, принимая во внимание «выдающиеся заслуги Б.Г. Кузнецова в философском и историческом анализе современного естествознания» и учитывая другие аспекты его деятельности, избрать его в члены-корреспонденты АН СССР по отделению философии и права по специальности: «История и философия естествознания».

В воспоминаниях В.С. Кирсанова, историка науки и многолетнего друга Б. Г. Кузнецова, говорится о том, что в 1987 году, через три года после смерти Кузнецова, пленарная лекция Нобелевского лауреата Ильи Пригожина на Международном конгрессе по логике, философии и методологии науки началась с того, что на экране появились две цитаты, служащие эпиграфом к его лекции, — одна цитата была Эйнштейна, другая Б. Г. Кузнецова. Позднее Пригожин объяснял Кирсанову, что в разговорах с Кузнецовым он «постоянно оказывался в плену его интеллекту-

ального обаяния, которое обладало мощным каталитическим действием». И далее Кирсанов отмечает, что «Пригожин был совсем не одинок в своем отношении к Кузнецову: его высоко ценили многие замечательные люди. За рубежом это был, например, де Бройль, который всегда был рад встретиться с Б.Г., когда тот бывал в Париже <...>; Гейзенберг, приславший ему свои философские работы <...>; Элен Дюкас — секретарь Эйнштейна; Джеральд Холтон — знаменитый историк физики и многие, многие другие. У нас в стране тоже были выдающиеся учёные, которые высоко ценили его талант и ум, среди них можно назвать таких разных людей, как Иван Матвеевич Виноградов, Отто Юльевич Шмидт, Яков Ильич Френкель, Игорь Евгеньевич Тамм, Евгений Львович Фейнберг — этот список тоже достаточно длинен» [2].

Редактор американского издания книги Б. Г. Кузнецова «Разум и бытие», известный философ истории Роберт Коэн (Robert S. Cohen), основатель Boston University Center for Philosophy and History of Science, знавший Кузнецова и многократно встречавшийся с ним во многих городах мира, так написал о нем: «Борис Кузнецов был ученым среди гуманистов, философом среди ученых, историком, заглядывающим в будущее, оптимистом в век печали. Он был пропитан европейской культурой от ее ранних времен до современного авангарда. И будучи заядлым путешественником во времени, он странствовал сквозь эпохи, беседуя и споря с Аристотелем и Декартом, Гейне и Данте, и с многими другими. Кузнецов был марксистом в присутствии ему интеллигентном и рассудительном стиле. Он был также и инженером-практиком, и патриотически настроенным русским евреем в течение первых шестидесяти лет существования СССР» [3, с. xi].

Это все было давно, а вот оценка наследия Б.Г. Кузнецова, сделанная в наше время С.С. Илизаровым, профессиональным историком науки, лично знавшим Б. Г. Кузнецова, изучавшим его работы и знающим характер и содержание историко-научных исследований российских ученых. Он пишет: «После ранения с осени 1944 года и до конца жизни – в АН СССР. С 1952 г. он никогда больше не занимал каких-либо административных постов, что не помешало ему фактически стать лицом советской истории науки перед миром и, наверное, самым переводимым автором на иностранные языки среди коллег по историко-научному цеху. Его роль как выдающегося историка науки в мировом историко-научном сообществе чрезвычайно значима...» [4, с. 100].

Введение

Более двух лет назад петербургский социолог Андрей Алексеев разместил в своем блоге на сайте cogita.ru пост, озаглавленный «Бессмертие мыслителя, как условие и как часть бессмертия научных представлений» [5]. Это была подборка текстов, знакомящих читателей с жизнью и направлениями исследований Б. Г. Кузнецова, и в частности, там был фрагмент его статьи: «Жизнь Эйнштейна и его бессмертие». Я не скрываю, более того, неоднократно отмечал, что Кузнецов был двоюродным братом моей матери, значит – моим двоюродным дядей. И для меня были неожиданными, но потому еще более приятными слова Алексеева: «Статья Б. Кузнецова об Эйнштейне – прекрасна. Между прочим, если бы не ссылка, я бы считал, что это Ты написал. Степень Вашего созвучия в биографических и науковедческих сюжетах чрезвычайно. (Кому комплимент? Дядюшке или племяннику?)...».

Мои исторические изыскания начались в первых 2000-х с анализа зарождения и развития технологии и культуры американских опросов общественного мнения. Причем работа сразу имела историко-биографическую окраску, т.е. и предыстория изучения общественного мнения, и возникновение методов его измерения рассматривались не сами по себе, а как продукт, результат деятельности конкрет-

ных людей. И здесь очевидно, что при изучении генезиса общественного интереса к установкам населения, прежде всего – потребителей, мне приходилось обращаться к биографиям не ученых, аналитиков, их еще не было, а тех деловых людей, успешность бизнеса которых – торговля, реклама, журналистика – определялась знанием, пониманием потребительских и другого рода установок простых американцев. Затем в центре моего внимания оказались биография и наследие Джорджа Гэллапа, основателя научной методологии опросов общественного мнения, и его коллег, стоявших у истоков этой области социальных наук. Поскольку с начала 1970-х до конца 1980-х, я занимался методами сбора и анализа данных об общественном мнении и участвовал во многих опросах населения Ленинграда и Союза, я не испытывал больших сложностей при чтении американской литературы по изучению читательских интересов и первых опытов выборочного изучения установок американского электората, но я довольно быстро ощутил отсутствие опыта анализа биографических материалов. И, естественно, я обратился к книгам Кузнецова, которые на протяжении многих лет читал «просто так», из интереса и которые привез с собой в Америку, не потому, что предполагал заниматься историей науки, а для связи с прошлым. Обращение к этим книгам конечно же стимулировало мои воспоминания о наших с ним беседах у него дома и, как это часто бывает, оживали и общая атмосфера общения с Борисом Григорьевичем (далее – Б.Г.), и его рассказы о текущей работе, и его размышления об истории науки. Содержание перечитываемых книг порождало воспоминания о сказанном Б.Г., а всплывавшие в памяти обрывки разговоров, заставляли заново обращаться к книгам... все это как-то синтезировалось, порождая уже логику моих собственных историко-биографических построений и стиль моего письма.

Через несколько лет к работе по американской тематике добавилось изучение истории советской социологии, и входом в эту новую для меня область стала статья о жизни и исследованиях Б. А. Грушина, который в то время активно развивал свой известный проект «Четыре жизни России». Другими словами, базой нового поиска стал историко-биографический подход, а не, скажем, институциональный или предметный. Обращаясь к прошлому, я не могу сказать, что подобный выбор стал следствием моих долгих размышлений или обсуждений с коллегами, это было интуитивное решение, уже впитавшее в себя проверенное на собственном опыте понимание исследовательской методологии Кузнецова. В его анализе динамики науки – это прежде всего физика – присутствуют, действуют Лукреций, Эпикур и Аристотель, а что касается Галилея, Декарта, Ньютона и Спинозы, то на этом фоне они просто – наши старшие современники. Кроме того, в центре его внимания находились вопросы формирования картины мира, вечные проблемы физики, тогда как я анализировал вопросы значительно более частного характера и изучал жизнь ученых нашего времени, многих из которых я знал на протяжении десятилетий.

Но я сразу исходил из того, что *историологический* (а не историографический) подход к науке Кузнецова и его *био-логическая* (соединение «Био» и «Логос»), а не био-графическая интерпретацию прошлого науки и творчества ученых применимы и при анализе генезиса и развития российской послевоенной социологии. Поясню сказанное фрагментом из биографической книги Кузнецова: «Встречи» [6], которой я буду постоянно обращаться. «Мне больше нравится, – писал Б.Г., – даже не термин «биография», <...>, а один термин, когда-то придуманный Линнеем и давно уже забытый. Великий систематизатор природы в своей классификации, охватывающей не только растения, но и ботаников, нашел место для тех, кто описывает жизнь других ботаников, назвав их «биологами». Конечно, никто уже не откажется от нынешнего смысла слов: «биология» и «биолог» и никто не воскресит

линнеевский термин, но соединение «Логоса» и «Биоса» в термине, обозначающем историка науки, кажется мне очень уместным и соответствующим современным идеалам познания» [6, с. 12].

Кузнецовым написано множество трудов по эволюции физических идей и большое число биографий выдающихся ученых, в них может быть прослежена методология его работы, но он нигде не раскрывал ее, не описывал. И в этом смысле я могу говорить не об использовании его подходов, но лишь о стремлении понять их и действовать в пространстве его исследовательских координат. К примеру, в одной из его последних книг – «Идеалы современной науки» – говорится о спрессованности в настоящем прошлого и будущего, и я помню, как очень давно размышлял о возможных логических, познавательных следствиях этого утверждения. Не это ли стремление понять природу настоящего привели меня в начале моего исторического исследования к понятию «толстого настоящего», лежащего в обосновании моей интерпретации «современности»?

И во многом именно к Кузнецову восходят мое понимание и моя уверенность в том, что главное в науке – исследователь, и потому я достаточно быстро обозначил создаваемую мною картину истории современной советской/российской социологии «человекоцентричной». Эта «человекоцентричность» обнаруживается во многом, и в частности, в том, что важнейшей составляющей моих поисков стали собственно биографические исследования и тексты. Возвращаясь к изучению становления технологии и методологии американских исследований общественного мнения, я отмечу статьи о Джордже Гэллапе, Арчибальде Кроссли, Хедли Кэнтриле, Дэвиде Огилви, Элмо Роупере, Эмиле Хурье и других первопроходцах изучения мнений населения Америки. Эта исследовательская линия четко просматривается и в изучении истории российской социологии. Вслед за статьей о Б. А. Грушине появилась серия разножанровых материалов о социологах разных поколений. Самые крупные по объему – это статьи об: А. Н. Алексееве, Г.С. Батыгине, В. Б. Голофасте, Т. И. Заславской, А. Г. Здравомысловом, И. С. Конне, Б. М. Фирсове, В. Э. Шляпентохе, В. А. Ядове. Позже появились книги: «Джордж Гэллап. Биография и судьба» (2011 г.), «Все мы вышли из “Грушинской шинели”» (2014 г.) и «Мир Владимира Ядова» (2016 г.) (обе эти работы включены в Том 6 настоящей книги). Поскольку в российской социологической литературе нет традиции создания биографических книг об отечественных ученых, известным ориентиром для меня были публикации Кузнецова.

Моя первая попытка указать на влияние работ Б.Г. на формирование методологии моих историко-социологических поисков относится к середине 2007 г. [7]. И несколько лет назад я начал собирать материалы, относящиеся к его биографии, в надежде полнее понять природу, содержание и характер его творчества. В силу многих обстоятельств делается это очень медленно и с большим трудом. Я живу в Америке, а материалы, которые, возможно, не пропали полностью, находятся в Москве. К тому же я никогда не принадлежал к сообществу историков и социологов науки, и не знал, к кому я мог обратиться за помощью. Тем не менее работа продвигалась: мои московские коллеги помогли мне получить некоторую информацию из Института истории естествознания и техники РАН, одним из создателей которого был Б.Г. и в котором проработал около полувека. Так в моем архиве оказалась ценнейшая для биографа информация: «Личный листок по учету кадров», «Автобиография» и Список научных трудов, подписанные Кузнецовым 4 сентября 1968 г. Интернет помог установить контакты с людьми, знавшими Б.Г., и они активно, заинтересованно поделились со мною своими воспоминаниями.

Но все же главный источник именно биографической информации о жизненном пути Б.Г. – это его книги. В подготавливаемом мною списке его публикаций уже более полусотни книг и это, не считая переизданий, переводов на многие языки

и работ, опубликованных на Западе. Первая книга в этом списке – «Об «организационном капитализме»», написанная Кузнецовым совместно с его еще юношеским другом Михаилом Тайцем, – опубликована в 1930 г., последняя – в год его смерти, в 1984 г. Очевидно, даже количественная сторона написанного Кузнецовым – факт не только статистический, но прежде всего – биографический; это показатель его высочайшей включенности в дело и прижизненного признания его творчества. Его коллега и друг, физик В.Я. Френкель, заметил, что в Институте истории естествознания и техники Кузнецов прошел «инверсный путь»: от исполняющего обязанности директора, заведующего сектором и до старшего научного сотрудника.

Поначалу, в опоре на воспоминания Б.Г. о его встречах с В.И. Вернадским, я видел лишь одну причину его высочайшей сосредоточенности на исследованиях по истории и философии науки – «страхе смерти». Ниже будет показано, что под этим Вернадский, а позже Б.Г., понимали невозможность закончить задуманное дело. Но в процессе перечитывания работ Б.Г. мне стало ясно, что «страх смерти» не мог быть главным стимулом, импульсом исследований Б.Г. (скорее всего, и Вернадского). Многократно важнее – *радость познания* и соответственно *радость бытия*, «которую ощущает ученый, когда у него блеснет новая мысль и вместе с ней откроется еще не познанное – предмет новых размышлений. Это момент, когда мыслитель не думает о себе, но вместе с тем ощущает смысл своей жизни» [8, с. 254]. Не могу удержаться, чтобы не подчеркнуть, что эти слова были сказаны Кузнецовым на последней странице его последней книги.

В моем анализе жизни и деятельности человека я выделяю три этапа: предбиография, собственно – биография и постбиография. К первому периоду относятся все, характеризующее семью и среду, в которой человек родился. К сожалению, пока мое знание предбиографии Б.Г. весьма поверхностно, но известное мне представлено ниже.

Биография – это все, что происходило с человеком, среда его жизни, коммуникационный мир, направления и результаты его деятельности. Годы жизни Б.Г. вместили очень многое. В 14 лет, то поколение взрослело быстро, он встретил революцию, участвовал в Гражданской и Великой Отечественной войнах, получил высшее техническое, историческое и экономическое образование, принимал активное участие в таких масштабных событиях, как реализация плана ГОЭЛРО и перемещение в 1941 году важнейших промышленных отраслей из Европейской части страны в Зауралье. Он – один из создателей Института истории естествознания и техники РАН, встречался и обсуждал ключевые вопросы истории и будущего науки с выдающимися российскими и зарубежными учеными XX века, многие годы посвятил изучению биографии Эйнштейна, писал о Бруно, Галилее, Ньюtone, Ломоносове, Менделееве и о других крупнейших естествоиспытателях разных времен.

Можно говорить о трех этапах его исследовательской деятельности. Конец 1920-х – первая половина 1930-х: вопросы развития энергетики и история энергетики; вторая половина 1930-х – первая половина 1950-х (исключая годы войны) – российская история естествознания; и далее – до начала 1980-х история и философия науки, прежде всего – физики.

После смерти Б.Г. Кузнецова прошло тридцать лет, по историческим меркам, период небольшой, но все же достаточно заметный, чтобы анализировать его постбиографию и говорить о значении сделанного им. Прежде всего отмечу факт активного освоения историко-философского и общекультурологического наследия Кузнецова, даже беглый обзор содержания интернета обнаруживает множество авторефератов докторских и кандидатских диссертаций, защищавшихся в последние годы по разным направлениям философских исследований, в которых авторы ссылаются на работы Кузнецова. Назову некоторые из них: «Осуществление плана

ГОЭЛРО и электрификация промышленности» и «Методологический анализ проблемных ситуаций в научном познании» (1984 г.), «Философский анализ потенциала науки» и «Поэтическое творчество Микеланджело Буонаротти (Проблемы становления личности автора и героя)» (1990 г.), «Проблема причинности: история и теория» (1995 г.), «Этнокультурная обусловленность выбора научной парадигмы: Проблемы энергетики как предмет методологической рефлексии» (1998 г.), «Неклассический образ науки в российской культуре» (2000 г.), «Онтология пространства и времени в теории относительности» (2001 г.), «Проблема синтеза физической картины мира в философии науки XX века» и «Отношение мировоззрения и философии к научной картине мира: феноменолого-герменевтический анализ» (2003), «Проблема неопределённости в структуре философского знания :Онтологический, гносеологический, антропологический аспекты» (2004), «Проблема стиля мышления в научном познании», Философско-гносеологический анализ феномена интуиции», и «Стиль и стилизация в философско-культурологическом контексте» (2006), «Феномен гипотезы в естественнонаучном познании» и «Рецепции представлений о пространстве и времени в художественной культуре» (2007 г.), «Квазитеологические концепты картезианской метафизики» (2008 г.), «Становления та розвиток статистної фізики в Україні (30–60 рр. ХХ ст.)» и «Поэтика станкового пейзажа. Культурологический анализ» (2009 г.), «Семиотика языка науки в системном анализе научного знания тема», «Проблема объективности научного знания в развитии познавательной деятельности», «Идея человека в западноевропейской философии» и «Космология в культуре: философско-антропологическое осмысление» (2011 г.), «Эмпирический опыт и его место в познавательной деятельности» (2012 г.), «Учение Б. Спинозы в контексте философских исследований (историко-методологический анализ)» (2013 г.) и другие.

На внимание к наследию Кузнецова указывает и то обстоятельство, что его работы присутствуют в списках рекомендуемой аспирантам и студентам литературы по курсам: «История и философия науки», «История и методология науки», «История физики», «Концепция современного естествознания», «Культурология».

Отмечу также, что мне известно около десяти статей историко-биографической направленности, дающих представление о жизни и работах Кузнецова, прежде всего в области истории науки. Так что сделанное Кузнецовым продолжает интересовать специалистов, с его наследием знакомятся историки науки и философы новых поколений.

И последний, но столь же значимый в рассматриваемом ряду момент – книги Б.Г., не романы и не стихи, а сложные историко-философские работы, востребованы. Так, «Вики» в статье «Кузнецов, Борис Григорьевич», приводит заголовки девяти его книг, переизданных в 2007–2010 гг. И это далеко не все, например, в 2104 г. была переиздана «Основы теории относительности и квантовой механики в их историческом развитии», в 2015 г. – две книги: «Развитие научной картины мира в физике XVII–XVIII вв.» и «История философии для физиков и математиков» и еще три – в 2016 г.: «Физика и экономика», «Джордано Бруно и генезис классической науки» и «Эволюция картины мира». И если «Физика и экономика» – небольшая работа (88 стр.), то среди переизданных есть книги, объемом в 350 и более страниц. К тому же «Развитие научной картины мира в физике XVII–XVIII вв.» и «Основы теории относительности и квантовой механики в их историческом развитии» впервые были изданы в 1955 г. и 1957 гг., т.е. 60 лет назад. Таким образом, кроме всего прочего, Б.Г. можно рассматривать и как ученого, внесшего заметный вклад в популяризацию языка и достижений современной науки, другими словами, – в формирование интеллектуальной культуры российского общества.

И в целом, справедливо сказать, что Б.Г. Кузнецов – ученый не только нашего прошлого, он – и наш современник. Более того, он будет интересен и в будущем.

Я вижу множество целей в работе над биографией Б. Г. Кузнецова. Отмечу лишь три из них.

Во-первых, необходимо подробнее, обстоятельнее, чем это сделано другими авторами, описать жизненную траекторию Б.Г. Она сама по себе уникальна, к тому же, поскольку я давно изучаю феномен «биографичности творчества», я надеюсь, что его биография позже подведет меня к обнаружению пока не известных мне граней этого феномена – одного из мало изученных механизмов научного творчества.

Во-вторых, мне бы хотелось, если не описать, то понять, в чем же был эффект моих бесед с Б.Г. Ведь все они состоялись, когда я не предполагал заниматься историей науки, но влияние они оказали на меня огромное. И замечу, эту его способность отмечали многие.

И третья цель возникла в процессе перечитывания работ Кузнецова, когда я заметил в них то, чего не видели его коллеги и не замечал раньше я. Выше я указал три этапа в исследовательской практике Кузнецова, но так случилось, и это естественно и объяснимо, что в его послевоенных книгах он предстает, прежде всего, как историк и философ науки, и создается впечатление, что таким он «был всегда», и потому не может быть иной точки зрения на его наследие. Но, как показывает историко-биографический анализ, он не был (не мог быть) таким всегда, таким он стал. И важно понять, как это произошло, под влиянием каких обстоятельств. Целостное рассмотрение опубликованного Б.Г. обнаруживает, что он был не только историком и философом науки, но и очень интересным для советского времени социологом науки. Ниже я постараюсь обосновать сделанное утверждение, но сейчас проиллюстрирую сказанное одним примером.

Приведу названия нескольких книг Кузнецова, опубликованных во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х.: «Развитие научной картины мира в физике XVII–XVIII века» (1955 г.), «Основы теории относительности и квантовой механики в их историческом развитии» (1957 г.), «Альберт Эйнштейн. К 80-летию со дня рождения (1959 г.), «Принципы классической физики» (1958), «Принцип относительности в античной, классической и квантовой физике (1959 г.), «Эволюция картины мира» (1961 г.), «Эйнштейн» (1962 г.), «Развитие физических идей от Галилея до Эйнштейна» (1963 г.), «Эволюция основных идей электродинамики» (1963 г.), «Физика и логика» (1964 г.), «Галилей» (1964), Мировоззрение Эйнштейна и теория относительности (1964 г.), «Этюды об Эйнштейне» (1965 г.), «Очерки физической атомистики XX века» (1966 г.). Все заголовки книг указывают на то, что в них анализируется становление и эволюция современной физики, исследуется творчество выдающихся физиков. Другими словами, очевидна их историко-научная направленность.

Теперь рассмотрим заголовки ряда монографий Кузнецова конца 1960-х – начала 1980-х: «Физика и экономика» (1967 г.), «Пути физической мысли» (1968 г.), «Джордано Бруно и генезис классической науки» (1970 г.), «Прогноз и ретроспекция в генезисе неклассической физики» (1971 г.), «Философия оптимизма» (1972 г.), «Разум и бытие» (1973 г.), «Ценность познания: Очерки современной теории науки», (1975 г.), «Идеи и образы Возрождения. Наука XIV–XVI вв. в свете современной науки» (1979 г.), «Современная наука и философия: Пути фундаментальных исследований и перспективы философии» (1981), «Этюды о меганауке», (1982 г.), «Идеалы современной науки» (1983 г.). Безусловно, здесь тоже присутствует физика, но здесь иной, не «узко» исторический подход, здесь в центре анализа – движение науки, ее генезис, ее ценности и идеалы. А это уже – категории социальной философии и социологии. В своей «итоговой» книге Кузнецов так определил предмет своих

многолетних исследований: «История науки – это тот элемент всеобщей истории, для которого особенно важен критерий ценности, критерий эффекта, критерий воздействия науки на общий необратимый прогресс цивилизации» [8, с. 239].

Отмечу здесь и удивительную, «странную» даже для Б.Г., максимально свободного в своих рассуждениях, книгу «Путешествия через эпохи. Мемуары графа Калиостро и записи его бесед с Аристотелем, Данте, Пушкиным, Эйнштейном и многими другими современниками» [9]; ниже об этой книге будет рассказано подробнее. В определенном смысле «Мемуары» можно рассматривать в одном ряду с вышедшей в тот же год «Ценность познания», но она сделана в принципиально ином ключе, в иной стилистике. Фантастический сюжет, появление машины времени позволили Кузнецову исключить из своего анализа время как физическую величину, оставив за ним лишь его «социальную насыщенность». Таким образом ему удалось показать вневременной, т.е. независимый от времени характер ценностей и идеалов науки. В частности, книга свидетельствует, что деятельность Кузнецова в начале 1930-х годов по решению проблем электрификации страны можно трактовать как начало его социологического понимания науки. Странно, что на этот аспект работ Б.Г. разных лет не обращали внимание авторы материалов о его жизни и его исследованиях. А ведь социологичность его работ естественна, и не только потому, что он учился и входил в науку в период, когда социологизация была одним из трендов научных исследований, но и потому, что как ученый, историк науки он формировался в кругу Н. И. Бухарина, В. И. Вернадского, Г. М. Кржижановского, Т.И. Райнова, которые в наше время признаются пионерами российской социологии науки. Тема социологичности историко-научных исследований Кузнецова будет обсуждаться ниже.

О научной смелости и независимости Кузнецова говорит факт, приведенный в цитировавшейся выше статье С. С. Илизарова. Во второй половине 1970-х, т.е. задолго до того, как имя Н.И. Бухарина вернулось в нашу культуру, Илизаров изучал прошлое ИИЕТ и чувствовал некую недоговоренность в доступных ему описаниях событий 20–30-х годов. Тогда ему посоветовали поговорить с Б. Г. Кузнецовым, знавшим, что было в довоенное время. И вот, вспоминает Илизаров: «В актовом зале в памятном Старопанском переулке и проходила моя беседа с собеседником В. И. Вернадского [БД: о беседах Кузнецова с Вернадским см. ниже]. У меня сохранился листок с обрывочными записями. Б.Г. Кузнецов безусловно понимал, что перед ним сидит совершенный невежда в тех сюжетах, о которых шла беседа, но по своему обыкновению был терпелив, снисходителен, мягок, улыбочив и доброжелателен» [4, с. 104].

В моем понимании, Б. Г. Кузнецов – один из представителей пока мало известного нам типа «неопознанных», или «нераспознанных», отечественных социологов науки. Очевидно, что в 30–50-е он не мог позиционировать себя в качестве социолога (науки, культуры, времени), а позже, думается мне, советская социология и не признала бы его как социолога. Тогда наша заново рождавшаяся социология не была готова к этому. Но теперь – созрела.

Первые 30 лет жизни: успешный, но незавершенный поиск себя

Рассмотрение периода 1930-х удобнее продолжить после рассказа о нетривиальном по нынешним временам пути Кузнецова к образованию. И что интересно, при ознакомлении с этим сюжетом может сложиться впечатление, что Б.Г. уже в юности знал, кем он будет, и целенаправленно готовил себя к исследованиям по истории науки. А ведь лишь много позже он прочел у Ларисы Рейснер утверждение,

которое он перефразировал следующим образом: «Если у Вас слишком много различных научных склонностей, то еще не все потеряно: Вы можете стать историком науки» [6, с. 34].

В некрологе, написанном В. С. Кирсановым и С. Р. Филоновичем, отмечено: «Исключенный из реального училища за участие в революционном движении, он смог продолжить образование, лишь вернувшись с гражданской войны» [10, с. 111].

У меня нет документального подтверждения этого утверждения, но в силу ряда причин я склонен считать его верным. Раскрою эти причины, в частности, чтобы показать лабораторию, или кухню, моей работы.

Прежде всего, приведенные выше слова кажутся мне правдоподобными, поскольку одним из авторов статьи, в которой я их прочел, был Владимир Семенович Кирсанов, многолетний сотрудник и друг Кузнецова, с детства, знавший его. Он был сыном известного поэта Семена Исааковича Кирсанова (1906–1972), с которым Б.Г. дружил с молодых лет и до смерти поэта.

Была еще одна причина отнестись с доверием к рассматриваемым словам, о ней скажу ниже, а сейчас – о поиске. Я не знал соавтора В. Кирсанова Сергея Ростиславовича Филоновича, но решил поискать информацию о нем в Интернете и попытаться связаться с ним. Это оказалось совсем нетрудно, С.Р. Филонович – доктор физико-математических наук, специалист в области истории физики и социолог, декан Высшей школы менеджмента «Высшей школы экономики». Обнаружив это, я 4 марта 2016 года отправил ему «мейл», представился, сообщил, что пишу статью о Б. Г. Кузнецове и спросил его, знал ли он Кузнецова и откуда информация об исключении Б. Г. из реального училища.

Уже 6 марта я получаю ответ, из которого узнаю, что Филоновича связывали с Б.Г. довольно близкие отношения. И далее он сообщает: «Возможно, в одной из бесед с Б.Г. я и узнал об истории, касающейся его исключения из реального училища. Но память несовершенна: вполне возможно, что эта информация исходила от В.С. Кирсанова, который знал Б.Г. с детства. Наконец, самая невероятная гипотеза состоит в том, что об исключении Б.Г. я мог узнать от своего учителя по педагогическому институту им. Ленина, профессора Николая Николаевича Малова, ровесника Б.Г., отец которого, со слов Б.Г., был директором того самого реального училища, где учился Б.Г. Мир тесен!». Да, действительно, «мир тесен».

И вот – третий аргумент в обоснование моего доверия утверждению Кирсанова и Филоновича, оно в целом соотносится с тем, что мне известно из семейной хроники. Я помню дореволюционную на толстом картоне фотографию, на которой изображены два сорванца в мундирчиках реалистов: Борис и Моисей Шапиро. Братья были двойняшками и на протяжении всей жизни сохраняли глубокую дружбу. Еще школьником я знал, что у меня есть два дяди – родные братья и удивлялся, почему один из них – Борис Григорьевич Кузнецов (он жил в Москве), а другой – он тогда был военно-морским инженером и служил в Либаве (теперь – Лиепая, Латвия) – Моисей Соломонович Шапиро. По воспоминаниям моей мамы, в годы Гражданской войны Борис, по совету комиссара отряда или командира (скорее всего, Кузнецова) сменил еврейскую фамилию Шапиро на русскую Кузнецов и отчество Соломонович на Григорьевич. Вряд ли это спасло бы его, окажись он в плену у махновцев, но все же было не столь вызывающим. При этом он не менял своей национальности, в «Личном листке по учету кадров» указано – еврей.

Некоторые данные из «Личного листка» будут приведены ниже, но прежде всего обратимся к воспоминаниям Б.Г. вкрапленным в названные выше «Мемуары». В них – о ранних, доинститутских годах, о первых годах освоения серьезной культуры. А по сути, о несравненно большем, о зачатках того, что нашло отражение во всей жизни Кузнецова и в его научных поисках.

«Когда мне было десять, – вспоминал Кузнецов, – случайно прочитанная популярная книга о математике стала источником сильного эмоционального эффекта. <...> В книге обсуждался смысл дифференциального исчисления, причем довольно глубоко» [9, с. 9]. Что здесь можно сказать? Допускаю, что книга по дифференциальному исчислению попала в руки подростка случайно, но ведь не каждый подросток откроет ее, заглянет в нее, тем более, начнет вчитываться. Похоже, в сознании мальчика уже существовала некая установка на получение этого вида информации и на усвоение ее. Иными словами, он ее искал, потому она и «нашлась».

«Первым этапом литературного образования, – пишет Кузнецов, – было чтение Достоевского. После беседы Ивана Карамазова с Алешей, после монолога Ивана о судьбе замученных детей, о гибели и горе, которые не может возместить никакая, даже «неэвклидова» вселенная гармония, я стал по-иному воспринимать коллизии Всего и индивидуального. <...> Этот этап литературного «сентиментального воспитания» был подготовкой следующего, который, собственно и был переходом от отрочества к юности. Я познакомился с учением Маркса. Мне хочется рассказать о его роли в моем «сентиментальном воспитании». Я понял, что штирнеровский «единственный» (изучение Маркса началось с «Немецкой идеологии») – это иллюзия, что человек вне общества так же нереален, как нереально *здесь-теперь* без *вне-здесь-теперь*, я почувствовал человеческую солидарность как условие человеческого бытия. Следующим этапом «сентиментального воспитания» было знакомство с творчеством Эйнштейна. Повторяю; «сентиментального воспитания», воспитание чувств. Сейчас я уже плохо помню детали последовательного изучения теории относительности, но хорошо помню эмоциональный эффект этого изучения» [9, с. 100–101]. Весьма интересно, как все сказанное Кузнецовым о «сентиментальном воспитании» вросло в его взрослую жизнь и профессиональные размышления. Эпиграфом к главе «Достоевский и Моцарт» в самой известной книге Кузнецова «Эйнштейн» служат слова Эйнштейна «Достоевский дает мне больше, чем любой мыслитель, больше, чем Гаусс?». И Кузнецов пояснял, что речь шла не о логических импульсах к поиску гармонии мира, но о психологических [11, с. 92].

Продолжая тему «сентиментального воспитания», остановимся на воспоминаниях Б.Г. о значении работ В.И. Ленина на развитие его собственных научных интересов и гражданского самоощущения, а также на отношении к ним, Кузнецов писал – его поколения, наверное, точнее – его окружения. Он вспоминал:

«Прочитав каждое новое произведение Ленина, люди становились не только образованней, но и во всех отношениях свободней, их сознание еще больше заполнялось интересом целого. Для моего поколения к этому прибавлялось нетерпение, с которым мы раскрывали страницы с новыми

Слева: Моисей Шапиро, Борис Кузнецов
Конец 1940-х – начало 1950-х

выступлениями Ленина, прибавлялось также труднопередаваемое ощущение одновременности нашего пребывания на земле с жизнью Ленина» [9, с. 105]. Сегодня многим молодым читателям с трудом верится в приведенные слова, но я встречал и помню людей этой когорты, рожденных в первые годы XX столетия, участвовавших в Гражданской войне и в решении крупных социально-технологических проблем, по велению сердца становившихся большевиками. И через десятилетия, даже пройдя через многие испытания, они оставались верными идеалам своей юности и молодости.

И далее, очень важное для понимания высочайшей степени включенности Кузнецова в разработку проблем электрификации страны и плодотворности всей его деятельности сначала в энергетике, а затем в исследовании эволюции физики. «Уже в 20-е годы я почувствовал единство того, что меня занимало, – интереса к теории относительности и интереса к общественным идеям и проблемам. Прочитав письмо В. И. Ленина Г. М. Кржижановскому о плане электрификации и затем выступление Ленина, посвященное плану ГОЭЛРО, я почувствовал, каким мощным рычагом преобразования общественных отношений становится классическая наука. План электрификации был воплощением классической науки, комплексным планом реализации того, что позволяла сделать классическая термодинамика, классическая электродинамика, классическая электронная теория. Но план ГОЭЛРО вызывал в сознании картину дальнейшего прогресса [9, с. 105–106].

Процесс получения Б.Г. высшего образования отражен в его «Личном листке». В 1920 году он поступил на электротехнический факультет Политехнического института в Днепропетровске (до 1926 года город назывался Екатеринославом), который закончил в 1925 году. Практически одновременно, с 1922 по 1927 годы, он учился на историческом факультете Университета в Днепропетровске. Другими словами, уже в ранней молодости Кузнецова привлекали к себе физика и техника, а также – история.

Что еще вместили в себя эти годы? С марта 1921 по октябрь 1922 гг. Кузнецов, лишь в октябре 1923 года ему исполнится 20 лет, служил помощником начальника учебной части 33 пехотных курсов. Возможно, этот факт подтверждает то, что у него был некий опыт участия в боевых операциях, так как трудно допустить, чтобы молодых бойцов обучал человек совсем «со стороны». С октября 1922 до августа 1924 гг. он – лектор одного из райкомов КП(б) Украины. Возможно, там он был принят кандидатом в члены Коммунистической партии. Затем три года, с августа 1924 по июль 1927 гг., Кузнецов, будучи еще студентом двух ВУЗов, работал преподавателем Совпартшколы, и в 1925 году он становится членом КП(б) Украины. Обратитесь к биографиям видных советских ученых, инженеров, руководителей крупных предприятий и отраслей, родившихся в первые годы прошлого века. Там будет примерно такой же жизненный старт. И в этом отношении биография Б.Г. – типична для молодых интеллектуалов его поколения.

Окончив университет, вчерашний студент и одновременно – опытный преподаватель, Кузнецов уезжает в Москву, где в 1927–1930 гг. он обучался в аспирантуре Экономического института Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). При этом практически все это время Б.Г. преподавал в Промакадемии, вскоре ставшей кузницей ранней советской номенклатуры.

Итак, «десятилетка» (1920–1930 гг.) Кузнецова была более, чем интенсивной и эффективной в плане накопления и передачи знаний. Он входил в нее – провинциальным юношей, влекомым идеями о коммунизме, еще до революции читавшим Маркса и книгу по экономике известного народовольца А.Н. Баха (об это – ниже) и увлекавшимся идеями М. А. Бакунина. И он завершил ее молодым московским интеллигентом, ориентированным во многих вопросах математики, физики и техники, истории и экономики. Добавлю, мама Бориса и Моисея (дома – Муся),

Анна Марковна Шапиро родилась в 1870 г., подчеркивала, что была ровесницей Ленина, прожила почти сто лет и всегда сохраняла отличную память. Она училась во Франции или Бельгии, в совершенстве знала французский язык и всегда на ее столике у кровати была какая-либо французская книга. Мне запомнился один разговор с ней, она тогда читала первое издание книги Кузнецова «Эйнштейн» и сказал мне: «Я всегда знала, что Муся очень хорошо пишет, но, оказывается, Боря – тоже».

Мама обучила сыновей французскому языку, и Б.Г. всю жизнь был франкоманом, любил и знал французскую историю и культуру. Это способствовало тому, что уже в послевоенный период он обсуждал серьезнейшие научные и гуманистические проблемы с Фредериком Жолио-Кюри и Луи де Бройлем, дружил с Александром Койре и Ильей Пригожиным, которым, несмотря на их русские корни, много легче было говорить по-французски. В добрых отношениях он был также с Эльзой Триоле и Луи Арагоном.

И он очень любил Париж. Это чувствуется даже в мелодии короткого отрывка из упоминавшейся выше книги Кузнецова «Путешествия через эпохи». Опустим фантастичность ситуации и слова Б.Г. о том, что в темном ночном Веймаре, прокручивая в сознании только что состоявшуюся у него беседу с Гете, он вспомнил об одном солнечном парижском утре. Сосредоточимся на самом «воспоминании»: «Это было воспоминание о будущем, о конце 40-х годов XX века. Я стоял на мосту Сен-Мишель рядом с Фредериком Жолио-Кюри, и мы смотрели поочередно то на восток, в сторону Нотр-Дам, то на запад – на корпуса Пале де Жюстис и Лувра. Дальше трудно было различить набережную, деревья и дома. Солнце только встало и еще не разогнало туман. Туман превращал пейзаж Парижа в нечто крайне фантастическое...» [9, с. 136–137].

В аспирантуре РАНИОН Кузнецов учился одновременно с будущим известным историком Великой Французской революции и биографом Наполеона А.З. Манфредом. Они поселились в одной комнате общежития, и их знание социально-политической истории Франции, их любовь к культуре этой страны, Манфред с раннего детства прекрасно знал французский язык, соединили их на всю жизнь [6, с. 65–74].

Внимание Кузнецова к развитию французской науки просматривается на протяжении всей его жизни. В 1937 году он опубликовал в «Правде» статью «Декарт и русская наука» [12], а через 30 лет – совместно с известным историком науки И.Б. Погребыским – книгу «Французская наука и современная физика» (1967 г.).

Пытаясь восстановить более, чем столетней давности события в жизни Б.Г. Кузнецова, приходится обращать внимание на при первом прочтении мало заметные факты, приведенные в его единственной биографической книге «Встречи» [1], в которой, к тому же, не он – главный герой, а его собеседники, встречи с которыми он вспоминает. Так, при описании обстоятельной беседы с известным народолюбом академиком Николаем Александровичем Морозовым, Б.Г. вспоминает о крупном ученом и революционере академике Алексее Николаевиче Бахе, который был лишь немного младше Морозова. С Бахом Кузнецов часто встречался перед войной, поскольку сотрудничал с ним в редакции одного из научных журналов. И вот здесь-то Б.Г., имея в виду Баха, мимоходом замечает: «Его революционную, экономическую брошюру я читал еще в детстве, до революции <...>» [6, с. 46].

Скорее всего, именно эта книга породила интерес Кузнецова к экономике, который он сохранял на протяжении всей жизни. В книге «Физика и экономика» (1967 г.) он писал: «С самой ранней юности (а она начиналась у нашего поколения в отроческие годы) меня увлекали экономические проблемы электрификации и проблемы теоретической физики», и здесь «ранняя юность, совпадающая с отрочеством» коррелирует со словами: «я читал еще в детстве, до революции». Поэтому мне пока-

залось интересным узнать, какую книгу Баха мог читать в юности Кузнецов, и, не зная историю дореволюционной марксистской экономической литературы, мне думалось, что это будет непростая задача. Но я ошибался, у Баха до революции вышла лишь одна такая книга, а после революции, вернувшись из многолетней эмиграции, он занимался в основном исследованиями в области биохимии.

Речь идет о брошюре «Царь-голод», впервые вышедшей в 1883 году, в ней Бах обобщил содержание своих лекций для рабочих по основам экономического учения К. Маркса. В качестве названия книги использованы две строки из поэмы Н.А. Некрасова «Железная дорога»: «В мире есть царь: этот царь беспощаден, / Голод названье ему». Книга выходила под указанным названием с подзаголовком «Экономические очерки» или просто – «Экономические очерки». В электронном каталоге Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге приводятся библиографические карточки на свыше 20 изданий брошюры в России: Санкт-Петербург (позже – Петроград), Москва, Одесса. Самара, Смоленск, Ростов-на-Дону, Владивосток, Гельсингфорс (после 1917 г. – Хельсинки) и за границей: Берлин, Женева. Участвуя в революционном движении, как отмечают Кирсанов и Филонович, братьям было несложно ознакомиться с содержанием этой работы.

Вообще, анализируя биографию Кузнецова, неожиданно обнаруживаешь, что та его первая, заочная встреча с Бахом фактически проложила путь Б.Г. к деловому и человеческому общению с выдающимися русскими исследователями, успешными добиться значительных успехов в избранных ими научных направлениях еще до Революции 1917 года и оставшихся в стране (или вернувшихся в страну), чтобы как ученые и граждане содействовать строительству нового общества. Так получилось, что уже в ранние годы, только, начиная свои историко-научные поиски, Кузнецов многократно встречался и обсуждал многие ключевые вопросы развития науки с академиками В. И. Вернадским, В. Л. Комаровым, Г. М. Кржижановским, А. Ф. Иоффе и другими выдающимися учеными. Думаю, что это редчайший случай в пространстве научной коммуникации, тем более – межпоколенной. Ведь Б.Г. был значительно младше свои собеседников.

Безусловно, считая мощный профессиональный и гражданский рост Б.Г. его личным достижением, необходимо все же видеть в этом и «поколенческое» начало, он – из той генерации, которая восприняла вызовы революции, времени и быстро выросла. В качестве примера назову близких друзей Бориса и Моисея трех братьев Тайцев; их дружба началась в ранние 1920-е еще в Екатеринославе. Старший брат, профессор Ной Юриевич Тайц (1896–1974), всю жизнь прожил в Днепропетровске, стал мировой известности металлургом, автором многих учебников, основателем электротермической школы в металлургии. Трагически сложилась судьба среднего брата – Михаила Тайца (1902–1941), он в совершенстве знал французский и немецкий языки, уже в 18 лет вступил в партию. Он много лет работал с А.П. Розенгольцем (1889–1937), крупным военным чиновником правительства В.И.Ленина, полпредом в Великобритании и наркомом внешней торговли СССР. По поручению Розенгольца Михаил Тайц служил в советском посольстве в Германии, отвечая за закупки цветных металлов. Можно допустить, что он хорошо знал экономику, во всяком случае с ним в 1930 г. Кузнецовым была написана его первая книга «Об “организационном капитализме”» [13]. В 1933 г. Михаил Тайц вернулся в Москву и работал в главном центре идеологии ЦК ВКПб: Институте Маркса-Энгельса-Ленина. А далее: 29 июля 1939 года он был арестован и 18 июня 1941 года – расстрелян.

Третий брат – Аркадий Тайц (1906–1995) тоже был металлургом. После окончания института в Донецке работал в Ленинграде в алюминивно-магниево-индустрии, все шло успешно. Но, начиная с 1934–1935 гг., жизнь стала невыно-

симой из-за страха доносов, обвинений во вредительстве или идеологическом преступлении, усмотренном в неточном высказывании. В архиве его сына, Дмитрия Тайца, физика, живущего в Петербурге, сохранились два письма, показывающие, как друзья Аркадия спасали его жизнь. Автором первого – является Б.Г., второго – друг Тайца, всемогущий организатор советской металлургии Петр Фадеевич Ломако.

В Свердловский РК ВКПб

По просьбе А.Ю. Тайца сообщаю, что я в 1923–1927 г. работал в Днепропетровске, хорошо знал его и могу подтвердить, что Манусов, Пятакова и Перлин не являлись его друзьями.

*Член ВКПб п.б. 0049336. Организация И-та Ист.Техники
Киевского района г. Москвы. Б. Кузнецов 2/Х–1937 г.*

Письмо от 15 ноября 1939 г. № Л-791 (с гербом) из «Народного Комиссариата цветной металлургии СССР, на имя А.Ю. Тайца и директора Всесоюзного алюминий-магниевого института (А. Д. Ходыко):

*Предлагаю откомандировать на КМЗ (Урал) сроком до 2-х лет главного инженера проекта т. Тайца А.Ю. для использования на руководящей работе КМЗ.
Заместитель народного комиссара цветной металлургии П.Ломако .*

Все и все понимали, распоряжение Ломако было исполнено даже до того, как письмо пришло в Ленинград. Запись в трудовой книжке А.Ю. Тайца: «Освобожден ВАМИ 15 ноября». Приступил к работе на КМЗ (Урал) 15 ноября». Мгновенное «исчезновение» из Ленинграда!

Теперь, развивая утверждение о том, что в 20-е–30-е годы в культуру вошло много талантливой молодежи, рассмотрю еще одну грань коммуникационного пространства Кузнецова. Это поможет лучше представить его внутренний мир и – думаю – приблизиться к раскрытию каких-то сторон его творчества. Конечно, речь не может идти о специфике его собственно историко-научных построений и его трактовках сложнейших вопросов эволюции картины мира. Но, с другой стороны, творчество ученого всегда пронизано какими-то глубокими личностными, интимными воспоминаниями, оно глубоко биографично.

Все, о чем я пишу, было давно, многое потеряно навсегда, но все же, кое-что о жизни Б.Г. в Москве 1930-х (не имеется в виду его работа и собственно деловые связи) еще может быть с той или иной степенью правдоподобия реконструировано.

Из троих братьев Тайцев Б.Г. был наиболее близок с Михаилом, который дружил с поэтом Ильей Сельвинским и, по рассказам знавших его людей, встречался с Маяковским. Не имея пока никаких других «зацепок», допускаю, что именно Михаил познакомил Кузнецова с Семеном Кирсановым. Они были ровесниками, воспитывались в еврейских семьях, оба приехали в Москву из крупных культурных центров Украины (Днепропетровск и Одесса) в середине 1920-х.; «московские дороги» Тайца и Кирсанова вполне могли пересечься.

Мой интерес к истории знакомства Б.Г. и Семена Кирсанова вызван тем, что из этой «точки» можно (мне думается) перейти к освещению некоторых сторон жизни Б.Г., крайне важных для понимания его мира, в частности – круга его московских друзей. Осенью 2015 года мои поиски помогли мне познакомиться с Ольгой Хазовой, вдовой Владимира Кирсанова, сына поэта. В одном из своих писем я спросил ее: «... что могло на протяжении многих лет притягивать Семена Кирсанова и Бориса Кузнецова? Все же они – из разных социальных страт: поэтической (литературной) и академической...». Она написала мне: «Поскольку я много встречалась с Б.Г., меня не удивляет его близость с Семеном Кирсановым. Он не был похож на кабинетного ученого, он был человек тонкого остроумия, шармер, в присутствии женщин вообще не говорил о науке. С Семой они – друзья юности. Когда

Боря возвращался из Германии после войны, он подъехал с друзьями к Большому театру на трофейном «Хорхе» и бросил его там. Ну разве это не говорит о нем?». Но следует заметить, что Кирсанов, признанный первооткрывателем ряда современных направлений русской поэзии, был весьма образованным человеком. По воспоминаниям Ираклия Андроникова, Кирсанов мог со знанием дела говорить с разными людьми на разные темы — и о составе берёзового сока, и о теории относительности, и о многом другом.

В заметке о Семене Кирсанове, размещенной в Вики, сказано, что в 1928 году он женился на актрисе Клавдии Бесхлебных. И далее, Клавдия отличалась общительностью, вызывала симпатию у известных людей. Среди её ближайших друзей были блестящие артисты балета Асаф Мессерер и его сестра Суламифь, легенда советского кинематографа 20-х — Анель Судакевич, известный журналист Михаил Кольцов, художник Александр Тышлер, шахматист Михаил Ботвинник. Клавдия помогла Кирсанову расширить круг знакомых. В воспоминаниях Кузнецова об известном физике Я.И. Френкеле (1894-1952), его расположенности к людям, есть неожиданное воспоминание: «Просто я почувствовал то же, что ощутила Клава Кирсанова, когда увидела Эйнштейна» [6, с. 50]. Когда это было? в связи с чем? Где? — трудно сказать, ясно лишь одно, — до войны, ибо Клавдия Кирсанова умерла от туберкулеза в начале 1937 г., ей было 29 лет.

Ольга Хазова сделала мне драгоценный подарок — она сканировала несколько фотографий, конца 1920-х—начала 1930-х, на которых изображена небольшая молодежная компания, отдохавшая, возможно в Крыму или на Кавказе. Пока мне не удалось определить всех, кто изображен на них, но и без этого можно утверждать, что это были очень интересные люди. На одной из них — на фоне невысокой горы сидят и стоят восемь человек: четыре молодые женщины и столько же мужчин. Среди известных мне мужчин: молодые Борис Кузнецов и Семен Кирсанов. Определены также три красивые женщины: в первом ряду сидят Суламифь Мессерер и Клавдия Кирсанова, за ними стоят две молодые женщины, одна из них Анель Судакевич. Вот как уже в конце жизни Суламифь Мессерер писала о Судакевич: «Анель была знаменитостью. Актриса немого кино и сногшибательная красавица, она в то время являлась в СССР национальным идиолом, наподобие Шарон Стоун и Джулии Робертс в сегодняшней Америке. Судакевич останавливали даже на пыльных тропинках такого забытого Богом уголка, как Хоста, и просили автограф» [14, с. 46]. А, может быть, эти фотографии и были сделаны в Хосте?

Легко понять, что скучный, зажатый, занудливый человек мог лишь случайно оказаться в таком окружении, но Кузнецов там был «своим».

О Семене Кирсанове, Суламифи Мессерер, Анели Судакевич написано немало, я хотел бы здесь немного сказать лишь о Суламифи, ибо в течение десяти лет она была женой Б.Г. Вполне возможно, что встретились они у Кирсановых.

Суламифь Михайловна Мессерер (1908–2004) — принадлежит к известной семье Мессереров-Плисецких, внесшей большой вклад в развитие советского и российского искусства и культуры. В аннотации к ее книге «Суламифь. Фрагменты воспоминаний» сказано: «Имя замечательной балерины и педагога Суламифи Мессерер навсегда останется в истории русского и мирового балета. Прожив чуть менее века, она была свидетельницей многих событий двадцатого столетия, объездила весь мир, блистала на сцене и воспитывала следующие поколения талантливых артистов, пережила годы сталинских репрессий, личные трагедии, а на восьмом десятке лет решила круто изменить свою жизнь...». 7 февраля 1980 г. во время гастролей Большого театра в Японии Суламифь Мессерер вместе с сыном попросила политического убежища в Англии.

Суламифь Мессерер была яркой, уникальной личностью. В 1926 году она окончила Московское хореографическое училище и вскоре стала солисткой Большого театра. В 1928 году на Всесоюзной спартакиаде, которая одновременно была и чемпионатом СССР по плаванию, она стала двукратной чемпионкой.

В поисках информации о Суламифи Мессерер я познакомился с ее племянником Азарием Мессерером, журналистом, переводчиком, доктором филологических наук и пианистом, с 1981 г. живущим в Америке. Он сообщил мне ценную информацию о Суламифи и попросил своего кузена Михаила Мессерера (1948 г.р.), ее сына от второго брака, главного балетмейстера Петербургского Михайловского театра, сканировать для меня нескольких страниц воспоминаний своей матери. Вот что писала Суламифь о начале своего замужества:

Балетная критика благосклонно приняла мою Китри. Особенно похвалили богатую гамму ее чувств.

«...В образе простой испанской девушки, борющейся за свое счастье, Мессерер правдиво и убедительно передавала многообразные чувства своей героини. Здесь и радость встречи с возлюбленным, и вспышка ревности, и горделиво-презрительное отношение к богатому жениху, и притворное отчаяние в сцене инсценированного Базилем самоубийства...».

Критику невдомек, что именно помогало мне в конце 20-х годов «правдиво и убедительно» воссоздать «радость встречи с возлюбленным. А объяснение простое. Я была влюблена.

В 1930 году я вышла замуж за Бориса Кузнецова, приятеля моих старших братьев.

Нижний ряд: Семен Кирсанов, Суламифь Мессерер, Клавдия Кирсанова
Второй ряд: Анель Судакова, неизветная женщина, Борис Кузнецов
Середина 1930-х

Милейший и добрейший человек, красавец необыкновенный, он занимался экономикой. В свои 26 лет уже стал профессором. Между делом писал книгу о Лобачевском.

Ни цветов, ни обручальных колец у нас не было. Тогда все это считалось мещанством, мелкобуржуазными пережитками.

Тем не менее десять лет наш семейный очаг и грел, и радовал нас обоих. Поначалу мы жили в квартире у отца, в моей комнате. О ребенке, правда, в то время не помышляли. Мое имя только восходило на афишах Большого, вводы и новые партии изматывали до предела. Роды могли бы выбить со сцены надолго [14, с. 67].

Теперь – небольшой фрагмент интервью Михаила Мессерера порталу «Деловой Петербург» (20 августа 2012). Он вспоминает конец 1930-х, когда Майя Плисецкая воспитывалась в семье Бориса Кузнецова и Суламифи:

Мама обожала Майю. Когда ее отца, крупного советского чиновника, расстреляли, а мать отправили в ГУЛАГ, Майя жила у моей мамы, которая ее воспитывала, следила за тем, чтобы девочка продолжала учиться в школе Большого театра. И, когда пришли забирать Майю в детский дом для детей врагов народа, где, разумеется, ни о каком балете не могло быть речи – то есть мир лишился бы великой Плисецкой, – мама легла на пороге: «Через мой труп!» Можете себе представить: в 1938-м! Как сказали маме, единственным законным путем избежать детского дома было усыновить (дурацкое слово, но именно так, а не удочерить) Майю. Что она и сделала. Когда люди отреклись от мужей, жен, родителей, детей, мама ходила и пробивала это усыновление. Мама была героиней! [15].

Безусловно, сказанное в полной мере распространяется именно на Суламифь, но, косвенно, говорит и о Кузнецове. Трудно допустить, чтобы она одна, без какого-либо обсуждения с мужем принимала решение о том, чтобы совсем юная Майя Плисецкая, дочь «врагов народа», жила с ними, и тем более – о ее удочерении.

Закончим наш рассказ фрагментом воспоминаний Суламифь Мессерер о завершении ее семейной жизни с Б.Г.:

«Большой» вернулся в Москву в 1944-м, а я оказалась в столице раньше. Постепенно возвращались люди из эвакуации. Тогда и пробились ко мне сквозь гарь и боль воюющей страны весточка от Бориса.

Промеж вымаранных цензором строк – разрозненные, казалось, бесстрастные фразы. Жив, более-менее здоров, когда вернусь – неизвестно.

Окольными путями до меня дошла молва: у Бориса в эвакуации нашлась женщина. Нормальный для военного времени оборот событий...

Вернувшись из эвакуации сестра ютилась у меня в коммуналке с тремя детьми. Я ответила мужу, обрисовала теснотищу в нашем колхозе. Не мог бы он не спешить с приездом? Ведь жить пока негде.

Борис, видимо, по-своему истолковал мою просьбу. В каком-то смысле у него имелись на то основания: война впрыснула что-то вроде наркоза в наши чувства, мы долго ничего не знали друг о друге, и постепенно жизнь одного перестала быть жизнью другого.

Светлый, добрый человек, Борис понимал это лучше меня. Он не вернулся. Больше мы не встречались [14, с. 151].

Я стал достаточно регулярно бывать в Москве и останавливаться в семье Кузнецовых в первой половине 1960-х годов, так что я не мог познакомиться с Суламифь Мессерер. Но и от Б.Г., и от членов его семьи я слышал о Мите, так

Суламифь называли все, близко знавшие ее, лишь слова, пронизанные добром, теплом. А прочитав приведенные выше ее слова о любви к Борису Кузнецову, о том, что это помогло ей раскрыть образ Китри в балете «Дон Кихот», я, естественно, задумался о том, что удивительная плодотворность исследовательской деятельности Б.Г. на протяжении всех 1930-х годов тоже может быть в значительной мере отражением чувства влюбленности в Миту, которое он тогда безусловно испытывал.

После войны женой Б.Г. стала Римма Леонидовна Нарышкина (1924 – 1985), я хорошо знал ее, был с ней дружен. Римма была очень красивой, элегантною, стильной женщиной. Когда они поженились, по-моему, она была еще студенткой Московского государственного института международных отношений, потом она занималась вопросами гражданского законодательства за рубежом, прежде всего – в США, стала доктором юридических наук, профессором, автором ряда монографий и учебников.

К сожалению, после отъезда в Америку я не общался с дочерью Бориса Григорьевича и Римы Леонидовны, и уже в процессе работы над биографией Б.Г. узнал, что Валентина Борисовна умерла в 2015 году. Но жива ее дочь – Римма, когда я уезжал, она была совсем маленькой.

Закончу тему коммуникационного мира Кузнецова его словами о том, что живое общение, встречи, беседы, споры, близкое личное знакомство дают такой импульс научной интуиции, какого не дают книги, и особенно это важно в случае извилистого пути в науке. Именно таким и было его движение в историю науки. Уверен, что он назвал лишь малую долю тех, с кем он был знаком, обсуждал многие темы, но все равно получился очень впечатляющий ряд представителей мира литературы и искусства: Афиногенов, Леонов, Асеев, Сельвинский, Качалов, Ливанов, Чирков, Прокофьев, многие звезды балета, начиная с Гельцер и завершая Плисецкой.

ПРЕДВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ. ПОНИМАНИЕ БУДУЩЕГО ПОТРЕБОВАЛО ОБРАЩЕНИЯ К ПРОШЛОМУ

Теперь вернемся в начало 30-х и рассмотрим, как складывалась карьера Кузнецова после завершения аспирантуры в РАНИОН. В самом общем плане сделать это несложно, необходимая информация есть в «Листке по учету кадров» и в «Автобиографии». 30-е годы – время развития энергетики и повышенного внимания к истории энергетической техники и электротехники. То был передний край науки, все достижения в области физики и техники на Западе и в СССР рассматривались применительно к решению актуальных задач энергетики. Б.Г. с его прекрасным образованием и чутьем на новое, умением слушать и прекрасными ораторскими данными, оказался в высшей степени востребованным. В июле 1930 г. он – заместитель начальника сектора электрификации Госплана СССР и одновременно – заведующий кафедрой Планового института. Обе эти должности он оставляет в ноябре 1931 г. и в 28 лет становится директором Всесоюзного института энергетики и электрификации. В автобиографии Кузнецова отмечено, что в 1930–1932 гг. он составлял схемы электрификации некоторых регионов страны, участвовал в разработке плана электрификации на вторую пятилетку и был одним из первых составителей схемы единой высоковольтной сети СССР.

Кузнецов принимал активное участие в работе ГОЭЛРО, в 1931 г. выходит его монография «Единая высоковольтная сеть СССР в перспективном плане электрификации» [16], а через год под его редакцией увидела свет книга «Основные энергетические ресурсы СССР и потенциальные торфяные и гидроэнергетические базы. Материалы к новому перспективному плану электрификации СССР».

Но вскоре, в феврале 1933 г., он переходит в Академию наук СССР на позицию старшего научного сотрудника Энергетического института. При этом не останавливается его активная преподавательская деятельность, с февраля 1933 г. и до осени 1939 г. он заведовал кафедрой истории энергетической техники Московского энергетического института. В 1936 году защищена докторская диссертация по экономике «Генезис некоторых электротехнических принципов». В одном из разговоров с С.Р. Филоновичем Б.Г. рассказал, что ему разрешили сразу защищать докторскую диссертацию. Что касается степени по экономике, то это было обусловлено интересами ВАКа (или органа, исполнявшего в те годы аналогичные функции), которому были нужны люди для формирования Советов по защите диссертаций в области экономики. Таких людей не хватало, поэтому Б.Г. за историческую работу присудили степень по экономике. Я думаю, что для этого были и более веские обстоятельства, диссертация, конечно же, носила междисциплинарный характер.

Вполне возможно, что столь стремительное движение Кузнецова по карьерной лестнице связано именно со спецификой, точнее сказать – с широтой его научных интересов. Это не могло не импонировать его старшим коллегам, понимавшим, что можно многое ожидать от человека, подходящего к решению актуальных технологических проблем с позиций большой науки. Обратимся к воспоминаниям Б.Г.: «С Г.М. Кржижановским я познакомился в один из весенних дней 1930 г. Я впервые пришел к нему, чтобы поговорить о некоторых вопросах, поднятых тогда в нашей литературе. <...> Поводом была моя статья «Генплан и электрификация», опубликованная накануне в «Торгово-промышленной газете», но разговор быстро перешел на более общие темы. <...> Получилось так, что через десять минут я поведал Глебу Максимилиановичу о раздиравшем тогда (отчасти и теперь) мою душу противоречии: меня одновременно интересовали и теоретические проблемы новой физики и технико-экономические проблемы». И затем Кузнецов заметил: «Вскоре после первой встречи с Г. М. Кржижановским я начал работать в Госплане» [6, с. 17–19].

К тому моменту Г. М. Кржижановский (1872–1959) уже давно был признанным специалистом в области планирования и реализации крупных общегосударственных технологических и социально-экономических программ, именно он в начале 1920 г. по заданию Ленина подготовил работу «Основные задачи электрификации России» и стал председателем Государственной комиссии по электрификации России (ГОЭЛРО). В течение 1920–1930-х гг. он был первым председателем Госплана, а затем возглавлял Главэнерго Наркомата тяжелой промышленности. В 1929 г. Кржижановский был избран академиком АН СССР и десять следующих лет был ее вице-президентом. Можно допустить, что он сразу рассмотрел в пришедшем к нему 26-летнем экономисте немалый исследовательский и гражданский потенциал. Не удивительно, что когда Кузнецов написал прогнозную статью для подготавливавшегося А. М. Горьким издания «Две пятилетки» и Горький предложил ему перейти в редакцию этого издания, Кржижановский решительно воспротивился. Но несколько позже, в 1936 г., он поддержал Б.Г., который решил перейти в академический Институт истории науки и вспомнил, что на один из дней рождения Кузнецова подарил ему книжку Киплинга «Кот, который ходит сам по себе». Подарил с намеком, сказав ему: «Ты и есть такой кот. Но мир науки так же тесен, как и мир в целом, а у нас с тобой склонность бродить по этому миру. Мы еще встретимся в энергетической области».

В целом мы видим, что к 33 годам Кузнецов стал не только одним из крупнейших экспертов в области развития энергетической системы страны, специалистом по истории и экономике энергетической техники, но он приступил к реализации своей давней мечты – изучать историю и физику, пусть пока в относительно узком направлении – в энергетике. По-видимому, окружавшие его люди, которые были много старше его и обладали несравненно большими, чем он знаниями и опытом, видели его серьезные устремления к пониманию законов природы и его готовность к постижению методологии и духа науки. Чем еще можно объяснить его тесное сотрудничество с такими крупными учеными, людьми масштабного, во многом – планетарного мышления, как академики В. И. Вернадский, В. Л. Комаров, Г. М. Кржижановский и А. Е. Ферсман? Ведь в момент знакомства с ними Б.Г. лишь перешагнул черту тридцатилетия и делал первые шаги в академической науке.

Уже в начале 1930-х Кузнецов начинает активно публиковать результаты своих исследований по истории науки. В 1933 г. им была опубликована брошюра «Исторические истоки современной дискуссии о природе электрического тока», в 1934 г. очередной выпуск «Истории техники» включал его объемную статью «Исторические корни работ Фарадея». Возможно, это была одна из его первых его статей, в которых общая историко-научная проблематика рассматривалась в историко-биографическом контексте [17]. В поисках материалов об этой статье Кузнецова я нашел рецензию на нее, опубликованную в 1935 г. в известном журнале «Под знаменем марксизма». Это – обзор сборника «История техники», вып. II, вышедшего в 1934 г. под редакцией Г.М. Кржижановского. Конечно, сегодня, более чем через 80 лет после появления самой статьи и рецензии на нее, не представляется целесообразным разбираться в сути дискуссии между позитивистами и феноменалистами в трактовке концепций электричества Фарадея, но приведу начало этой рецензии, чтобы показать язык и дух критических материалов того времени. Рецензент писал: «Статья тов. Б. Кузнецова “Исторические корни работ Фарадея” как нельзя более кстати освещает забытую, но волнующую страницу истории. Длительная дискуссия, происходящая между академиком Миткевичем, который, к чести его надо сказать, не будучи заражен модным сейчас на Западе гнилым позитивистским, махистским поветрием в физике, отстаивает материалистическую фарадеевскую концепцию в электричестве, и физиками — феноменалистами Френкелем и Гамовым, получает теперь несколько иное направление. Тов. Кузнецов, возможно, сам того не подозревая, показал с достаточной четкостью, как развивающаяся наука, подтверждая правильность материалистических взглядов Фарадея, шагнула далеко вперед по сравнению с тогдашним представлением о строении материи» [18, с. 166]. В наше время Я. И. Френкель и «невозвращенец» Г. А. Гамов (позже – George Gamow) признаются выдающимися физиками XX столетия, и, несомненно, уже в начале 1930-х Кузнецов глубже, чем рецензент, понимал значение их исследований и воздерживался (по мнению рецензента, «недостаточно коснулся») от критики «гнилых феноменалистических установок физических идеалистов».

Пройдут годы, и в свою биографическую книгу «Встречи» Кузнецов включит очерк о Якове Ильиче Френкеле, с которым у него «было несколько случайных встреч в 30-е годы, короткий период частых и длительных бесед в 1941–1943 годах, еще одна серия уже, смею сказать, дружеских бесед во второй половине 40-х годов» [6, с. 49]. И что особо интересно, но нечасто встречается в исторических поисках, в воспоминаниях Кузнецова мне удалось найти рассказ, возвращающий нас именно к цитированному выше фрагменту рецензии на статью Б.Г. о теории Фарадея развития электродинамики.

В начале 80-х, Кузнецов писал о том, что его первый серьезный разговор о Френкеле состоялся у него в 1932 году – напомним, Б.Г. еще не было и 30 лет – несколько раньше, чем он лично познакомился с ним. Возглавляя Всесоюзный институт энергетике и электрификации, он задумал соединить его с какой-либо крупной исследовательской организацией, например, с Институтом электричества и электрификации с крупными теоретическими и экспериментальными отделами, конструкторскими лабораториями и технико-экономическими подразделениями. Сначала он обсудил задуманное с В. Ф. Миткевичем, который, «несмотря на его антипатию к новой электродинамике и к новой физике в целом», назвал Кузнецову имя Френкеля. После переговоров с Кржижановским, Кузнецов, по его совету, поделился своей задумкой с А. Ф. Иоффе, и тот рассказал ему обстоятельно о Френкеле.

Таким образом, статья Кузнецова 1934 года о генезисе взглядов Фарадея на электричество, включала – несомненно – итоги обсуждения соответствующей проблематики с крупнейшими экспертами, и он понимал абсурдность критики «гнилых феноменалистических установок физических идеалистов», но по законам того времени не мог подробно и позитивно анализировать концепции Фарадея в духе последних достижений физики в области теории относительности и квантовой механики.

Не могу не прервать рассказ о событиях первой половины 1930-х, чтобы не сказать о личном, связывавшем в будущем Френкеля и Кузнецова. В рассматриваемом очерке о Френкеле есть такое воспоминание о нем: «Он был поэтом и знатоком поэзии, художником и знатоком живописи, музыкантом и знатоком музыки – очень эстетической и именно эмоциональной натурой. В 1942 г. перед моим уходом в армию Яков Ильич в Свердловске набросал мой портрет и, пока я позировал ему, развивал свои мысли о связи науки и искусства, высказывая их языком профессионального историка науки и профессионального историка искусств» [6, с. 57]. Прошло четыре десятилетия, и сын Я. И. Френкеля, физик и историк физики Виктор Яковлевич Френкель, друживший с Б.Г., редактировал часто цитируемую здесь книгу Кузнецова «Встречи» и в преддверии 90-летия Б.Г. написал для «Вестника Российской Академии наук» одну из самых содержательных и по-человечески теплых статей о Кузнецове: «Высоких званий не имел, но было имя» [1].

Теперь вернемся к рецензии на статью Кузнецова о теоретических взглядах Фарадея и отметим в ней два сюжета, которые представляются мне ценными для нашего историко-биографического исследования. Во-первых, в рецензии отмечается: «Большая часть статьи посвящена популярному изложению исторического развития знаний о природе электричества и магнетизма, начиная с незапамятных времен. Статья очень мало места уделяет самим работам Фарадея. В конце статьи намечается перспектива развития учения о природе явлений и развития энергетике в социалистическом обществе. Очевидно, именно поэтому работы Фарадея не являются предметом главного внимания, а одним из промежуточных звеньев развития материалистического учения о сущности электричества, материи и энергии» [18, с. 167]. Сказанное рецензентом можно понимать как то, что уже в первой половине 1930-х Кузнецов задумывался об эволюции физики, старался искать переходы от прошлого к будущему энергетике.

Во-вторых, по мнению автора рецензии: «Статья подчеркивает диалектику развития учения об электричестве, энергии и т. д. и показывает связь, которая существует между развитием науки и техники и обществом. Впервые широко использованы высказывания Энгельса об электричестве в «Диалектике природы». [18, с. 167]. Не знаю, «впервые» или кто-либо и до Кузнецова анализировал воззрения Энгельса на природу электричества, но одно здесь следует сказать определенно. Действительно, с конца 20-х годов Б.Г. внимательно изучал эту книгу и в своих историко-научных построениях использовал концептуальные рассуждения Энгельса.

В «Путешествиях через эпохи» Кузнецов упоминает «две встречи» с Энгельсом в Лондоне в 1993 году. Эти беседы писал Кузнецов-Калиостро (см. ниже): «...позволили мне объединить то, что я почерпнул в свое время из фрагментов «Диалектики природы», которые я начиная с 1927 года, с их издания в Москве, перечитывал много раз и знал почти наизусть. Я хорошо помню экземпляр второго тома «Архива Маркса и Энгельса», где с одной стороны был напечатан немецкий, а с другой – русский текст «Диалектики природы», и помню это первое чтение фрагментов» [9, с. 145].

Во второй половине 1930-х тематика исследований Кузнецова расширяется, он стремится понять, по каким направлениям будет развиваться наука и техника и какие за этим последуют преобразования в промышленности и обществе. Приведу названия нескольких его предвоенных книг: «Очерки по истории электротехники» (1936 г.), «История энергетической техники» (1937 г.), «Освоение естественных богатств Союза ССР» (1938 г.), «О новом этапе в развитии науки» (1939 г.), «Очерки истории русской науки» и «Коммунизм и техника будущего» (1940). Уже по названиям этих книг видно, что к концу 1930-х Кузнецов-энергетик постепенно становится историком техники.

В интересной, недавно опубликованной статье С.С. Илизарова [19] о творчестве крупнейшего русского историка и социолога науки Т.И. Райнова (1888–1958) сказано, что во время одной из встреч Райнова с В.И. Вернадским обсуждалась судьба сборника «Очерки по истории естествознания XVI – перв. полов. XVIII вв.» (IV том «Всеобщей истории естествознания»), оргредактором которого был Райнов. Проект не был реализован, но сохранились документы, по которым можно судить о содержании и авторах задуманных материалов. Кузнецов должен был подготовить в этот сборник три статьи общим объемом в 4 п.л.: «Возникновение капиталистического производства и общий характер естествознания мануфактурного периода», «Ломоносов–естествоиспытатель» и «Мировоззрение и естествознание мануфактурного периода». К сожалению, деятельность Райнова как социолога науки крайне мало изучена, и потому сложно даже предположить, как ему виделась общая концепция сборника, но в любом случае нельзя пройти мимо факта включения Кузнецова в состав авторов рассматриваемого коллективного труда. Ведь это означает, что уже в конце 1930-х в своих взглядах на развитие техники и науки Кузнецов был не только собственно историком, но и социологом

Зимой 1930–1931 гг., вспоминал Кузнецов много позже, разработчиков планов электрификации, созданием которого занимался Энергетический сектор Госплана СССР, стали консультировать крупнейшие электротехники того времени, рассказывавшие о новых возможностях передачи мощных потоков электричества на большие расстояния – тысячи километров. Основным источником сведений об экспериментах в новых по тем временам областях экспериментальной физики был известный физик, академик А. Ф. Иоффе. Здесь я должен немного рассказать о встречах Кузнецова с Иоффе, ибо он «познакомил» Б.Г. с Эйнштейном и, тем самым, задал главные объекты размышлений и исследований Кузнецова на все последующие годы: теорию относительности во всех ее аспектах и творчество Альберта Эйнштейна. Более того, тем самым Иоффе, конечно, не зная этого, определил смысл всех историко-научных, философских и социологических поисков Кузнецова. И, смело можно утверждать, направленность всего его творчества, всей его жизни. В конце своей жизни Б.Г. писал, что судьба не дала ему счастья личной встречи с Эйнштейном, но и потом, после смерти Эйнштейна, он продолжал так и не состоявшийся разговор. И далее: «Этот внутренний диалог был главным содержанием моей внутренней жизни в течение десятилетий» [6, с. 4].

Кузнецов хотел посвятить отдельный очерк книги «Встречи» беседам с Иоффе, однако, в те годы он был для него в первую очередь участником работ по электрификации. В силу этого материал об Иоффе был включен в воспоминания о Кржижановском.

В начале 30-х Кузнецов по поручению Кржижановского руководил планированием исследований по энергетике и отдаленным проектами по новым источникам энергии. Поэтому, когда Иоффе приходил в Госплан к Кржижановскому, он сразу же приглашал и Кузнецова. Аналогично позже поступал В.В. Куйбышев, который с апреля 1921 г. руководил практическим осуществлением плана ГОЭЛРО, а в ноябре 1930 г. сменил Кржижановского на посту председателя Госплана СССР.

Постепенно постоянные беседы с Иоффе все дальше уводили Кузнецова от оперативного планирования, все реже в них присутствовала энергетическая тематика, но все чаще – физическая проблематика. А рассказывать Иоффе было о чем, он делал свое докторское исследование в Мюнхене под руководством Вильгельма Рентгена и был хорошо знаком со многими ведущими европейскими физиками. Первая личная встреча Иоффе с Эйнштейном состоялась в Берлине 19 мая 1922 г. Потом они неоднократно встречались на различных конференциях и в домашней обстановке, у них было множество обсуждений новых открытий в физике и общих мировоззренческих проблем. Интересно воспоминание Иоффе о том, что в ходе совместной долгой поездки в 1926 г. на поезде он попытался рассказать Эйнштейну о том, «кто такой Эйнштейн, что это не только и не столько создатель теории относительности, которая принесла ему славу. Не менее важно его влияние на все физическое мирозерцание» [20, с. 434].

Примерно в 1935 г. Иоффе рассказал Кузнецову о своих встречах с Эйнштейном, к этому времени, Б.Г. уже прочел несколько новых учебников по физике и, по его воспоминаниям, даже писал об идеях Эйнштейна. Но здесь он почувствовал образ Эйнштейна, и это оказалась для него своего рода «встречей на пути в Дамаск».

Летом 1931 г. началась подготовка к Всесоюзной конференции по высоковольтным передачам, на ней Кузнецову было поручено сделать доклад о конфигурации единой высоковольтной сети и включенных в нее станциях, это был своего рода набросок генерального плана электрификации страны, учитывающего новейшие достижения физики в дальних передачах электрического тока. В конце концов Б.Г., совместно с опытным экономистом и специалистом в области экономического районирования, гидроэнергетиком, будущим академиком Иваном Гавриловичем Александровым (1875–1936) стали обсуждать список электростанций, которые лет через 10–15 лет будут давать ток в единую сеть. Этот перечень и конфигурация магистральных электролиний были доложены на конференции по передаче электроэнергии на большие расстояния, а многое из сделанного было отражено в названной выше книге Б.Г. о Единой высоковольтной сети СССР. Доклад был передан видному экономисту, историку науки и общественному деятелю Модесту Иосифовичу Рубинштейну, который доложил материалы от имени Кузнецова на 2-м конгрессе по истории науки и техники, состоявшемся в Лондоне в 1931 г. Через 30 лет, отмечает Кузнецов, он встретил на 10-м конгрессе по истории науки несколько человек, которые помнили этот доклад.

В поисках информации о работе Кузнецова в области энергетики я нашел ранее не цитировавшуюся и не отраженную в «Списке научных трудов и изобретений» его небольшую заметку-некролог, в связи со смертью И. Г. Александрова, она называется: «Великий инженер» [21].

Прошло почти столетие после смерти Александрова, но Б.Г. нашел необходимым вспомнить его добрыми словами: «Когда праздновали 30-летие его инженерной деятельности, я сказал ему с некоторой возрастной бестактностью: “Ну теперь Вам пора писать мемуары!” “Нет, – ответил

он, – я умру стоя!». Умер он, правда, не стоя, а сидя, но как-то очень достойно. Почувствовав приближение смерти, он попросил сестру в палате помочь ему сесть в кресло. Так он сидел, курил и размышлял. Потом он попросил сестру на минуту выйти. Когда она вернулась, Иван Гаврилович был мертв» [6, с. 27].

Итак, в современной терминологии, обоснование Единой высоковольтной сети СССР было итогом обсуждения экономистами, энергетиками и физиками-экспериментаторами различных аспектов комплексного среднесрочного плана развития электростанций и технологий передачи электроэнергии на большие расстояния. И после этого, а скорее всего, в процессе этой работы Кузнецов стал задумываться, благодаря и при поддержке Кржижановского, и том, что можно ожидать от достижений физики и технических наук в более отдаленной перспективе. По воспоминаниям Кузнецова, в 30-е годы в планирующих организациях появлялись физики-экспериментаторы, но не приходили физики-теоретики и, по-видимому, тогда он обратил внимание на то, что прогнозы в технике, которыми он и занимался, не принимают во внимание достижения, направленность развития теоретической физики; в планирующих организациях появлялись физики-экспериментаторы, но не приходили физики-теоретики. Соответственно энергетические прогнозы 30-х годов становились функциями классической физики, включая классическую электронную теорию, вместе с тем, как писал Кузнецов, многие физики уже знали теорию относительности Эйнштейна, догадывались о грядущем практическом ее использовании и, как следствие, о радикальной перестройке энергетики. Однако, эта перспектива никогда, даже неявно, не учитывалась в сколько-нибудь серьезных энергетических проектах 30-х годов.

По воспоминаниям Б.Г., его с ранней юности увлекали экономические проблемы электрификации и проблемы теоретической физики, но эти интересы не сливались. В частности, в 30-е годы почти одновременное изучение схем электрификации и электротехнических и электрофизических статей, с одной стороны, и изложений теории относительности — с другой, никогда не приводило его к серьезным размышлениям о включении релятивистских энергий в круг целесообразных энергетических трансформаций, в производство. Значит, дело объяснялось не тем, что об электронной теории он и окружающие его энергетика и физики-экспериментаторы знали, а о теории относительности не знали. Б.Г. полагал, что дело заключалось в том, что экспериментальные подтверждения классической электродинамики и электронной теории были совокупностью процессов, уже известных, тогда как экспериментальные подтверждения теории относительности не могли быть воплощены в производство без принципиально новых экспериментов, а по сути – новых теоретических построений. В начале 30-х годов стали известны нейтроны, тяжелые элементарные частицы, не имеющие электрического заряда, в существовании которых видели решение ряда энергетических проблем, но все это не становилось исходным материалом для перспективного планирования. Перспективное планирование исходило из экспериментов, в которых участвовали нерелятивистские энергии, и это ограничивало энергетические прогнозы.

Но к середине 1930-х, Кузнецов стал в полной мере осознавать, что прогнозы в области энергетики предполагают использование не просто достижений в классической электродинамике, но релятивистской физики и результатов новых экспериментов. Во «Встречах» Б.Г. назвал тот тип мышления, который культивировался в «школе» Кржижановского, динамичным в смысле существования диалога между старыми и новыми концепциями и, соответственно, по-Кузнецову, *историко-научным*. Он объяснял использование этого термина тем, что в ходе указанного диалога анализируются научные понятия, порожденные разными эпохами. И далее следовал

супервывод: «И сам Кржижановский, и все его соратники <...> оказывались в той или иной мере историками науки, даже почти профессиональными. В этом отношении моя судьба не была единственной и никого особенно не удивляла» [6, с. 26].

Конец 1930-х. В.И. Вернадский о Б. Г. Кузнецове

Теперь попытаемся в общих чертах проследить или восстановить путь Кузнецова от энергетики, даже понимавшейся им весьма широко, не только как области технологии, но как важнейшего элемента масштабных социальных преобразований в стране, к истории науки. В уже много раз упоминавшейся автобиографической книжке «Встречи» сказано: «С Владимиром Ивановичем Вернадским я встречался во второй половине 30-х годов довольно часто, иногда почти каждую неделю» [6, с. 35], особенно Б.Г. тогда интересовали беседы об истории естествознания. В первой половине 30-х он еще не был профессиональным историком науки, хотя уже читал курс истории энергетики в Московском энергетическом институте. И вот, колоссальная историко-научная эрудиция Вернадского, его библиотека и, главное, беседы с самим Вернадским подготовили его к переходу из Энергетического института Академии наук в Институт истории естествознания. Теперь, на мой взгляд, об одном из главных приобретений Кузнецова из общения с Вернадским: «... что я почувствовал в трудах и в беседах Вернадского и что я понял только сейчас, – неизбежности и необходимости *выхода из содержания науки в ее историю*» [6, с. 36]. Иначе, но эта же мысль была высказана де Бройлем в его беседе с Кузнецовым: «Мне даже кажется, – сказал он, – что я за последние тридцать лет прочел больше книг по истории, чем по физике» [6, с. 79].

Приведу еще один фрагмент воспоминаний Кузнецова, отчетливо показывающий влияние Вернадского не только на его профессиональное становление, но и на осознание им смысла своей жизни. Однажды В.Л. Комаров попросил Кузнецова передать Вернадскому его просьбу – занять какой-то дополнительный пост в Академии наук.

Вернадский предпочел отказаться и объяснил это «страхом смерти». Но не в обычном смысле, а в смысле боязни не успеть в течение оставшейся жизни сделать то, что уже задумано. И на вопрос своего молодого собеседника: «А в каком возрасте должна появиться такая боязнь?» он ответил: «Чем раньше, тем лучше, хорошо бы до тридцати лет, но главное – сохранить ее до старости». Тогда, в 30-е годы, Кузнецов еще не очень представлял себе, что ему предстоит сделать в жизни. Его еще тянуло к экономическим проблемам, к электрификации, к научно-техническим прогнозам. Но при этом он начинал понимать, что такие прогнозы требуют длительной собственно научной подготовки, уже несколько лет читал учебники физики и математики и даже познакомился с некоторыми статьями Эйнштейна. «Гуманитарное прошлое, – подводил итог Б.Г., – и не просто гуманитарный, а гуманистический подтекст статей Эйнштейна направили мою мысль на общую историю науки». И после этого он «почувствовал тот “страх смерти”, о котором говорил Вернадский, тут-то (как он рекомендовал – раньше тридцати лет) и появились замыслы, которые, к счастью, сохранились и поныне» [8, с. 39]. Уместно заметить, что написано это было в 1982–1983 гг. 80-летним человеком, автором десятков книг.

Здесь мы наблюдаем определенную двойственность, известную парадоксальность взглядов Кузнецова на развитие науки. Ему необходимо было понять, увидеть *будущее* энергетики, причем не вообще, а как отрасли народного хозяйства, и потому он обратился к *прошлому* энергетической техники и энергетики и постепенно это движение привело (или завело) его в принципиально более масштабное и сложное исследовательское пространство. В его «Автобиографии» сказано: «Со второй половины 30-х гг. работал во все большей степени по философии и общей истории

науки». Это совпадает с тем, что отмечено в обстоятельной статье С.С. Илизарова «Кот, который ходит сам по себе» о жизни и исследованиях Кузнецова: «В 1936 г. Б. Г. Кузнецов, занявшись профессиональным изучением истории и философии науки и техники, стал работать в переехавшем тогда из Ленинграда в Москву Институте истории науки и техники. Недолгое время он даже возглавлял этот институт, а после его закрытия руководил сектором истории науки в Комиссии по истории техники и естествознания АН СССР, сведения о которой крайне скудны и отрывочны» [22, с. 139]. Результатом работы в этот период стала книга Кузнецова «Очерки истории русской науки» [23] и ряд работ по философии естествознания и по истории мировой науки.

Зная из книги «Встречи» о частых беседах Б.Г. с Вернадским, для меня все равно было приятной неожиданностью обнаружить размещенном в интернете дневнике Вернадского немало записей о посещении его Кузнецовым [24]. В хронологическом отношении рассматриваемый ниже материал в полной мере вписывается в предвоенное десятилетие, но все же я выделяю его в самостоятельный параграф. Дело в том, что скудные, явно не предназначенные для будущего биографа Кузнецова дневниковые записи одновременно передают сложный процесс узнавания одним из выдающихся естествоиспытателей XX века представителя нового постреволюционного поколения ученых и помогают увидеть Б.Г. в очень трудные, драматичные предвоенные годы.

События, о которых идет речь в дневнике Вернадского, происходили в 1938 году. В марте того года В.И. Вернадскому исполнилось 75 лет. Он родился в Петербурге, в семье профессора экономики, учился в Петербургском университете, среди его профессоров были В. В. Докучаев, Д. И. Менделеев, А. Н. Бекетов. В 1888–1890 гг. он обучался в университетах Италии, Франции и Германии. С 1922 по 1926 гг. преподавал в Сорбонне, работал в Музее естественной истории в Париже. В 1915–1930 гг. возглавлял Комиссию по изучению естественных производственных сил России. Вернадский – один из главных разработчиков плана ГОЭЛРО, академик, создатель нескольких научных школ и первооткрыватель новых исследовательских направлений, организатор ряда академических институтов. В 1934 году Вернадские поселились в маленьком двухэтажном особнячке на Арбате, заняв второй этаж. Летом 1935 года здоровье Владимира Ивановича ухудшилось, и он лечился в Карловых Варах. По мнению историков, Вернадский, Ферсман, Карпинский остались живы в годы репрессии, поскольку обладали колоссальным практическим и теоретическим опытом в геологии, а недра – это валюта.

Б.Г. в октябре 1937 г. исполнилось 34 г., его социализация прошла в сложные годы Гражданской войны, он получил образование в далеко не в лучших вузах страны, лишь в конце 1920-х стал осваивать Москву и только в середине 1930-х начинает входить в академическую науку. С трудом представляю, что Кузнецов комфортно чувствовал себя в ходе первых встреч с Вернадским. Разные поколения, разные биографии, несопоставимые жизненные, профессиональные и коммуникационные миры.

Теперь обратимся к материалам дневника Вернадского, их расшифровкой и комментированием занимался Владислав Павлович Волков (1934–2012), геохимик, доктор наук, биограф Вернадского, свыше тридцати лет посвятивший изучению наследия своего учителя. Сначала приведу все дневниковые записи Вернадского, в которых упоминается Б.Г. Кузнецов, а потом постараюсь дать краткие пояснения.

3 января 1938, утро: Днем в Институте истории науки. Люди желают сохранить – но, конечно, совершенно ясно – не по силам задача. Я.М. Свикке, старый ком-мунист написал докторскую (!) работу. С 1904 партиец. Сознает (после опыта) свое бес-силie. Уговаривал меня стать во главе. «Профессор Кузнецов» – лучшее впечатление. Пытался, очевидно, «исследовать».

25 января 1938, утро: Были из Института ист[ории] науки Кузнецов и парторг Дусь. Оба – желающие работать, но малообразованные и самоуверенные. Настаивали на том, чтобы я стал во главе. Решительно отказался, но помочь всячески готов. Придется ехать в Президиум (АН СССР). Они говорят, что иначе их закроют.

26 января 1938: С Кржижан[овским] о Ком[иссии] (по) ист[ории] (науки и техники). Согласился стать председателем] врем[енной] ком[иссии]. Обоих молодых коммунистов Дуся и Кузнецова они проводят (в штат).

4 февраля 1938, утро: Днем у Кржижановского – об Инст[итуте] ист[ории] науки. Молодежь (Дусь, Кузнецов?) протестует и потребовала (через ЦК партии) вторичного заседания. <...>. Думаю, что я тут могу сделать faut[or] pass[ivus] (пассив-ный доброжелатель).

6 февраля 1938, утро: Днем в Президиуме. Прошло восстановление] Института] ист[ории] н[ауки]. Пришлось стать председателем] временной комиссии. Мое реше-ние имело значение, неожиданное по эффекту и для меня. Хорошее впечатление – молодые ком-(м)унисты Кузнецов и Дусь: энергия, инициатива. Возражал Комаров неудачно. Деборин, очевидно, учтя положение и мнение ЦК партии, перешел (на другую позицию) и внес вопрос о пересмотре (прежнего) решения. Думаю, что я посту-пил правильно. Пришлось вечером не быть на заседании Биогела.

11 ноября 1938: Были Кузнецов и Дусь – очень интересный разговор. Надо очистить (Свикке, Гамбаров, Найденев, Романов). Вскрылась передача доносов. Они пробрались и к Комарову] (обе группы – друг на друга доносы). Думаю, есть здоровое ядро.

15 ноября 1938, утро: Кузнецов отказывается от исполнения] обязанностей] директора] Институ-та] ист[ории] зн[аний]. Вмешивается Комаров (заболел).

16 ноября 1938, утро: Утром Бор[ис] Григорьевич] Кузнецов. С ним можно говорить. Желание и интерес, мне кажется, есть и научный. Его статьи попул[ярны], и он как будто понимает (их) отличие от чисто научной работы. Комаров вмешался и настаивает на возвращении Нерсесова. Из слов Кузнецова] видно, что эта фигура (бесп[артий-ный]) близк[ая] и адекват[атная] работе. Впечатление сейчас очень тес-ного вмешательства партии в мелочи – «Правды» и ЦК. Кузнецов хлопочет везде. Нет сейчас настоящего заместителя Бауману. Временный – Андреев. А.А. Андреев (Андр[ей] Андреев[ич]), секретарь Сталина новый. Наиболее влиятельный по делам науки. Необходимо переговорить с Комаровым. Крыж[ановский] от этого уклоня-ется. Опять поднимается вопрос об уничтожении его как самостоятельной единицы. В «Правде», сказал К[узнецов], что если «честно» не будет проведено, то будет ста-тья не против Ком[арова] – но против Кузнецова] – но будет.

18 ноября 1938, утро: Звонил Кузнецов – 15 (марта) закрытое заседание Президиума (АН СССР). Решили закрыть Инст[итут] ист[ории] н[ауки] и т[ехники]. Допускаю возможность правильного решения: распустить весь институт и набрать новый. Они должны были это сделать сразу. Кузнецов справлялся в сферах: указана была необходимость уменьшения тематики – но и только.

Это же новое: Тараканов, Кузнецов, Веселовский. Они что-то имеют общее. Есть воля, инициатива, работоспособность, идейность. Но это не подходит к ср[ед-нему] уровню (партийцев).

20 ноября 1938, утро: Б. Г. Кузнецов о ликвидации Института] ист[ории] науки. Решение 15-го неожиданное. Комаров с ним (беседовал) по возвращении. Думаю, что Деборина испугала ответственность. Куз[нецов] обратился к Сталину. Ему д[олжно] б[ыть] придется участвовать в ликвидации. Впечатление положительное. Интересуется Герценом

5 декабря 1938, утро: Вчера утром Б. Г. Кузнецов (Шапиро, по Комарову, служил у Кржиж[ановско-го]). С ним о Ком[иссии] (по) ист[ории] зн[аний].

9 декабря 1938, утро: Днем Б. Г. Кузнецов. Рассказывал о неразберихе с Институтом] ист[ории] науки. Деборин болен (...) и сектор ист[ории] техники получит единицы. Здесь все «кормящиеся» стремятся. Кузнецов] – несомненно, начитанный и живой. Я ему говорил о своей идее писать в газету об образовании центра изучения ист[ории] зн[аний] и техн[ики] в России и Союзе. Наподобие Пушкинского дома. Дом Менделеева-Лобачевского. Он предлагает] и Ломоносова. Предложил справиться в «Правде» – я согласился. Я считаю, что этим путем исследование ставится в рамки. Архив, библиотека и музей ИИИТ сохраняются.

Выше были приведены слова Б.Г. о том, что во второй половине 30-х он довольно часто встречался с Вернадским, дневниковые записи Вернадского, несомненно подтверждают это. Вполне возможно, что встреч было больше, во-первых, допускаю, что автор дневника не все вносил в него, во-вторых, можно допустить, что значительную часть 1938 года Вернадский не вел дневник, во всяком случае в онлайн-версии дневника, которой я пользуюсь, не отражены события марта-октября.

Сейчас невозможно сказать, была ли встреча Кузнецова с Вернадским, описанная им утром 3 января 1938, первой, но это весьма правдоподобно. Темой беседы были дела в Институте истории и техники, и на ней Кузнецов был с Я. М. Свике, исполнявшим тогда обязанности директора этого института. То, что Вернадский записал о своих собеседниках, во-первых, свидетельствует о недостаточном знании их, во-вторых, о его настороженности. Тот факт, что «Профессор Кузнецов» произвел лучшее впечатление, чем Свике, мне кажется, свидетельствует лишь о том, что он показал себя более включенным в науку, чем «старый коммунист».

Здесь нужны некоторые пояснения. В 1921 году в Российской академии наук под председательством В.И. Вернадского была создана Комиссия по изучению истории, философии и техники, переименованная затем в Комиссию по истории знаний (КИЗ). С 1930 года председателем комиссии стал Н. И. Бухарин. Но уже 28 февраля 1932 года КИЗ переименована в Институт истории науки и техники (ИИИТ). Руководителем института был назначен академик Н. И. Бухарин, а его заместителем стал академик А. М. Деборин. Вскоре в связи с «Бухаринским делом» наступил период смен директоров Института. В 1935—1937 годах Институт возглавлял В. В. Осинский-Оболенский (1887–1938), экономист, публицист, академик АН СССР. После его ареста, отмечает в обстоятельной статье об ИИИТ Ю. И. Кривоносов, «Началась кадровая чехарда, обязанности директора по несколько месяцев выполняли Я. М. Свике, историк техники, затем Б. Г. Кузнецов» [25, с. 79].

Более развернуто эта история отражена в одном из сборников «Материалов самиздата» (1987): «Следующим директором, верней и.о., был Ян Мартынович Свике, чл. партии с 1904, в 1918 был командиром латыш. боевых отрядов на Урале и в Сибири, после — на работе по линии Наркомпроса в Москве. В преддверии бухаринского процесса «Правда» дала сигнал к новой чистке ин-та: 11.1.38 появился фельетон Давида Заславского с красноречивым названием «Дармоеды от науки». В ответ на статью президиум АН признал, что в ин-те, «как известно, долгое время хозяйничала шайка троцкистско-бухаринских шпионов и диверсантов», «Только после... фельетона... начата очистка института от бездельников и дармоедов», «...

был поднят... вопрос о его ликвидации», но президиум АН решил ин-т сохранить; об изгнании Свикке сказано лишь косвенно: «бездельник и беспринципный человек» и что утверждён новый и.о. директора – Б. Г. Кузнецов («Пр.», 6.2.38) [26].

И все же 5 марта 1938 года постановлением президиума АН СССР институт был закрыт.

В записи Вернадского от 25 января 1938 впервые встречается фамилия Дусь, это не точно. Кузнецов одно время был его директором или исполняющим обязанности директора Института, а его коллега Петр Дмитриевич Дузь (1907–??) – парторгом. О нем известно следующее: «Учёный в области авиастроения, академик РАЕН (1994), д.т.н., д-р экон. наук. С середины 30-х преподавал в МАИ, был деканом факультета. Участник Великой Отечественной войны с 1941 г. Воевал в народном ополчении. В сентябре 1943 г. необоснованно репрессирован. Находился в заключении в ЦКБ-29 НКВД. Реабилитирован в 1957 г. Автор монографии «История воздухоплавания и авиации в России», выдержавшей несколько переизданий». Конечно, слова о том, что Кузнецов и Дузь «малообразованные и самоуверенные» – не лестные, но, наверное, для того времени – весьма справедливые. Самоуверенность, по-видимому проявившаяся в несколько поверхностном понимании ситуации и судьбы Института, была следствием их молодости – Дузю лишь 30 лет – и незнанием положения в Академии наук. А то, что они знали мало, безусловно, но многое у этих исследователей еще было впереди.

Следующие три записи (4, 11 и 6 февраля) очевидное свидетельство изменения мнения Вернадского о Дузе и Кузнецове в положительную сторону и, замечу, Вернадский постоянно подчеркивает партийность его молодых коллег. Из дневника видно, что Вернадский, в самом мягком варианте, не доверял партийной номенклатуре, в данном случае его, по-видимому, удивляли желание коммунистов сохранить Институт и решительность их действий.

Интересны, значимы для понимания личности и научных интересов Кузнецова и динамики отношения Вернадского к нему дневниковые записи от 15 и 16 ноября. Вполне допускаю, что встреча, состоявшаяся на следующий день после отказа Кузнецова от исполнения обязанностей руководителя Института, началась с обсуждения именно этой темы, но затем вышла на более высокий, общенаучный уровень. Именно этим объясняю слова: «Утром Бор[ис] Григорьевич] Кузнецов. С ним можно говорить. Желание и интерес, мне кажется, есть и научный». Здесь впервые Вернадский записал в дневнике не Кузнецов, но Бор. Григ. (полное написание имени и отчества – это от редактора текста) и выделил курсивом «и» перед «научный». Сейчас, по прошествии почти восьмидесяти лет после той встречи, трудно сказать, как тогда Вернадский и Кузнецов различали популярные и чисто научные статьи, тем более, что мне не известно, о каких работах Кузнецова шла речь. Скорее всего, Вернадский симпатизировал активности деятельности Кузнецова по спасению института Истории науки и техники, и его обращениям в различные структуры власти, хотя это было не безопасно. Но вспомним: год назад написанное им письмо в защиту друга – Михаила Тайца, принятие в свою семью Майи Плисецкой – дочери «врагов народа»

А вот сказанное всего через два дня о Кузнецове и двух сотрудниках академика Ферсмана: «Они что-то имеют общее. Есть воля, инициатива, работоспособность, идейность. Но это не подходит к ср[ед-нему] уровню (партийцев)». Можно предположить, что настороженность Вернадского, вызванная мало понятной ему партийностью Б.Г., постепенно сменилась пониманием того, что перед ним, действительно, человек, еще не много знающий, но увлеченный историко-научными поисками.

Прошло еще два дня, и Кузнецов сообщил Вернадскому о ликвидации Института, ему все же пришлось возглавить ликвидационную комиссию в Ленинграде, и о письме Сталину, скорее всего, по вопросу о сохранении Института. Интересно, ни академик Абрам Моисеевич Деборин (1881–1963), обладавший в конце 30-х достаточно высоким политическим статусом, ни Ян Мартынович Свикке не боролись за сохранение ИИИИ так, как Кузнецов; а ведь реакция на его действия могла быть крайне негативной.

Интересно, что же могло интересовать Б.Г. в творчестве А. И. Герцена? Я не думаю, что это были собственно художественные или эстетические взгляды писателя. Конечно, возможно, но мало вероятно, что «Былое и думы» каким-то образом подвели, подтолкнували Кузнецова к размышлениям, которые много позднее, уже после войны проявились в его исследованиях соотношения прошлого и будущего, в работах о необратимости времени. В увлеченности Кузнецова взглядами Герцена я склонен видеть прежде всего свидетельство социологичности интерпретации Б.Г. предмета своих исследований. Здесь отмечу, что один из первых советских социологов послевоенного времени А.Г. Здравомыслов, специально изучавший историю российской (дореволюционной) социологии, полагал, что «первым» российским социологом был именно Герцен.

И вот – две последние в 1938 г. записи Вернадского. Не знаю, почему вдруг, 5 декабря, фактически через год знакомства с Кузнецовым он, ссылаясь на академика Комарова, приводит его фамилию, полученную при рождении – Шапиро, и тот факт, что он работал у Кржижановского? Может быть, это было связано с работой Б.Г. в Комиссии по истории знаний? И затем 9 декабря – серьезнейший разговор с Кузнецовым о грандиозном плане создания в стране центра изучения истории знаний и техники в прошлом и настоящем, а также о Доме Менделеева-Лобачевского подобного Пушкинскому дому в Петербурге. Этот музей, архив, библиотека Пушкинских материалов и исследовательский центр были созданы в Петербурге в 1905 г. для изучения творчества поэта. Уже по тому, что Кузнецов напомнил о Ломоносове и предложил справиться в «Правде», нетрудно допустить, что он принимал этот замысел и был готов работать над его реализацией.

И здесь – как финал годовых встреч: «Кузнецов – несомненно, начитанный и живой». Вспомним начало: малообразованный и самоуверенный, к тому же – настораживающая партийность. Но последнее не прошло, 1 января 1939 г., в утренней записи читаем: «Сейчас Б.Г. Кузнецов (он и раньше, мне казалось, имел связь с ЦК) – назначен представителем в ЦК по науке («с» – курсивом). В комментарии В. П. Волкова сказано: «Отметим, что в обстоятельном материале о жизни и деятельности Б. Г. Кузнецова в журнале «Вопросы истории естествознания и техники», опубликованном в 1993 (№ 4. с. 124–139) этот важный факт его биографии не отмечен». 18 февраля Вернадский возвращается к этой теме: «По-видимому, общая структура ЦК партии изменилась. Вместо игравших большую роль заведующих наукой – Стецкого (застрелился), Баумана – назначен (Б.Г.) Кузнецов – маленький по влиянию человек, по словам Комарова. Здесь В. П. Волков отсылает к вышеприведенному комментарию.

Мне остается лишь добавить, что ни в «Личном листке по учету кадров», ни в автобиографии Кузнецова не отмечено, что он занимал какую-либо должность в ЦК. А ведь оба эти документа делались в 1968 году, когда член КПСС с более чем сорокалетним стажем обязательно отразил бы этот факт в своих документах.

Прослеживая освоение Кузнецовым историко-научного пространства, охватив все новые направления, я все же был несколько удивлен, прочитав статью Е.Б. Музруковой и Л.В. Чесновой «Советская биология в 30–40-е годы: кризис в условиях тоталитарной системы» [27]. Авторы статьи отмечают, что в 1939 г. журнал

«Успехи современной биологии» находился в очень сложном положении. Он продолжал печатать статьи по генетике, экспериментальной эмбриологии, дарвинизму видных ученых, не желавших делать реверансы Т. Д. Лысенко и использовавших для прикрытия в лучшем случае авторитет Ч. Дарвина и К. А. Тимирязева. Поэтому, полагают Музрукова и Чеснова, в специальном выпуске журнала, приуроченном к 60-летию Сталина, была опубликована работа Б. Г. Кузнецова «Естествознание сталинской эпохи». Далее следует комментарий авторов статьи: «Даже такой умный, талантливый человек, пытался продемонстрировать свое соглашательство, лояльность редколлегии и журнала по отношению к процессам, происходившим в науке и в самой биологии». В качестве иллюстрации своих утверждений они цитируют слова Кузнецова: «...воспоминание о тяжелом прошлом русской науки, мысль о тяжелом настоящем науки за рубежом еще больше сплачивает советских ученых под знаменем Великой Октябрьской социалистической революции, которой наука обязана своей свободой» и приводят еще несколько подобных утверждений Б. Г.

Легко понять, что такой стиль статьи был условием ее публикации в «Сталинском» выпуске журнала, и потому и ее содержание, и ее язык бессмысленно обсуждать с историко-научной точки зрения. Но мне интересно, почему статья о естествознании, более того – о работах Т. Д. Лысенко в области агротехники, была заказана недавнему энергетiku? Сами авторы делают такое допущение: «Вполне возможно, что статья Б. Г. Кузнецова, явившись своеобразным индикатором на верность идее и вождю, позволила журналу еще некоторое время печатать статьи антилысенковского толка».

Пожалуй, с этим можно согласиться, но одновременно нельзя исключить того, что эта статья была написана Б. Г. по личной просьбе Президента АН СССР В. Л. Комарова, в 1939 г, ставшего ответственным редактором «Успехов современной биологии». Они познакомились в 1936 году, и вот как в начале 80-х Б. Г. вспоминал их встречи. «Я начал довольно часто ходить к Комарову иногда по редакционным делам [БД: имеется в виду журнал «Вестник Академии Наук»] <...> а подчас без всяких дел. Комаров мне часто рассказывал о своих путешествиях на Восток <...> Потом беседы принимали более общий характер. Несмотря на разницу в возрасте, установилась и росла эмоциональная близость». Таким образом, первое, что можно заключить из всего сказанного, это то, что к концу 30-х Кузнецов рассматривался научным сообществом как историк науки широкого профиля, и второе, – что его статья «Естествознание сталинской эпохи» была не научной, а откровенно политической. Прочитав все это в раннем варианте настоящей статьи, С. Р. Филонович вспомнил рассказ Б. Г. об одном из трудных событий в его жизни. Уже после войны его вынудили написать книгу о вкладе Сталина в развитие естествознания. Он понимал, что публикация этой книги нанесет непоправимый вред его репутации, но сделать ничего не мог. Книга была написана, и Б. Г. прислали верстку. Что делать? Он всячески оттягивал момент возвращения верстки в издательство и дотянул ... до смерти Сталина.

Война и становление историка науки

Война не только приостановила исследования Б. Г. Кузнецова в области истории науки, на несколько лет она вообще оторвала его от исследовательской деятельности.

Уже 23 июня 1941 г. Президиум АН СССР обязал академические учреждения перестроить свою деятельность в соответствии с требованиями фронта и тыла. В июле 1941 г. образуется Научно-технический совет Государственного комитета обороны. В его состав вошли академики И. П. Бардин, А. Ф. Иоффе, П. Л. Капица, в работе Совета участвовали академики СИ. Вавилов и Н. Н. Семенов и ряд дру-

гих ведущих ученых страны. Основным ядром Комиссии стал научный коллектив Академии наук, который возглавил ее президент В. Л. Комаров, а его заместителями были назначены академики И. П. Бардин, Э. В. Брицке и С. Г. Струмилин. Было выделено несколько групп по наиболее важным направлениям во главе с ведущими специалистами Академии наук. Группу транспорта и энергетики возглавили член-корреспондент АН СССР В. И. Вейц, профессора Б. Г. Кузнецов и Н. Н. Колосовский.

Через четыре десятилетия после описываемых событий Б.Г. так вспоминал то время: «Буквально каждый день на Урал прибывали сотни демонтированных заводов и должны были возникнуть без малейшего промедления десятки новых отраслей промышленности. Для них нужно было в течение нескольких недель, а чаще дней и даже часов, определить, каковы должны быть новые источники энергии, новые транспортные условия, новые источники водоснабжения, новые сырьевые базы и новые технологические процессы, иногда принципиально новые, казалось требовавшие многолетних исследований. А потом нужно было все это реализовать.... Через несколько месяцев, во всяком случае не позже, чем через год, эвакуированная промышленность уже работала» [6, с. 32–33].

10 апреля 1942 г. за успешную работу «О развитии народного хозяйства Урала в условиях войны» группе ученых была присуждена Сталинская премия первой степени. Среди награжденных был и Б. Г. Кузнецов. Но уже в июле 1942 г. он – в действующей армии, возглавляет политотдел 61 инженерной (14 штурмовой) бригады. Записи из «Личного листка по учету кадров» показывают, что за 20 лет до этого Кузнецов приобрел первый опыт политработы в армии. Напомню, что в 1921–1922 гг. он одновременно с учебой в Политехническом университете в Днепропетровске работал помощником начальника учебной части 44 пехотных курсов.

В рядах инженерной бригады, Кузнецов участвовал в боевых действиях под Сталинградом и на Южном фронте. Приведу фрагмент его воспоминаний, в котором он описывает «прогулку» по мосту с командиром бригады инженерных войск М. П. Каменчуком, под началом которого он служил:

Один из батальонов нашей бригады строил мост через реку Миус, которую нужно было форсировать, чтобы прорвать фронт. Немцы, окопавшиеся на противоположном берегу, сильным огнем мешали наведению моста. М. П. Каменчук предложил мне подъехать к реке и посмотреть, что там можно сделать. По приезде он создал сильную огневую завесу. Мне казалось, что Каменчук решает шахматную задачу, а может быть и собственно математическую. <...> А между тем немцы практически прекратили огонь, и М. П. Каменчук предложил мне пройти по недостроенному мосту, чтобы показать относительную безопасность продолжения строительства моста. Я согласился, но заметил, что такая прогулка должна иметь еще какую-либо цель. «Хорошо, ответил М. П. Каменчук. – Вы при этом еще раз объясните мне, что такое теория относительности». Потом, после прорыва Миусского фронта, Каменчук сказал: «Ведь и Вы кое-чему научились на том мосту, например максимально краткому изложению теории относительности!» [6, с. 41].

С мая 1943 г. Кузнецов – заместитель начальника отдела Штаба инженерных войск в Москве. Тогда маршал М. П. Воробьев, командовавший инженерными войсками в годы войны, создал в Штабе отдел по анализу инженерного обеспечения операций. Б.Г. должен был ездить на фронты и инструктировать инженерные части, чтобы уменьшить потери штурмовых бригад. Теперь процитирую воспоминания Кузнецова: «... я по его [БД: маршала Воробьева] заданию написал небольшую

книжку о тактике инженерного штурма от Вобана [БД: речь идет о фортификационной системе, разработанной еще в XVII веке выдающимся французским военным инженером Себастьяном ле Претра де Вобаном] до деблокирования Ленинграда, которая была разослана инженерным штурмовым бригадам. Отчетом о поездке на Ленинградский фронт и обзором инженерного обеспечения деблокирования Ленинграда и закончилась моя военная карьера» [6, с. 43]. В боях под Нарвой он был серьезно ранен и после госпиталя в ноябре того года демобилизован.

Через много лет после окончания войны в посмертно изданном тексте Б.Г. о Спинозе я обнаружил следующее его автобиографическое замечание:

Зимой 1943 г., в Сталинграде, очередную атаку немцев на траншеи, в которых находились батальоны нашей инженерной бригады, сопровождал и поддерживал немецкий самолет, который осыпал траншею бомбами и пулеметными очередями. Я думал об очень близкой и, по-видимому, неизбежной смерти, но был уже достаточно опытным офицером, чтобы знать, как можно ликвидировать это ощущение и вернуть себе то «ощущение бессмертия», потеря которого на передовой является таким же ЧП, как дезертирство; моя роль как начальника политотдела бригады как раз и состояла в ликвидации ЧП. В напряженной обстановке я вспоминал о встречах с людьми и о прочитанных книгах. Когда наступление немцев выдохлось, ко мне подошел командир соседней бригады, полковник Корявко – самый, по общему признанию, храбрый офицер инженерных войск. Он командовал бригадой десантников, забрасывавшихся в ближайшие тылы противника с грузом толуола и подрывавших немецкие доты. И Корявко, и его бойцы в промежутках между вылетами начинали скучать, нетерпеливо ожидая следующего задания. Корявко спросил меня, о чем я думал во время атаки немцев, и, узнав, что о книге Спинозы, заметил: «Что ж, это правильно, вы помните «Есть упоение в бою...» и следующую фразу «Пира во время чумы»: «Все, все, что гибелью грозит, для сердца смертного таит неизъяснимы наслажденья – бессмертья, может быть, залог...» Я думаю, что не только то, что грозит нам гибелью, но и всякое отвлечение от личного бытия и от прагматических задач приближает человека к невыразимому наслажденью и к «бессмертью, может быть, залого» [28].

Я читал много воспоминаний о войне, но не припомню чего-либо схожего. Правда, естественно задаться вопросом: «Участвовал ли в боевых операциях в годы Великой отечественной войны еще кто-либо из лауреатов Сталинской премии I степени в области науки?»

Появление этой истории в размышлениях о сложнейших аспектах философии Спинозы как-то не укладывается ни в наши представления о военных мемуарах, ни в рамки академического анализа философских учений. Более того, подобное смешение текстов столь разного жанра скорее можно было бы ожидать в работах молодых приверженцев постмодернизма, нежели в книге советского 80-летнего историка науки.

Однако, если поместить этот фрагмент военных воспоминаний Кузнецова в контекст его историко-философских рассуждений о Спинозе, то появление его имени при описании Сталинградских будней, не кажется странным. Три десятилетия спустя, Кузнецов, пытаясь ответить на вопрос «Играли ли Бог Спинозы в кости?», рассматривал в очерке «Спиноза и Эйнштейн» сложную тему индивидуальной свободы человека и любого тела природы. В частности он отмечал: «Человек смертен, и его впечатления и воспоминания исчезают вместе с ним. Но его идеи и чувства, обращенные к субстанции, приобщают человека к свободной необходимости целого

и к ее вечности. Именно в этой связи Спиноза высказывает уже упоминавшуюся формулу: «Свободный человек меньше всего думает о смерти, он думает о жизни, и в этом его мудрость» [29, с. 158]. И не столь принципиально, эти ли именно слова повторял про себя Кузнецов (и знал ли он их тогда), важно то, что он мог соединять наблюдавшееся им, переживавшееся им и философские воззрения Спинозы.

В следующем параграфе будет немного рассказано о «странной» для академического ученого книге, в которой Кузнецов, преобразившийся в графа Калиостро, путешествует через эпохи. Это свободное перемещение автора во времени и в пространстве позволило ему акцентировать внимание читателя на логическом сходстве проблем, разрабатывавшихся Спинозой и ощущаемых людьми в момент их вероятной встречи со смертью. На мой взгляд, в этом стилистическом приеме отражен многолетний и глубокий интерес Кузнецова к науке, и его внутренние диалоги с Бахтиным, Булгаковым, Достоевским, а так же знание им русской классической литературы с характерным для нее прерывистым во времени и пространстве повествованием.

Один из итогов военного времени кратко отмечен Кузнецовым в графе о правительственных наградах «Личного листка по учету кадров»: Государственная премия I степени (1942 г.); Орден Трудового Красного Знамени (1945 г.), Орден Отечественной войны I степени (1945 г.), медали. Страна высоко отметила его трудовые и ратные достижения, однако в наших родственных беседах он никогда не возвращался к тем событиям. А в одной из бесед с Филоновичем он вспомнил, что после подвига Александра Матросова в армии прошла волна его повторений. Военное руководство было этим озабочено: солдаты должны воевать, а не умирать. В обязанности Б.Г. как политработника входило разъяснение этого обстоятельства.

В моем представлении, война, ощущения всего виденного и прожитого, размышления о смысле науки и цене жизни кардинально изменили отношение Кузнецова к своему делу. Если раньше, он был «котом, который ходит сам по себе», то теперь он стремился к свободе в физическом и метафизическом – не религиозном, но рационалистическом – смыслах. Чтобы быть свободным в физическом отношении, он вскоре полностью и навсегда отошел от научно-организационных дел в Институте, одним из создателей которого был. Но стать свободным в метафизическом смысле он мог позволить себе лишь после смерти Сталина. То лидирующее положение в историко-научном цехе, которое признает за ним С.С. Илизаров, обусловлено прежде всего тем, что Кузнецов более других его коллег ждал «политическую оттепель» и более других готовился к ней.

Б.Г. Кузнецов – путешественник через эпохи

Этот параграф не привязан к каким-либо событиям в жизни Кузнецова и не соотносится с тем или иным направлением его анализа прошлого науки. Тем не менее, он, конечно же, биографичен и позволяет увидеть, возможно, главную особенность его историко-научных и историко-биографических исследований. Это: глубокое вживание во всю историю становления научной картины мира и достижение высочайшей, удивительной степени интимности, доверительности в общении с мыслителями, физиками, веками создававшими наше видение мира. Книга «Путешествия через эпохи» с уточнением «Мемуары графа Калиостро и записи его бесед с Аристотелем, Данте, Пушкиным, Эйнштейном и многими другими современниками» [9], о которой выше я обещал рассказать, написана зрелым ученым и отражает его много десятилетний и весьма не прямой путь в науку, начатый в ранние годы жизни. Вот как он сам незадолго до смерти вспоминал прожитое: «Сейчас, когда я приближаюсь к концу жизни, она мне кажется отнюдь не «броуновским

движением», уносившим меня то в экономику, то в энергетику, то в физику, то в философию и историю науки. Напротив, она кажется мне извилистым, но единым путем...» [6, с. 6].

Однако прежде, чем перейти к анализу «Путешествий», приведу несколько первых строк из уже знакомой нам книги Кузнецова «Встречи»; они – ключ и к «Встречам», и к «Путешествиям». Все завязывается так: «Книжка “Встречи” – результат некоторой ностальгии, отчасти пространственной, но в основном временной. Она была написана весной 1982 г., во время командировки в Брюссель, куда меня пригласил и. Пригожин для совместной работы с его группой. На расстоянии отчетливее воспоминания о былых встречах, улицах, переулках, садах и квартирах, где они происходили. Но это не было подлинной ностальгией: пространство обратимо <...>. Другое дело – временная ностальгия: время необратимо, я больше не увижу моих давних собеседников, и тут грусть воспоминаний была более ощутимой. Впрочем, воспоминания (а может быть, и история как наука) – нечто противостоящее необратимости времени, некий возврат из прошлого в настоящее» [6, с. 3]. В книге «Встречи» нет воображаемых встреч, все – реально состоявшиеся, в «Путешествиях» – наоборот, встречи – это лишь внутренние диалоги Кузнецова с мыслителями, учеными далекого и близкого прошлого. Но дело в том, что Б.Г. обладал такой способностью погружения в прошлое, что часто невозможно найти различие между мысленными и реальными диалогами.

Заголовок данного раздела – это своего рода инверсия заголовка книги Кузнецова «Путешествия через эпохи. Мемуары графа Калиостро и записи его бесед с Аристотелем, Данте, Пушкиным, Эйнштейном и многими другими современниками» [9]. Подобная логическая операция раскрывает и без того очевидное: содержание книги составляют «мемуары», но не Калиостро, а ее автора – Кузнецова. Это он на машине времени перемещается из одной пространственно-временной точки в другую и обсуждает с величайшими в истории человечества мыслителями извечные проблемы строения мира, а также способы его научного познания и художественного освоения. Он ищет, какой отклик находят речи греческих мыслителей прошлого в сознании Декарта, Ньютона, Эйнштейна, можно ли обнаружить в суждениях ученых более поздних веков ответы на вопросы, заданные много столетий раньше. И если такое соответствие, наложение обнаруживается, то понятие машины времени, считает Кузнецов, можно не ставить в кавычки, она – «простой псевдоним историко-научного углубления в прошлое, сопричастности с прошлым, приобщения к нему...» [9, с. 7].

Приведу несколько первых предложений книги, тогда яснее будет и ее содержание и ее стиль: «Летом 1644 года я путешествовал по северной Голландии, выдавая себя за французского дворянина, уроженца Турени. Очаровательные окрестности Эгмонта задержали меня на несколько дней в этой местности, а затем новое обстоятельство сделало Эгмонт еще более привлекательным. Рене Декарт, поселившийся здесь в предшествующем году, узнал обо мне и пригласил предполагаемого земляка к себе. К этому времени мне уже приходилось встречаться с такими собеседниками, как Платон, Галилей, Гейне и, может быть, самым обаятельным из них – Пушкиным. Но прелесть беседы с Декартом была совсем особенной. <...> Вблизи Декарта мысль приобретает особенную проникающую силу, она пронизывает ближайшие ассоциации, чтобы достичь отдаленных» [9, с. 1]. Эти несколько предложений репрезентируют ряд особенностей книги. Здесь сразу есть «отчет» историка о перемещении через эпохи, имена людей, вклад которых в мировую цивилизацию бесспорен, философичность – я имею в виду тему ассоциаций, признание ценности общения – особенно с Пушкиным и Декартом.

Когда я попросил прочесть еще не заверченный текст этой статьи Дмитрия Тайца, с отцом которого – Аркадием Тайцем [см. выше] – в юности дружили Б.Г. и его брат Моисей Соломонович, Дмитрий так прокомментировал приведенный фрагмент «Мемуаров»: «Начальные слова Б.Г. «Я...выдавая себя за французского...» мне кажутся более значимы для самого Б.Г. и нас, чем просто литературный прием входа в тему художественного произведения. Б.Г. и М.С. – устремлялись, хотели, и думали так... Вольно или невольно, осознанно или не вполне они так самоопределялись «истые европейцы французского стиля» (Пушкина друзья называли «французом»)». И несколько позже Дмитрий прислал такое воспоминание: «Да, забыл дописать, книги, даренные моим родителям, чаще надписаны по-французски, как и мне, например, “Путешествие...”». Слова Дмитрия Тайца мне представляется очень ценными, их следует воспринимать как иллюстрацию к сказанному выше о погрешности Кузнецова во французскую историю и культуру.

Также в цитированном «запеве» книги по сути раскрывается смысл последнего, но смыслообразующего слова в названии книги: «...и другими современниками». Каким-то непонятным образом Кузнецову удается на страницах книги «сжать» время и сделать всех своих собеседников нашими современниками. В одной из, на мой взгляд, самых сильных путевых заметок – «О чем думают химеры Нотр-Дам?» приведен разговор, который почему-то совсем не кажется «фантастикой». Сначала, путешественник, вернувшись после «часовой» отлучки к собору Нотр-Дам, где его ждал Гейне, спросил у поэта: «О чем думают химеры?». Помолчав несколько минут, что для Гейне было большим сроком, он ответил: «Мне кажется, эти химеры размышляют о чем-то очень похожем на физические контраверзы, о которых мы говорили вчера» [9, с. 27]. А «вчера» странник рассказывал Гейне о своих Принстонских беседах с Эйнштейном и вообще о физике XX века. И далее мы оказываемся свидетелями разговора, в котором помимо двух главных собеседников «присутствуют» не только Демокрит и Эпикур, но также Эйнштейн и Маркс. Речь шла об Эпикуровских *clinamen* – спонтанных отклонениях атомов от предписанных им законами природы мест, другими словами, мы соучаствуем в современной дискуссии о природе каузальности. И вот еще пример, совсем уже из «сегодняшнего дня»: «Я вспомнил разговор с Леонардо да Винчи в 1495 году – его панегирик Лоренцо Великолепному и жалобы на условия научной и художественной деятельности в Милане под властью Сфорца и в Риме под властью Борджиа – и рассказал Эйнштейну и Луначарскому об этом различии, не ссылаясь, разумеется, на Леонардо, а в качестве собственной догадки» [9, с. 167].

С «Мемуарами» я познакомился 41 год назад, 16 июля 1975 года; именно в тот день автор подарил книгу моей жене и мне с дарственной надписью: «Дорогим Люсе и Боре от дяди Калиостро». Сегодня эти слова (в первой части статьи отмечалось, что Б.Г. Кузнецов – мой двоюродный дядя) воспринимаются мною как «доказательство» того, что путешествия через эпохи совершались именно Кузнецовым на изобретенной им «машине времени». В то время никаких планов заниматься биографиями у меня не было, как и социологией, как и историей науки. Я воспринимал книгу как удачно найденную форму популяризации знаний по истории науки и по истории физики в частности. А это меня интересовало, потому я сразу начал ее читать.

Более, чем три десятилетия и многие годы собственных занятий историей социологии, конечно же кардинально изменили мое понимание «Путешествий». Как и все написанное Кузнецовым, она – при известной подготовке – легко читается и может рассматриваться как некий синтез истории науки и научной фантастики. Но прежде всего, это оригинальная работа историко-научного и социологического плана, показывающая вечность основополагающих идеалов и ценностей познания

и фундаментальной науки, а также существование некоего неизменного коммуникационного кода, обеспечивающего взаимопонимание ученых и художников, разделенных эпохами. Фантастический сюжет, хотя книга открывается разделом: «О достоверности этих мемуаров», появление машины времени позволили Кузнецову исключить из своих пространственных перемещений время как физическую величину, оставив за ним лишь его «социальную наполненность». Таким образом ему удалось показать вневременной, инвариантный характер фундаментальных ценностей и идеалов науки.

К сожалению, заголовок книги: «Путешествие через эпохи» не передает траекторию движения Калиостро-Кузнецова, он позволяет предполагать, что это было линейное, однонаправленное – от прошлого к настоящему – перемещение, но это не так. В книге нет упорядоченности во времени, и это обеспечивает возможность диалогов странника с его собеседниками. Б.Г. так формулировал принцип своего анализа прошлого: «Но современная ретроспекция, современная машина времени требует жанра арабесок, жанра логически и хронологически неупорядоченных наездов в прошлое. Они не упорядочены логически и хронологически, но отнюдь не хаотичны, они упорядочены психологически, сама внешняя разорванность изложения обладает определенным эффектом; она расшатывает старую систему ассоциаций, сближений и противопоставлений, чтобы дать место новой системе» [9, с. 94]. Такое суждение применительно к научно-историческим текстам и сегодня смотрится как остро постмодернистское (пост-постмодернистское?), но в 1975 году оно могло казаться просто еретическим. Однако Кузнецов усиливает свое суждение, призывая при этом на помощь прошлое: «Арабески – логически разорванные, иногда алогичные переходы от одной сцены к другой, от одного образа к другому, иногда даже от одного жанра к другому – всегда были составной частью научной и философской литературы» [9, с. 94]. И впечатляют следующие слова пилота машины времени: «В своих странствиях по векам я особенно отчетливо понял истоки и значения арабесок, алогизма, выхода за пределы данной упорядоченности, ее подтачивания неожиданными ассоциациями и поворотами, во время бесед с Гёте, Гегелем и, наконец, с Энгельсом» [9, с. 96].

При внимательном ознакомлении с книгой отчетливо осознаешь, что столь сложную «арабескообразную» траекторию движения сквозь столетия мог проложить, а затем пройти вдоль нее лишь штурман высочайшей квалификации. И тогда все сделанное и написанное Кузнецовым до середины 1970-х годов, предстает как уникальный процесс разработки и картирования будущего путешествия через эпохи. И в еще большей степени веришь в подобное допущение, прочитав такие его слова: «Ребенком я часто и мучительно думал о пространстве и о времени, об их бесконечности. Впрочем, мне кажется, многие дети думают об этом, может быть большинство» [9, с. 99]. Возможно, так оно и есть, вопросы, мысли о бесконечности в раннем возрасте у многих порождают размышления, но у большинства детей эти мысли вскоре сменяются другими, тогда для Кузнецова они стали определяющими содержание всей его научной деятельности, а значит – ведь он был убежденным последователем Спинозы и Декарта – всей его жизни. В ряде своих последних работ Кузнецов нередко возвращался к теме интуиции в науке и говорил о Моцартовском мгновении, когда человек как бы слышит всю еще не написанную симфонию. Допускаю, что в какие-то моменты юности, молодости Б.Г. слышал зов прошлых эпох, он манил его и заставлял делать все для того, чтобы такое путешествие состоялось.

Предыдущие параграфы данной статьи основывалась в значительной степени на материалах книги Б.Г. Кузнецова «Встречи» [6], подписанной к печати за полтора месяца до его смерти. Подарена она была мне в конце 1984 года его братом, и в дарственной надписи есть слова: «... в память о Боречке». Тот факт, что в ней собраны

портреты людей, с которыми Б.Г. встречался в разные периоды его жизни, помогло, наряду с другими данными, восстановить его жизненную траекторию, обозначить важнейшие вехи на этом пути. Вместе с тем, содержание и характер бесед, которые Кузнецов вел с этими людьми, удивительным образом сближает его мысленные путешествия, описанные в «Мемуарах», с его реальными встречами.

Например, выше приведенная беседа Кузнецова-Калиостро с Гейне у стен Нотр-Дам моментально вспоминается и становится (почти) реальной при чтении воспоминаний о беседах Кузнецова с академиком И.Е. Таммом в том же скверике. Вот эти несколько строк: «Мы говорили [об этом], гуляя по площади перед Нотр-Дам и затем по скверу сзади храма. Тогда он назывался Сквером Архиепископата. Собор казался воплощением исторической преемственности; его фундамент включает остатки языческого храма, силуэт вписывается в пейзаж современного Парижа, а химеры представляют символ парадоксальной современной научной мысли. О ней-то, об этой парадоксальности, мы и говорили» [6, с. 59]. Или другой очерк Кузнецова – об известном историке Франции А. З. Манфреде, которого он знал с 1927 года. «У меня есть несколько мест в Париже, где я каждый раз при приезде провожу много часов, размышляя о самых разных вещах. Это скамья под огромной плакучей ивой, опускающей свои ветви до поверхности Сены недалеко от собора Парижской богородицы. Потом – фонтан Медичи в Люксембургском саду. И, наконец, скамья против статуи «Мыслитель» в Музее Родена, во дворе, вернее, в саду старого дворца Бирона. Я предложил Манфреду посидеть и поболтать в одном из этих мест. Он выбрал Музей Родена. Во время одной из предшествовавших поездок в Париж я сидел здесь с И.Е. Таммом, и потом в следующий раз уже без Манфреда я пришел сюда после посещения Луи де Бройля...» [6, с. 59]. И, если учесть, что во «Встречах» есть описание беседы Кузнецова с Луи де Бройлем у него дома, в ходе которой речь шла об инвариантах науки, а в разговоре упоминались имена Бергсона, Пуанкаре, Ланжевена и Эйнштейна, то все самым удивительным образом сростается. «Путешествие через века» становится автобиографическим повествованием редкой, удивительной природы. Здесь биография Б.Г. задается уже не событиями, происходившими в его жизни, а направлениями его размышлений и совокупностью его мысленных диалогов.

Приведу еще один пример легкого, элегантного соединения Кузнецовым реального и историко-фантастического, но через это реальное становящегося воспринимаемого как реальное. Выше отмечался интерес, с каким Б.Г. читал философские построения Ленина, и вот в очерке «Инварианты познания» он рассказывает о своем впечатлении от беседы с Аристотелем и возвращается к своей юности и к значению для него работ Ленина: «...Это впечатление было подготовлено задолго до встречи, вообще задолго до машины времени. В юности я прочел в «Философских тетрадах» В. И. Ленина замечание о разногласии философских мнений у Аристотеля, о неустоявшемся, ищущем характере его взглядов. Эта оценка стиля мышления Аристотеля внушила мне желание ознакомиться с Аристотелем не только до средневековой догматизации его учения, но и до появления рукописей, из уст самого философа, когда непосредственная и подчас наивная разногласица и вопрошающая неуверенность, поистине скромный стиль мышления могли быть выражены с наибольшей, впоследствии несколько утерянной яркостью.

Я встретился с Аристотелем во дворце одного восточного деспота, чье царство было только что завоевано Александром Македонским...». Скорее всего, Кузнецов имел в виду конспект Ленина «Метафизики» Аристотеля, включенной в начале 1930-х в «Философские тетради» [9, с. 141–142].

Незадолго до смерти Б.Г. писал: «...меня и в науке интересовало не столько как устроен мир, сколько как меняют синтаксис науки новые представления о мире» – и далее – «по-видимому, я все-таки был рожден для истории и философии науки» [6, с. 41–42]. Конечно, это метафора, но ее содержание наполнено жизненным опытом Б.Г. и потому важно для понимания его жизни и творчества. И следует обратить внимание не только на вывод, в котором просуммировано прожитое-сделанное, но и контекст, в котором сказанное помещено. Это – фрагмент небольшого очерка о встречах Кузнецова с крупным военным начальником и ученым, маршалом инженерных войск Михаилом Петровичем Воробьевым, под началом которого Кузнецов после ранения на фронте служил в последние годы войны. Речь шла и природе, романтике боя, о страхе и интуиции, романтике творчества. И можно допустить, что слово «рожден» использовано здесь не только как антоним слова «смерть», что всегда сопутствует «войне», но также и в смысле плотного, самозабвенного погружения в дело, смыслом которого наполнена жизнь человека. Очерк завершается словами: «Мне кажется, что в книгах по истории современной науки мне удалось, хотя бы в самой недостаточной и малой мере, отразить ее романтику (без такой надежды я, может быть, и писал бы эти книги, но не стал бы их публиковать)» [6, с. 44].

За победой должна была следовать свобода...

Послевоенный период своей работы охарактеризован Б. Г. Кузнецовым в его «Автобиографии», написанной осенью 1968 г.: «В 1944 г. при организации Института истории естествознания Академии Наук СССР был назначен заместителем директора, а позже старшим научным сотрудником. После войны начал работать в области философии и истории физики, а в 50-е годы также в области философского анализа развития современной теоретической физики и в особенности по философии и истории теории относительности. Участвовал в работе многих союзных и международных конгрессов, конференций и симпозиумов по философии и истории науки. Действительный член Международной Академии истории науки и председатель Международного Эйнштейновского комитета» [30].

Анализируя список публикаций Кузнецова в первое послевоенное пятилетие, сразу обращаешь внимание на два обстоятельства. Во-первых, он активно, увлеченно работал и много публиковал; во-вторых, его публикации касались преимущественно истории естествознания в дореволюционной России и СССР.

В 1945–1949 годах были опубликованы следующие книги Б. Г. Кузнецова: «Климент Аркадьевич Тимирязев» (1945 г., совместно с В. Л. Комаровым и Н. А. Максимовым); «Климент Аркадьевич Тимирязев. Жизнь и деятельность» (1945 г., совместно с В. Л. Комаровым); «Ломоносов, Лобачевский, Менделеев: Очерки жизни и мировоззрения» / Предисл. Президента Академии Наук СССР акад. В. Л. Комарова (1945 г.); «Патриотизм русских естествоиспытателей и их вклад в науку» (1949 г., в 1951 г. вышло 2-е издание книги с предисловием акад. Н. Д. Зелинского); «Великий русский учёный Ломоносов» (1949 г.)

Если рассматривать эти работы Б.Г. в качестве платформы его будущих исследований, то особый интерес вызывает книга очерков «Патриотизм русских естествоиспытателей и их вклад в науку» [31]. Несмотря на безусловно ярко идеологизированное название, характерное для послевоенного времени, в книге обсуждаются темы, которые уже в скором будущем станут центральными, стержневыми для Кузнецова – историка и методолога науки: атомистика, теория электричества и теория света, неэвклидова геометрия и развитие экспериментального естествознания

в первой половине XIX в., а также экспериментальной физики и электротехники и многое другое. Конечно, в этой работе отдана и «дань времени» – рассказывается о достижениях Мичурина и Лысенко в биологии, но тогда это было обязательным.

Однако и отмеченные здесь *биографические* книги весьма значимы для понимания творчества Кузнецова в целом. Ведь пройдет десятилетие с небольшим и появятся его самые известные историко-биографические труды об Эйнштейне и Галилее.

В имеющейся у меня копии машинописного варианта текста профессора А. Т. Григорьянца «О трудах проф. Б. Г. Кузнецова в области философии и истории естествознания», по-видимому написанного в конце 1960-х годов, есть интересное замечание о книге Б. Г. «Творческий путь Ломоносова», первое издание которой вышло в 1956 г. По мнению Григорьянца: «В литературе о Ломоносове мы не найдем книги, которая так отчетливо запечатлела бы время своего появления. В биографии Ломоносова, написанной Б.Г. Кузнецовым, нет ни одного упоминания о науке середины XX столетия. Но, несмотря на это, читатель все время чувствует, что только в середине XX столетия, во времена весьма радикальной ломки классических понятий, могла быть написана лежащая перед ним монография об ученом XVIII в.» [45]. Позже, эта пронизанность, пропитанность современностью еще в большей степени проявилась в книгах и статьях Кузнецова не только об Эйнштейне, но о Галилее, Спинозе, Декарте, Ньюtone, даже о Лукреции и Эпикуре. Здесь мы имеем дело с одной из характеристик исследовательского стиля Б.Г., о чем сказано выше. Уже в заголовке его «странной» книге «Путешествие через эпохи» время «снято», все помещено в «толстом настоящем».

Поскольку оказалась затронутой тема М. В. Ломоносова, сделаю одно замечание, касающееся и Б.Г., и отношения лежавшей в руинах послевоенной страны к истории. В каталоге Российской национальной библиотеки в Петербурге я обнаружил вряд-ли называвшуюся когда-либо небольшую брошюру Кузнецова (19 стр. с портретом Ломоносова), изданную в Москве издательством «Молодая гвардия» в 1945 г. Ее название – «Великий русский ученый Ломоносов». Но есть у нее несколько необычное для подобных книг уточнение – «Читано для ремесл. ж.-д. училищ и школ ФЗО [БД: ФЗО – фабрично-заводского обучения] 23 мая 1945 г. Тираж книжки по нынешним временам совсем немалый – 15000 экз. Интересный историко-социологический момент: через две недели после завершения войны в стране проводятся Ломоносовские чтения для в общем-то мало грамотных ребят, и для них специально выпущена книга по истории науки.

Теперь попытаемся понять природу тематики исследований Б.Г. Кузнецова в первые после военные: чем она была обусловлена и могла ли она быть иной? Очевидно, большого выбора у историков науки не было, направленность их поисков определялась решениями высших идеологических инстанций. Так, в выступлении Президента АН СССР, академика В.Л. Комарова «О задачах института истории естествознания АН СССР», сделанном в 1945 г., отмечалось: «Товарищ Сталин лично подчеркнул важность истории естествознания и необходимость создания Института истории естествознания в системе Академии Наук СССР» [32]. И качестве важнейших объектов исторических исследований Комаровым назывались: принцип сохранения энергии и атомизма, разработавшийся Ломоносовым, вольтова дуга, открытая Петровым, неевклидова геометрия Лобачевского, теория химического строения Бутлерова, периодический закон Менделеева, Мечниковская теория фагоцитов, Сеченовские центры, эмбриологические открытия и палеонтологические работы братьев Ковалевских, исследования Тимирязева в области физиологии растений, теория условных рефлексов Павлова, новые виды растений, созданные Мичуриным, кон-

струкции Циолковского и др. Все это мы видим в названной выше книге Кузнецова «Патриотизм русских естествоиспытателей и их вклад в науку». И много в ней не могло быть.

Прошло четыре года, и в начале января 1949 г. в Ленинграде состоялось Общее собрание Академии Наук СССР, которому предшествовала сессия отделений АН, посвященная вопросам истории дореволюционной и советской науки. Интересно, что Б.Г. Кузнецов участвовал не в работе Отделений физико-математических или технических наук или истории и философии, но в сессии Отделения биологических наук; тема его доклада, а их на сессии всего-то и было два: «Теория стадийного развития и общая история естествознания». Таким образом, можно сказать, что за прошедшие после войны нескольких лет Б.Г. стал признанным историком в области естественных наук. По завершении работы Отделений состоялось общее собрание Академии наук, принявшее Постановление о развитии научно-исследовательских работ в области истории отечественного естествознания и техники. Этот документ начинается словами: «Общее собрание Академии Наук СССР, руководствуясь постановлениями ЦК ВКП (б) по идеологическим вопросам и указаниями товарища И. В. Сталина о значении марксистско-ленинской разработки истории науки, отмечает настоятельную необходимость решительного улучшения и расширения работ по истории науки и техники. Социализм впервые в истории сделал доступными народу все духовные богатства, накопленные человечеством, все достижения культуры, науки и искусства. Своими гениальными трудами великие вожди коммунизма Ленин и Сталин открыли новую эпоху в развитии науки об обществе и природе. Передовые деятели русской науки создали такие ценности, которые вошли в фонд самых крупных достижений мировой науки и техники» [30].

С моей точки зрения, содержание подобных документов не требует комментариев, они однозначно показывают, что пространство исследований историков науки в послевоенный период было весьма узким, более того, была задана и точка зрения на предмет их анализа.

Вместе с тем, прошлое русской науки было лишь малой частью научных интересов Кузнецова уже в то время. Из выше приведенного воспоминания о фронтовых годах видно, что даже в те драматические периоды жизни (возможно, с еще большей сосредоточенностью, чем в довоенное время) Кузнецов размышлял о теории относительности Эйнштейна и учении Спинозы, а зная ход мыслей Б.Г., можно утверждать, что и тогда в фокусе его внимания были Ньютон и Галилей, Декарт и Бруно, многие античные философы. Конечно, и в первые после военные годы, Б.Г. продолжал размышлять о генезисе их учений и об особенностях их картины мира, но все же, рассматривая достижения Западно-Европейской философской и научной мысли, он не мог удалиться от российской тематике. Так, еще накануне войны, в «Правде», по случаю 300-летия работы Декарта «О методе» была опубликована его заметка «Декарт и русская наука» («Правда», 1937, 2 августа), а в 1946 г. на конференции, посвященной 300-летию со дня рождения Г.В. Лейбница Кузнецов выступал с докладом «Лейбниц и русская наука XVIII в.», который двумя годами позже составил содержание его статья «Эйлера и учение Лейбница о монадах». В те же годы выходят и другие его работы о классиках естествознания: «Абсолютное пространство в механике Эйлера» (1946 г.) и «Относительное и абсолютное движение у Ньютона» (1948 г.). А в начале 1950-х статьи о Галилеи и Максвелле.

Можно понять, что 40-летнему историку науки, который во второй половине 1930-х обсуждал принципиальные вопросы истории и философии науки с Вернадским, Кржижановским, Комаровым, было тесно в рамках заданного сверху послевоенного историко-научоведческого пространства. Он много глубже своих советских, думаю, и многих зарубежных, коллег по цеху понимал, что в первой половине

XX столетия возникла новая наука, которая предлагала новое видение устройства мира и которая требовала своего направленного исторического и философского прочтения. Соответственно, он опередил многих в осознании того, что нельзя замыкаться на анализе творчества Ломоносова, Лобачевского, Бутлерова, Менделеева, Лебедева, но необходимо пытаться понять концептуальные схемы физиков новых поколений: Эйнштейна, Бора, Гейзенберга, де Бройля, Шредингера и других.

В моем представлении, война, ощущения всего виденного и прожитого, размышления о цене жизни и смысле науки кардинально изменили понимание Б.Г. предмета своих исследований и макро ситуации, в которой он – «времена не выбирают» – должен был разрабатывать открывшееся ему исследовательское поле. Если до войны он был, повторяя сказанное Кржижановским о молодом Кузнецове, «котом, который ходит сам по себе», то теперь он стремился к свободе в физическом и метафизическом – не религиозном, но рационалистическом – смыслах. Чтобы быть свободным в физическом отношении, он вскоре полностью и навсегда отошел от научно-организационных дел в Институте истории естествознания и техники АН СССР, одним из создателей которого был. Но стать свободным в метафизическом смысле ему не позволяла социально-политическая обстановка в стране. Легко предположить, что, будучи уже сложившимся ученым, автором многих книг, лауреатом высшей по тем временам награды в области науки, он понимал свою обреченность на «молчание». И в этом отношении, скорее всего, он испытывал те же чувства, что и некоторые писатели, которые родились в первые полтора десятилетия XX столетия, начинали писать до войны, участвовали в боевых действиях или наблюдали их непосредственно на передовой, но «заговорили» лишь в оттепельный период. Прежде всего, я имею в виду Василия Гроссмана, Эммануила Казакевича, Виктора Некрасова, Анатолия Рыбакова; невозможно не заметить, что Гроссман и Некрасов тоже прошли через Сталинград.

Как мы знаем теперь, многие литераторы в конце 1930-х и после войны писали в стол, поступал ли так же Кузнецов или история науки далека от идеологии, от современности и проблем с публикациями текстов у него не могло возникнуть? Определенного ответа на этот вопрос у меня нет, но представляется мне, что искать его надо в следующей плоскости.

Конечно же, и наука, и анализ развития науки – производные от состояния общества, в котором они существуют и развиваются. Приведу название некоторых книг, опубликованных Кузнецовым в первые десять лет после смерти Сталина. Сначала укажу четыре из них: «Развитие научной картины мира в физике XVII–XVIII века» (1955 г.), «Основы теории относительности и квантовой механики в их историческом развитии» (1957 г.), «Принципы классической физики» (1958 г.), «Альберт Эйнштейн: К 80-летию со дня рождения» (1959 г.). Зная, многие особенности исследовательского и издательского процессов, сложно представить, даже принимая во внимание то, насколько «легко» писал Кузнецов, чтобы он за столь короткий срок подготовил «с нуля» и опубликовал в 1955–1959 гг. четыре книги по проблематике, крайне мало соотносившейся с той, которую он разрабатывал до войны и в первые послевоенные годы. Значит, важнейшее из всего этого обдумывалось раньше и записывалось «до лучших времен». Но это было лишь начало, в следующие несколько лет в свет вышли: «Эволюция картины мира» (1961 г.) «Эйнштейн» (1962 г.), «Развитие физических идей от Галилея до Эйнштейна» (1963 г.), «Беседы о теории относительности» (1963 г.). Никакие из этих книг не могли быть изданы до середины 1950-х: теория относительности, квантовая физика трактовались в послевоенные годы как идеалистические, не отвечающие марксизму, лженаучные, как продукты буржуазной науки.

Кузнецов отчетливо понимал, что новая физика, новая наука в целом, а вместе с ними – и история науки, не могут развиваться в условиях жесткого идеологического давления со стороны ортодоксальных советских философов, наблюдавшегося во второй половине 1940-х. Как ученый, после долгого перерыва вернувшийся к своему любимому делу, как человек, уцелевший в конце 1930-х, как участник войны, понимавший, что наблюдавшаяся им в области науки ситуация грозит многими опасностями, он – в силу своих возможностей – пытался решать этот комплекс проблем.

Письмо Сталину: это всегда был и знак надежды, и шаг отчаяния

Письмо Б.Г. Кузнецова И.В. Сталину, а позже – письма А.А. Жданову, о которых речь пойдет ниже, в те годы были и актом надежды на решение проблем, в которых оказывалась творческая личность, и шагом отчаяния. То, что заранее итог такого обращения предсказать было нельзя, убедительно показал в своем 4-х томнике Б. Сарнов «Сталин и писатели». Интересная статья Ю.И. Кривоносова [33] убеждает, что Кузнецов, обращаясь на «самый верх», действовал в полном соответствии с традициями того времени.

Прежде всего обратимся к краткому тексту Кривоносова, предшествующему изложению фрагментов письма Кузнецова Сталину: «В тоталитарных государствах взаимоотношения власти и науки были деформированы, безоговорочное подчинение господствовавшей идеологии и политическая лояльность были для власти часто важнее новых фундаментальных научных результатов. В отечественной науке XX века сложилась ситуация, когда власть взяла на себя функции главенствующего арбитра и в решении чисто внутренних методологических проблем науки. Это обусловило необходимость прямого обращения ученых во властные структуры, что властью, как правило, поощрялось. Помимо необходимой и неизбежной деловой переписки различных научных структур с аппаратом управления всех уровней, огромный объем составляли «инициативные» индивидуальные и коллективные письма по большому спектру научных, но главным образом, околонучных, проблем. В государственных и партийных архивах отложилось огромное количество подобных обращений ученых и людей, причислявших себя к ученым и специалистам в той или иной области знаний».

Письмо Кузнецова, найденное Кривоносовым в архиве Отдела науки ЦК ВКП(б), датировано 27 марта 1946 г., оно было направлено лично Сталину и озаглавлено «О недостатках в теоретической работе партии в области естествознания, препятствующих исследованию и использованию атомной энергии». По мнению Кривоносова, это письмо в определенной мере, предвосхищало будущие острые дискуссии по проблемам «материализма и идеализма» в физике, несколько притихшие в годы войны и развязанные в начале пятидесятых годов борцами за чистоту диалектико-материалистических идеалов.

Цель своего обращения к Сталину Б.Г. формулировал следующим образом: «Я решил обратиться к Вам по вопросу о коренном повороте в теоретической работе партии в области естествознания, так как глубоко убежден, что превращению СССР в мировой центр ядерной физики, при неограниченных возможностях, предоставленных науке, препятствует только одно: догматическое извращение марксизма в области естествознания, приведшее к ликвидации философии естествознания как науки. В особенности вредным стало не критическое и догматическое отношение к некоторым формулам «Диалектики природы», которые уже не соответствуют современным знаниям. Это привело к тому, что некоторые близкие нам ученые разрабатывают и преподают устаревшие физические теории – физику, хорошо укладывающуюся в формулы «Диалектики природы», физику XIX века, хотя с помощью этой физики нельзя исследовать и использовать атомное ядро».

Рассматриваемое письмо было написано 70 лет назад и для его понимания необходимы некоторые пояснения. Работа Ф. Энгельса «Диалектика природы» в те годы и на протяжении нескольких следующих десятилетий рассматривалась в СССР как основополагающий труд по законам диалектики и философии естествознания. Хотя все знали, что Энгельс работал над ней в конце 1870-х – начале 1880-х, и понимали, что и сами науки претерпели серьезные изменения, и картина мира принципиально изменилась, «Диалектика природы» была канонизирована и оставалась, по определению, вне критики. Так что утверждение Кузнецова о невозможности преподавания физических теорий на базе «Диалектики природы» могло обернуться для него крупными неприятностями. Еретическими могли быть признаны и слова Кузнецова в адрес философов, составлявших ядро журнала «Под знаменем марксизма» (замечу, до войны он публиковался там): «В течение долгого времени все новое в физике, все не предусмотренное «Диалектикой природы» изгонялось, объявлялось подозрительным по идеализму. Многие ученые боялись разрабатывать новейшие физические теории. Основой такого положения была позиция товарищей, присвоивших себе монопольное право судить о философском смысле физических теорий. Они совершенно не ставили новых проблем, да и вообще не писали никаких работ кроме обзоров, критических разосов, предисловий и т.п.». Поясню, этот журнал был главным теоретическим органом партии и определял, соответствовали или противоречили марксизму-ленинизму результаты исследований физиков, биологов и представителей других направлений естествознания.

По мнению Кривоносова, Кузнецов в письме Сталину одним из первых в послевоенный период заявил о формировании в МГУ сплоченной реакционной физической школы, считавшей вредным новшеством физические теории, полностью признанные и экспериментально подтвержденные тридцать-сорок лет тому назад. Он приводит следующие слова Кузнецова о деятельности университетских физиков: «Эта группа начала исключать из рядов партии ученых, высказывающих современные взгляды. Сейчас советская философская мысль не включает обобщения новых естественнонаучных открытий, не указывает естествознанию дальнейших путей, не воспитывает в среде естествоиспытателей стремления к новым открытиям, не учит их пользоваться методологическими принципами марксизма <...>». И цитирует вывод Кузнецова: «Недостатки в теоретической работе по общим, философским проблемам естествознания уменьшают ведущую роль мировоззрения партии в развитии естествознания и мешают Советскому Союзу полностью использовать свои идейные преимущества в работе над атомной энергией».

Архивные изыскания Кривоносова показали, что письмо Кузнецова и приложенная к нему его объемная статья «Атомная энергия и философия естествознания» к Сталину не попали. Что, замечает Кривоносов: «возможно было лучше для Б.Г. и через месяц после получения с “препроводилкой” помощника Сталина – Поскребышева – были переданы «на рассмотрение» секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову, ведавшему наукой и культурой. Тот, в свою очередь поручил ознакомиться и сообщить свое мнение» начальнику Управления Агитпропа ЦК Г. Ф. Александрову.

Кривоносов отмечает также, что в том же 1946 году Кузнецов направлял секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову два документа, в которых, наряду с другими, ставился вопрос о работах над получением и применением атомной энергии. Здесь Кузнецов предстает не только как историк физики, но и как эксперт в области развития энергетики. Он предлагал принять участие в Международном техническом конгрессе в Париже, программа которого предусматривала обсуждение проблем: реконструкции и восстановления мирового хозяйства; атомной энергии; современного развития техники; международного объединения научно-технических деятелей.

В опоре на свои разработки первой половины 1930-х, Б.Г. предлагал выступить с проектом международных электрических передач для объединения энергохозяйства Европы и снабжения промышленности центральной Европы и Балкан энергией от электростанций, построенных в СССР. И еще в одном из документов, направленных Жданову, говорилось о поддержке международной федерации ученых: «Как известно в американских и английских научных кругах, особенно среди физиков, симпатии к Советскому Союзу очень значительны. Во Франции крупнейшие физики – члены коммунистической партии. Мне кажется, что пришло время, когда можно направить мировое общественное мнение ученых, и даже саму их работу, в сторону интересов СССР и против антисоветских происков. Для этого было бы рационально организовать из наиболее левых выдающихся физиков, химиков и других естествоиспытателей, организационный центр международной Федерации ученых, ставящих перед собою цель способствовать мирному использованию новейших открытий и предотвратить их монопольное, агрессивное военное применение».

По мнению Кривоносова, одним из побудительных мотивов обращения Б.Г. к Сталину могло быть его стремление заявить о себе в связи с намечавшимися выборами в Академию Наук. Мой анализ биографии Кузнецова, его деятельности в период, предшествовавшей этим событиям и в последующие почти сорок лет, и многолетнее личное знакомство с ним позволяют сказать, что такой мотив его обращения к Сталину не мог быть доминирующим, хотя, допуская, он мог существовать. Во-первых, скорее всего, это было не первое его письмо к вождю. Выше приводилась фраза из дневника В.И. Вернадского от 20 ноября 1938: «Б. Г. Кузнецов о ликвидации Института] ист[ории] науки. Решение 15-го неожиданное. Комаров с ним (беседовал) по возвращении. Думаю, что Деборина испугала ответственность. Куз[нецов] обратился к Сталину». Тогда ситуация была очень сложной, академик Деборин, отошел в тень, но 35-летний доктор наук, который регулярно общаясь с академиками Вернадским, Комаровым, Кржижановским, Ферсманом, безусловно и думать не мог о членстве в Академии, боролся за сохранение Института (замечу, безуспешно). Во-вторых, Кузнецов, только вернувшийся с войны и лишь входивший в серьезную историко-научную проблематику, прекрасно осознавал, что не имеет никаких оснований рассчитывать на членство в Академии Наук.

Вместе с тем, я склонен думать, что обращение Кузнецова к Сталину, наверное, можно рассматривать как своего рода защитное действие Б.Г. в атмосфере надвигавшейся борьбы с «безродными космополитами». Во-первых, развернувшись в сторону изучения истории теории относительности и квантовой механики, он мог быть обвинен в приверженности к западным идеалистическим, антимарксистским философским взглядам. Во-вторых, эта кампания, имевшая явно и антисемитскую направленность, могла и этим крылом накрыть его, все «знающие» люди, помнили, что по рождению Кузнецов – Шапиро, да он никогда и не скрывал своего еврейского происхождения. А о том, что ситуация была весьма напряженной, непростой можно прочесть в историко-научных исследованиях. И в первую очередь я отметил бы две статьи А.С. Сониной, доктора физико-математических и химических наук, кристаллофизика и историка науки, опубликованные в 1991 г. в Вестнике РАН [34], [35].

В латентной форме кампания против космополитизма и одновременно – против физического идеализма началось на физическом факультете МГУ в середине 1940-х годов и концу того десятилетия она приобрела открытую и агрессивную форму.

В историю советской физики вошла дискуссия по поводу статьи будущего академика А. А. Маркова «О природе физического знания», опубликованной в «Вопросах философии» (1947, №2). Предвидя нападки на эту работу, в ней речь шла о философских основах квантовой механики, редакция предпослала тексту Маркова предисловие президента АН СССР С. И. Вавилова. Уже в следующем номере журнала

появились отклики на статью Маркова. Среди поддержавших проделанный им анализ были физики Д. И.Блохинцев, М. Г.Веселов, М. В.Волькенштейн, а также Б.Г.Кузнецов. Однако были рецензии, содержавшие резкие идеологические обвинения автора. Так, один из критиков видел главный порок статьи в игнорировании Марковым основного принципа материализма – принципа партийности в науке. Другие отмечали, что он «не подвергает беспощадной и принципиальной критике Гейзенберга, Бора и других зарубежных физиков и философов, делающих из квантовой теории идеалистические выводы». 10 апреля 1948 года чл.-кор. АН СССР, в то время – профессор философского факультета МГУ А. А. Максимов изложил свои критические рассуждения в «Литературной газете» в статье «Об одном философском кентавре». В частности он писал: «Боровское истолкование соотношения неточностей квантовой механики есть отход от материализма», «философские воззрения Н. Бора – типичный продукт идеологической реакции, порождаемой эпохой империализма в буржуазных странах. Философские воззрения Н. Бора — тот самый нежизнеспособный продукт, отброс, который подлежит, по определению Ленина, отправке в помещение для нечистот».

Одно из знаковых событий тех лет – статья названного выше А. А. Максимова опубликованная в 1952 г. в явно непрофильном издании – газете «Красный флот» [36]. В ней утверждалось, что «теория относительности Эйнштейна, несомненно пропагандирует антинаучные воззрения по коренным вопросам современной физики и науки вообще. Воззрения Эйнштейна повели физику не вперед, а вспять как в отношении теории познания, так и метода. Уже многие физики сознают, что теория относительности Эйнштейна – это тупик современной физики».

Статья Максимова была настолько невежественной и антинаучной, что в конце 1952 г., незадолго до смерти Сталина, она вызвала обращение группы академиков, среди которых были А. П. Александров, Л. А. Арцимович, Л. Д. Ландау, А. Д. Сахаров, И. Е. Тамм и другие, с письмом к Л. П. Берии, возглавлявшим проект по созданию советской атомной бомбы [37]. Начиналась оно словами: «Мы обращаемся к Вам в связи с ненормальным положением, создавшимся в советской физике. Это положение является результатом ошибочной и вредной для интересов советской науки позиции, которую заняли некоторые из наших философов, выступающих по вопросам философии физики». Далее отмечалось, что некоторые из философов, «не утруждая себя изучением элементарных основ физики и сохраняя в этой области полное невежество, сочли своей главной задачей философское «опровержение» важнейших завоеваний современной физики. Основной атаке со стороны этой группы философов подвергается теория относительности и квантовая теория, лежащие в основе всей современной физики и представляющие собой теоретическую базу электронной и атомной техники». В целом, в этом письме утверждалось то, о чем писал Б.Г. Сталину еще в 1946 году. А ведь в отличии от них Кузнецов не был защищен «броней» из секретного характера спецработ, звезд героев и академических званий.

В моем понимании творчества и жизни Кузнецова, его письмо Сталину и обращения к Жданову прежде всего были продиктованы не стремлением стать членом АН СССР, а принципиально иной причиной, очень личностной и очень глубокой. Как человек, фронтовик Б.Г. научился смотреть смерти в глаза и сдерживать, подавлять страх (замечу, отчасти, мыслями о науке, о постижении мира...). Но как ученый он «боялся смерти» – не успеть сделать задуманное.

Но, думаю, существовало и более глубокое чувство, чем «страх смерти». По-видимому, еще в ранней молодости Кузнецов знал, осознал и принял для себя в качестве важнейшей ценности утверждение Декарта и вслед за ним Спинозы *cogito, ergo sum* (мыслю, значит существую). Б.Г. почти отождествлял понятия

«жить» и «свободно мыслить». Незадолго до смерти он писал о *радости познания* и соответственно *радости бытия*, «которую ощущает ученый, когда у него блеснет новая мысль и вместе с ней откроется еще не познанное – предмет новых размышлений. Это момент, когда мыслитель не думает о себе, но вместе с тем ощущает смысл своей жизни» [8, с. 254].

Пропустим четыре десятилетия: иное время, иные вожди, но опять обращение наверх. Кузнецов видел приближение тупика и снова пытался привлечь внимание властей к исследованиям в области истории науки. Вот что в начале 90-х вспоминал физик и историк физики В. Я. Френкель: «Упомяну еще об одном издании, менее известном у нас и также связанном с именем Кузнецова. Это пятитомное собрание «Наука XX века», вышедшее на французском языке под его редакцией и по его инициативе во Франции (осуществлялось оно советскими авторами через посредство Агентства печати Новости). Совместно с профессором В.М. Шехтером мне довелось, по предложению Бориса Григорьевича, подготовить к печати один из томов — «Физика XX века». Он был опубликован в 1976 г., и в течение всего времени работы над ним мы ощущали поддержку Кузнецова. Когда все издание было завершено, он загорелся идеей выпустить его расширенный вариант на русском языке. Для реализации столь масштабного предприятия требовалась мощная поддержка. В то время на смену Л. И. Брежневу пришел Ю. В. Андропов, и в 1983 г. Кузнецов послал ему имевшиеся у него экземпляры издания с письмом, в котором объяснил цели и необходимость перевода на русский язык. Он был очень доволен, когда получил быстрый ответ Андропова, обещавшего свою поддержку. Но вскоре не стало Андропова, а потом и самого Бориса Григорьевича...» [1].

Социология науки как инструмент самопознания науки

Цель настоящего небольшого параграфа заключается в первичной аргументации необходимости и оправданности расширения сложившихся к настоящему моменту представлений о характере и направленности исследований Б. Г. Кузнецова. В начале статьи были приведены мнения специалистов, согласно которым Б.Г. может быть признан одним из ведущих в мире и в нашей стране историков и философов науки. Проведенный анализ его творчества, думается, дает мне право утверждать, что Кузнецов был и оригинальным, уникальным *социологом науки*, наметившим для будущих поколений социологов и науковедов новые исследовательские задачи и концептуальные подходы к их решению. Задумывая и начиная изучение биографии Б.Г., у меня не было подобного взгляда на его научное наследие, но сейчас, суммируя известное мне о сделанном им, такое утверждение представляется мне естественным. И я задумываюсь, почему оно не возникло у меня раньше и почему никто из наших историков социологии не писал о Кузнецове как о коллеге? В целом ответ прост, никто и не ставил перед собой задачу оценить в совокупности сделанное им, перечитать его книги, представить миры гигантов науки и духа, в которые он пытался проникнуть, исследовать дискурс его текстов, расшифровать особенности его мысленного общения со своими очень непростыми героями и т.д.

Возможно, некоторое продвижение в поисках ответов на эти вопросы упростится, если уложить сделанное Кузнецовым как социологом науки в привычное для социолога категориальное пространство.

Объект исследования: фундаментальная наука, прежде всего физика, и ее творцы.

Предмет исследований: в самом общем случае – это генезис фундаментальной науки и ее эволюция. Весьма непросто детализировать предметную сферу поисков Кузнецова, но, безусловно, она включает в себя: науку античного и средневекового периода, рационалистические научные представления о мире в эпоху

Возрождения, картезианскую физику, истоки и значение физико-математических построений Ньютона, становление термодинамики и электромагнитной картины мира, теорию относительности и квантовую механику. Одновременно здесь следует сказать о многолетних направленных исследованиях Кузнецовым идеалов и ценностей науки, а также – ее будущего. Следствием стремления к столь широкому охвату направлений физики, скорее – физических и философско-физических представлений о строении мира, стало и большое число мыслителей, ученых, философов, оказавшихся в поле биографического анализа Кузнецова. Им написаны книги об Эйнштейне и Галилее, Ньюtone и Бруно, Ломоносове и Менделееве, очерки о Лукреции и Эпикуре, Спинозе и Декарте, Эйлерe и Лобачевском и о многих других исследователях, внесших значительный вклад в физику и в наши представления о мире.

Методология исследований: Вопрос о методологии историко-научных исследований Б.Г. Кузнецова представляется мне одним из самых интересных и трудных при изучении его творчества. Сложность ответа на него определяется прежде всего тем, что, как показано выше, его исследования в этой области начались в середине 1930-х годов и продолжались около полустолетия и, несомненно, его методология менялась и в следствии приобретения им нового опыта, и как рефлексия на макро социальные изменения в советском обществе, и в ответ на тренды в методологии исторического познания в целом.

Методы исследований: весь комплекс историко-научных приемов, методы культурологических исследований, приемы биографического анализа.

Мне не известны работы советских и российских социологов науки, в которых рассматривались бы принципы анализа Кузнецовым эволюции физики и творчества естествоиспытателей и философов, живших в разные эпохи. Так же я не знаю и его собственных публикаций по методологии проводившихся им историко-научных исследований. Первое из этих обстоятельств я связываю с трудностью предмета разработок Кузнецова, второе – со спецификой его научных интересов, желанием постоянно углубляться в познание эволюции науки и биографии своих героев, но не в методологию и технологию своих поисков.

Но все же определенную «зацепку» для начала изучения исследовательский методологии Б.Г. мне удалось найти в одной из его последних книг – «Идеалы современной науки» (1984 г.), которая, на мой взгляд, много «социологичнее», чем его другие монографии.

Обсуждая вопрос о том, может ли современная наука быть объектом исторического анализа, Кузнецов указал на тему самопознания науки и называл социологию науки среди других специфических для XX в. средств самопознания. А далее он отметил, что такая обновленная история науки «смыкается с дисциплиной уже существующей в литературе по общей истории и получившей название *историологии*». Под историологией науки он понимал: «анализ проблемы генезиса науки, ее предмета и метода, общих принципов, периодизации, всего того, что выходит за пределы отдельных периодов, берет весь исторический процесс развития науки в целом. Эта дисциплина соединяет гносеологию с историографическим описанием эпох, периодов, отраслей, национальных школ, создания и развития центров науки» [8, с. 18].

Таким образом, в качестве рабочей гипотезы о характере методологии историко-научных исследований Кузнецова можно принять допущение об их историологической природе. Обращение к некоторым его довоенным и первым послевоенным статьям и книгам позволяет уже в них видеть атрибуты историологии науки, и в принципе в этом нет ничего удивительного. Ведь историологию науки можно трактовать как синтез историографических, культурологических и социально-психо-

логических подходов к изучению генезиса и развития науки, а также природы научного творчества. Сложно сказать, под воздействием каких обстоятельств Кузнецов начал работать именно в этом ключе. Но предположить можно, он двигался от анализа и решения задач энергетики в сторону истории науки во многом под влиянием общения с В. И. Вернадским и В. Л. Комаровым, для которых было характерно масштабное понимание процессов развития науки. И безусловно, Кузнецов не мог не знать многочисленных работ Н. И. Кареева о сути исторических процессов и роли личности в истории, его книгу «Историология. Теория исторического процесса» (1915 г.).

Прошло три десятилетия после смерти Б.Г., сейчас историологию науки часто рассматривают в качестве ветви социальной эпистемологии науки, направления познания генезиса и развития науки, синтезирующего в себе философию, историю и социологию науки. Как отмечает Е. А. Мамчур, Т. Кун и П. Фейерабенд, признаваемые основоположниками социальной эпистемологии, исходно относили себя к философам науки, но позже стали считать себя социологами познания [38]. Безусловно, при жизни Кузнецов не мог быть отнесен к советским социологам науки, ибо он в любом случае работал в рамках феноменологической парадигматики, постепенно ставшей признаваться в России лишь после перестройки.

Когда данная статья в целом была закончена, я направил ее специалистам, работающим в области социологии и истории науки, меня прежде всего интересовало их отношение к тому, что в исследовательском пространстве Б.Г. Кузнецова я обнаружил и социологию науки. И мне приятно отметить, что мои коллеги поддержали меня.

Е. А. Мамчур, уже многие годы изучающая закономерности развития научного знания, а также проблемы этики науки и вопросы взаимоотношения эпистемологии и психологии, написала (14 августа 2016 г.): «...Конечно я знала, что Б. Г. Кузнецов был отличным социологом науки, но ведь он был не только социологом науки, но и науковедом и историком и даже эпистемологом. Сейчас на такое «междисциплинарье» претендуют многие исследовательские группы. Но уж социолог науки – это точно о Б.Г. Так что все в порядке».

А вот что в тот же день ответил на мои вопросы А. М. Никулин, экономист, социолог, автор нескольких книг по истории социологии: ««Что Б. Г. Кузнецов – социолог науки, это для меня очевидно с тех пор, как А. П. Огурцов и Г. С. Батыгин в своих социологических курсах в МВШСЭН с большим почтением ссылались на Кузнецова, именно, в контексте социологии науки». Замечу: А. П. Огурцов (1936–2014) – известный российский философ и культуролог, Г. С. Батыгин (1951–2003) – известный российский социолог и историк социологии».

В плену его человеческого обаяния

Представляя Б.Г. Кузнецова в начале этой статьи, я привел слова Ильи Пригожина об *интеллектуальном обаянии* Б.Г., которое обладало каталитическим действием, и назвал ряд имен крупных физиков и историков науки, признававших это свойство личности Кузнецова. Если учесть, что в ранней молодости он постоянно общался с такими выдающимися исследователями и мощными личностями, как Вернадский, Комаров, Кржижановский, Иоффе, Ферсман, встречался с народовольцами А. Н. Бахом и Н. А. Морозовым, хорошо знал А. И. Опарина и О. Ю. Шмидта, а также многих выдающихся физиков, энергетиков, деятелей культуры и искусства, если вспомнить, что уже 20-летним, в студенческие годы, он активно преподавал философию и экономику людям старшим его, то можно допустить, что такими коммуникационными способностями он был наделен с рождения.

Ниже будут рассмотрены фрагменты воспоминаний нескольких людей, знавших Б. Г. Кузнецова, беседовавших с ним в домашних обстоятельствах не только по историко-научной тематике, и это поможет понять его *человеческое обаяние*, которое, прежде всего, конечно же, было интеллектуальным, но не только. И, поскольку я сам ощущал это обаяние и прекрасно его помню, то, не боясь субъективности, она здесь абсолютно уместна, сначала расскажу о Б.Г. сам. Я жил в Ленинграде, но достаточно часто бывал в Москве; до середины 1960-х его семья жила в центре города на Большом Спасоглинищевском переулке, а потом переехала на Новопесчаную улицу, недалеко от станции метро «Сокол». Я стал осваивать Москву в начале 60-х и тогда останавливался на Спасоглинищевском, где мне ставили раскладушку в кабинете Б.Г., позже я жил в квартире его брата и двоюродной сестры на Живописной улице, когда еще не было станции метро «Щукинская» и весь район воспринимался как огромный парк. Но, если я оставался на ночь у Кузнецовых, то мне отдавался диван в кабинете Б.Г.

Б.Г. был среднего возраста, подтянутый, в юности и молодости он и его брат занимались спортом, в их домах были шведские лестницы, гантели, эспандеры, они всегда старались хорошо, по-щегоольски одеваться. В довоенные годы друзья Б.Г. сравнивали его с известными американскими киноактерами. Даже дома, совсем не потому, что я приходил, Б.Г. всегда был в свежей рубашке и начищенной обуви. Я не помню его без галстука, в мятых домашних брюках и тапках. Я стал бывать в Москве в начале 1960-х годов, и тогда у нас не могло быть историко-научных разговоров, но я всегда получал в подарок новые книги и постепенно осваивал их содержание. Я не помню разговоров с Б.Г. о политике, о быте; его мысли были в другом пространстве. На его столе почти всегда был только что начатый или завершившийся текст: ровные, почти без помарок строчки мелких букв. Он рассказывал мне о том, что в тот момент его волновало, и он не очень беспокоился относительно того понимал ли я его. Похоже, он проговаривал только что написанное или то, что ему предстояло написать.

Очевидно, что наш разговор не мог быть дискуссией, но это не была и лекция. Как я понимаю теперь, я был свидетелем рождения «арабесок» (см. выше), ибо эта форма дискурса была адекватна характеру размышлений Кузнецова. И фактически, Б.Г. не учил и не информировал меня, его рассказ – без специального намерения – порождал во мне какие-то мягкие, незатухающие и совсем не обязательные ассоциативные процессы. В годы студенчества меня интересовали совсем другие научные проблемы, но когда я в конце 60-х работал над кандидатской диссертацией по использованию факторного анализа при изучении личности человека, я, по рекомендации известного советского психолога Б. Г. Ананьева, попытался рассмотреть генезис этого математико-статистического метода. И здесь во мне стало «просыпаться» услышанное от Кузнецова.

Последующие после защиты три десятилетия я занимался далекими от истории науки вопросами, но все равно, бывая в Москве, я заходил к Кузнецову, часто получал его новые публикации и слушал его новые арабески. И – совсем неожиданно для себя, через два десятилетия после смерти Кузнецова, уже живя в Америке, и – не планируя этого – погрузился в изучение становления и эволюции американских опросов общественного мнения и развития послевоенной советской социологии, тогда во мне ожила память о беседах с Б.Г., и я стал снова перелистывать его книги. Я привез их с собой, не предполагая заниматься историей науки, а лишь как память о нем. Прошедшие полтора десятилетия показали, что в моих исследованиях мне более, чем тексты Кузнецова, нужно мысленное общение с ним, пребывание в поле его интеллектуального и человеческого обаяния.

Теперь обратимся к воспоминаниям о Кузнецове, сначала – двух ученых, тесно общавшихся с ним, знавших его работы и глубоко понимавших их научное и культурологическое значение.

Уже само название эссе В. Я. Френкеля, написанного к 90-летию Б.Г.: «Высоких званий не имел, но было имя» [1], подчеркивает сущностное в личности и деятельности Кузнецова; его имя не было обременено описанием должностей, степеней и званий (хотя все это он имел до достижения 40 лет), но было известно *лишь* благодаря служению науке. Виктор Яковлевич Френкель – доктор физико-математических наук, профессор, физик и историк физики, сын выдающегося советского физика Я.И. Френкеля, отлично понимал масштаб и значение исследований Кузнецова и часто бывал у него дома в обеих квартирах и очень зримо описал оба кабинета Б.Г. В «старом» – огромный, во всю длину комнаты, стол, вдоль которого Б.Г. перемещался в течение недели. Добавлю, никакого монументально-профессорского кресла не было, чтобы держать спину, он тогда работал, сидя на, по-моему, небольшой круглой табуретке. В «новой» квартире они беседовали на диванчике «за сундучком». Френкель писал: «большой кованый сундук, с которым, думалось мне, отправлялись в дальние путешествия в конце XVIII — начале XIX века. Что находилось в нем (рукописи?) — я так и не узнал». Ничего особенно там не находилось, когда я приезжал, то держал в нем выдававшиеся мне подушки, одеяло и прочее.

По наблюдениям Френкеля, главным для Кузнецова-историка было проникновение в труды классиков естествознания. Чтение этих работ выстраивало в длинные логические или же ассоциативные ряды (цепочки) мысли великих ученых и философов. Память у него была удивительной, раз прочитав чью-либо заинтересовавшую его работу, он запоминал ее навсегда — со всем богатством содержащихся в ней мыслей и наблюдений. Сравнение и сопоставление их, обогащенное собственными идеями, составляли основу его работ. Он любил пересказывать прочтенную в одной из книг о Моцарте фразу о том, что великий композитор обладал способностью в одно краткое мгновение — озарение — услышать всю еще не написанную им симфонию. И далее: «Можно сказать (разумеется, правильно понимая масштабы личностей), что в результате подсознательных и вполне сознательных размышлений об интересовавших его на данный момент вопросах Борису Григорьевичу тоже являлась в один миг охваченная его мыслью будущая книга. После чего оставалось только ее написать!».

Владимир Семенович Кирсанов, сын многолетнего друга Б.Г. поэта Семена Кирсанова, знал Кузнецова с детства. Он стал физиком, защитил кандидатскую диссертацию, а потом под влиянием бесед с Кузнецовым серьезно углубился в историю науки и защитил докторскую диссертацию по материалам анализа рукописей Ньютона. В преддверии столетия своего наставника и старшего друга Кирсанов писал: «Есть люди, само существование которых может рассматриваться современниками как редкая удача, счастливое совпадение. Их значение выходит далеко за рамки опубликованных книг и конкретных научных результатов. Присутствие такого человека в профессиональном коллективе – залог здорового климата, предпосылка творческих удач. В советской истории науки таким человеком был Борис Григорьевич Кузнецов» [2]. Приведу слова Кирсанова об отношении Б.Г. к своим коллегам: «Борис Григорьевич был человеком необычайно общительным, деятельным и доброжелательным, я бы даже сказал, деятельно-доброжелательным. Он не писал отрицательных рецензий и помогал людям, если мог. Благодаря Б.Г. в нашем институте появился Юшкевич, благодаря Б. Г. Кедров стал директором <...>. Он помогал Полаку после его возвращения в Москву из лагеря, Библеру, когда у того не сложились отношения с начальством в Институте всеобщей истории, да всего и не перечислить». При этом, замечу после войны никаких высоких должностей

Кузнецов не занимал в Институте истории естествознания и техники АН СССР. И закончу цитирование эссе Кирсанова его словами о природе творчества Кузнецова: «...мне кажется, если придерживаться высоких критериев, то его нельзя назвать ни историком науки, ни философом в строгом смысле этого слова — он был, прежде всего, и по преимуществу профессиональным мыслителем, — т.е. человеком, основной смысл жизни которого заключался в постоянной работе мысли; предмет обдумывания мог быть самым различным, он менялся от времени ко времени, потому так сложно четко обозначить его специальность в привычном для нас наборе терминов. Была ли наука (в первую очередь физика) предметом его интересов? Да, конечно. А философия? И, безусловно, философия. И история, и экономика, и логика. И еще многое другое, например, жизнь, смерть, любовь, понимаемые не просто как философские категории, а как нечто большее». В моем понимании, все сказанное Владимиром Кирсановым открывает многие грани образа Кузнецова, раскрывающие смысл слов «человеческое обаяние».

Под влиянием Кузнецова историками физики стали еще два исследователя, начинавших свой путь в науку как физики. С ними, обратив внимание на их публикации, я познакомился в этом году в веб-сети при работе над биографией Б.Г.

Отправив 6 марта по электронной почте письмо Сергею Ростиславовичу Филоновичу, я через несколько дней получил очень информативный для меня ответ: «Очень рад Вашему письму: оно как бы весточка о человеке (и даже семье), который мне бесконечно дорог как друг и учитель. С Борисом Григорьевичем я был знаком и, тешу себя надеждой, дружен в течение многих лет. Примерно с 1970 года до его смерти. Борис Григорьевич и Римма Леонидовна [БД: Р. Л. Нарышкина – жена Б.Г. Кузнецова] входили в большую компанию московской интеллигенции, членами которой были и мои родители, а когда я подросток, стал и я. В нее входили преимущественно (но не исключительно) художники и искусствоведы (в частности, Д. Краснопевцев, И. Г. Меркурова, Н. М. Костина). Встречались в разных домах, в том числе и на Песчаной у Кузнецовых. <...> В свое время я даже переводил статьи Б.Г. на английский язык (в частности, его работы по необратимости времени). Благодаря Б.Г. я начал сотрудничать с сектором истории физики и механики ИИЕТ, где в конечном счете защитил докторскую диссертацию. Он же был «крестным отцом» моей первой книги, которая вышла в свет, когда мне было 26 лет».

Уже после выхода первых моих статей о Б.Г. я познакомился с живущим в Америке историком физики Геннадием Гореликом, который в своем первом письме мне о сообщил о Кузнецове: «Еще студентом я читал его статьи и книги, а лично познакомил с ним меня мой доброжелатель и его почитатель, трудяга историк науки У. И. Франкфурт, вскоре после того, как я стал «соискателем» в ИИЕТе. Б.Г. неожиданно тепло отнесся ко мне и к моим первым шагам в истории науки. Не раз я был у него дома, беседовали о науке и жизни, в сопровождении изысканного ликера. И еще более неожиданно предложил мне написать научно-популярную книгу на тему диссертации. Это была моя первая книга «Почему пространство трехмерно?» <...> Очарование его личности, восхитительная ирония, глубина и живость мысли живут в моей душе». И через несколько дней, после ознакомления с первой частью данной статьи: «...огромное Вам спасибо за возможность ближе познакомиться с человеком, о котором всегда помнил с большим теплом, но только сейчас осознал его значение в моей жизни. Я всегда думал, что у меня не было «научного руководителя»: формальный руководитель подписывал все нужные бумажки, но был для меня лишь очевидцем советской истории. Теперь же, прочитав Вашу статью и поразмыслив над собственными воспоминаниями и некоторыми архивными документами (вроде стенограммы защиты), понял, что своим научным руководи-

телем могу и хочу считать Б.Г. Его совершенно неформальное и очаровательное воздействие было вдохновляющим, освобождающим и подстрекательным к нахально-смелым вопросам».

Я уже достаточно продолжительное время знал Линн Виссон (Linn Vysson), переводчицу ООН, когда 1 июля 2012 года получил от нее «мейл» со словами: «Между прочим, забыла Вам сказать, что я перевела книгу Б.Г. «Разум и бытие» (Reason and Being)». Потом оказалось, что Линн знала также жену и брата Б.Г. А вообще они познакомилась еще в октябре 1968 г., когда Б.Г. приезжал в Бостон для участия в конференции “Development of Modern Science”, проводившейся American Academy of Arts and Sciences. Поскольку английский, французский и русский – родные языки Линн, и она – специалист по русской поэзии, в разное время я спрашивал ее, говорила ли она с Б.Г. по-французски и какую поэзию он любил. Линн ответила, что он отлично говорил по-французски, а вот ее ответ на мой другой вопрос: «А насчет поэзии – он знал, что я писала о Есенине, не скрывал, что от него далеко не в восторге! Без энтузиазма также относился к Пастернаку. Но любил Пушкина, кое-что даже знал наизусть. Неплохо относился к военным поэтам – Самойлову, Симонову».

А в 2013 году Линн познакомила меня со своей давней подругой, российским лингвистом и переводчицей Леонорой Александровной Черняховской, которую ее московские друзья просили позаниматься с Б.Г. разговорным английским, они говорили на многие общие и профессиональные темы и подружились. Лишь нехватка места ограничивает мое цитирование щедрых воспоминаний Черняховской о Б.Г., отберу лишь то, что напрямую соотносится с замыслом этого параграфа, надеюсь на то, что позже смогу использовать и многое другое.

28 сентября 2013 г.: «Я даже не могу сформулировать, в чем был его магнетизм. Он поразил меня, с самого начала, своей эрудицией. Я таких людей не встречала ни до, ни после знакомства с ним. И очень увлекательный собеседник, сам тоже очень увлекающийся. И потрясающее чувство юмора, и обширнейший круг интересов. О чем только мы с ним не беседовали! Мы ведь не сразу перешли к отношениям учитель-ученик. Вначале просто разговаривали на всякие темы, например, он очень ярко и с юмором описал историю, в результате которой его кот Василий, который был неизменным молчаливым участником наших встреч, стал именоваться «фокстерьер Вася Кузнецов». (Если интересно, расскажу потом.). Но главное, конечно, что меня потрясло и завораживало – это его удивительно широкий кругозор, глубина его знаний».

Несколько позже я получил такую историю: «Однажды летом, когда были открыты все окна, Вася решил прогуляться по карнизу вдоль фасада (очень узкому, кстати). А в кабинете Б.Г., откуда он начал путешествие, почему-то окно закрыли. И он решил завершить поход в кухне соседей, впрыгнул в окно, на кухонный стол. А там стоял таз со свежесваренным вареньем, еще горячим, и Вася угодил прямо в варенье! Бедному коту нужна была срочная помощь. Б.Г. стал звонить в ветеринарную клинику, чтобы срочно вызвать врача на дом. А ему сказали, что на дом они посылают врачей только к собакам, а к кошкам – нет. Такая вот дискриминация. Когда Б.Г. описал им ситуацию, они сами ему посоветовали оформить вызов как к собаке. Назвали Васю фокстерьером, потому что небольшого размера животное, спросили адрес и фамилию владельца, и завершили разговор так: «оформлен вызов по такому-то адресу (дело было на Соколе), к пациенту фокстерьеру Васе Кузнецову». Так это имя к нему и приклеилось навсегда!»

2 октября 2013 г. «О Б.Г. : Насчет магнетизма Вы, конечно, правы. Я тогда не анализировала ничего, была очень увлечена и своей работой, и вдруг неожиданно открывшимся мне удивительным собеседником. <...> мне кажется, нас объединяло

стремление к свободе. Я не знала тогда подробностей его биографии в молодые годы, но он часто говорил о том, что сожалеет, что наши временные пласты пересеклись так поздно. (У Брэдбери есть на эту тему рассказ, кажется, «вино из одуванчиков», но точно не помню, о странной дружбе старушки и подростка.) <...> Сейчас, когда Вы написали мне о любви Б.Г. к свободе и о некоторых подробностях его биографии, которые я не знала, я понимаю, что кроме научных интересов, нас объединяло некоторые черты характера. Тогда я об этом, конечно, не думала. Мы это и не обсуждали. Как ни странно теперь вспоминать, на личности никогда не переходили. <...> Наше общение продолжалось года с 1977 или 1978, точно не помню, и продолжалось до ухода Б.Г. Когда я ехала в автобусе со стоящим рядом гробом, я понимала, что это не просто человек ушел, а завершился громадный пласт и моей жизни. И так оно и было».

* * *

Вскоре после смерти Б.Г. я спросил его брата Мусю (Моисея) – повторю, они были двойняшками, всегда были дружны и бесконечно внимательны друг к другу, часто ли он ходит на кладбище... его ответ я не могу забыть: «Зачем? Ведь это не Боречка...». Боречкой был тот, чей голос, смех, улыбку, всегдашнюю погруженность в какой-то лишь ему знакомый мир... не отпускала память Муси. И, конечно же, в книгах брата он прежде всего видел его самого.

Завершая предисловие к названной выше книге «Идеалы современной науки», Б. Г. Кузнецов писал: «... историк современной науки находится в привилегированном положении: он может не только читать статьи и книги своих героев, но и беседовать с ними» [8, с. 5]. Работая над этой статьей, я находился в «особо» уникальном положении: я читал и перечитывал некоторые статьи и книги моего героя и беседовал с ним. И эти мысленные беседы были продолжением многих и многих реальных. Пусть, поначалу, в силу возраста, а потом – из-за отсутствия необходимых знаний и научного опыта, я далеко не все понимал. Все равно, я находился в поле его интеллектуального и человеческого обаяния, которое не исчезает, но наполняется новым пониманием. Так случилось, что под влиянием Б.Г. я стал заниматься историей социологии и одним из важнейших инструментов методологии моего исследования стало общение с моими героями.

Почти четыре года сбора информации о жизни Б.Г., перечитывание его важнейших книг – были чудесным временем общения с ним, он начал по-новому раскрываться мне в этих мысленных диалогах. Кузнецов занимался эволюцией фундаментальной науки, и его героями были гении мысли и духа. Мало кто рискнет зайти в это исследовательское пространство. Но отношение Б.Г. Кузнецова к процессу познания и раскрытия мира ученых – урок для всех, кто пытается заниматься историей науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Френкель В. Я. Высоких званий не имел, но было имя // Вестник Российской Академии Наук. Том 63. № 10. 1993, с. 903–908.
2. Кирсанов В. С. Слово о Борисе Григорьевиче Кузнецове. Исследования по истории физики и механики: [ежегодник] / Редкол.: А. Т. Григорьян (отв. ред.) и др. АН СССР. Ин-т истории естествознания и техники. — М.: Наука, 1985 <http://litbook.ru/article/7359/>
3. Kuznetsov B.G., Reason and Being. Boston: D. Reidel Publishing Co., 1987.

4. Илизаров С.С. В.И.Вернадский: Диалоги с историками науки // В.И.Вернадский – историк науки: к 150-летию со дня рождения / Тезисы докладов Международной научной конференции (Москва, 22 января 2013 г.). М.: ИИЕТ РАН, 2013.

5. «Бессмертие мыслителя, как условие и как часть бессмертия научных представлений» Блог А.Н., 14 октября 2013 г. <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/publikacii-a.n.alekseeva/abbessmertie-myslatelya-kak-uslovie-i-kak-chast-bessmertiya-nauchnyh-predstavleniibb>

6. Кузнецов Б.Г. Встречи. – М: Изд-во «Наука». 1984.

7. Докторов Б., Козлова Л. Захочет ли граф Калиостро посетить моих героев? http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/doktorov_kozlova.html.

8. Кузнецов Б.Г. Идеалы современной науки. – М.: «Наука». 1983.

9. Кузнецов Б. Путешествия через эпохи. Мемуары графа Калиостро и записи его бесед с Аристотелем, Данте, Пушкиным, Эйнштейном и многими другими современниками. – М.: «Молодая гвардия», 1975.

10. Кирсанов В.С., Филонович Р.С. Б.Г. Кузнецов – историк науки, философ, экономист // Вестник РАН №3, 1986, с. 111–113. http://www.ras.ru/publishing/raserald/raserald_articleinfo.aspx?articleid=c5e8d650-0d89-4a44-b3b2-5835ed120c2c

11. Кузнецов Б. Эйнштейн. – М.: Изд-во АН СССР. 1963.

12. Кузнецов Б. Декарт и русская наука // «Правда», №211 от 2 августа 1937 г. <http://www.oldgazette.ru/pravda/02081937/index1.html>

13. Кузнецов Б., Тайц М. Об «организационном капитализме». Харьков: Пролетарий, 1930.

14. Мессерер С. Суламифь. Фрагменты воспоминаний. Олимпия-Пресс. – М.: 2005.

15. Михаил Мессерер: «Людям становится не до шуток» http://www.dp.ru/a/2012/08/20/Mihail_Messerer_Ljudjam_s/

16. Кузнецов Б. Единая высоковольтная сеть СССР в перспективном плане электрификации. – М. – Л., Гос. соц.-эконом. изд-во. 1931.

17. Кузнецов Б. Г. Исторические корни работ Фарадея / История техники. – М.-Л., 1934. – Вып. 2. – С. 22–56.

18. Волков И. К марксистской истории техники. // Под знаменем марксизма. 1935, №3. С. 163–169 http://istmat.info/files/uploads/51898/pod_znamenem_marksizma_1935-3.pdf.

19. Илизаров С. С. Неизвестное о малоизвестном: Т.И. Райнов и В.И. Вернадский // Материалы к биографиям ученых и инженеров. ВИЕТ. 2013. No 4. С. 97–137 http://vietmag.org/wp-content/uploads/97-137_Ilizarov.pdf.

20. Иоффе А. Ф. Альберт Эйнштейн // Успехи физических наук, 1960, Т. 71, 1, с. 3–7; цитируется по http://pskgu.ru/ebooks/ioffe/ioffe_8_04.pdf.

21. Кузнецов Б. Г. Великий инженер (Иван Гаврилович Александров) // Электричество. 1936. №10. С. 15.

22. Илизаров С. С. Кот, который ходит сам по себе // 80 лет Институту истории науки и техники. 1932 – 2012. Под общей ред. В.М. Орла. – М.: Изд-во «РТСофт». 2012, с. 138–141.

23. *Кузнецов Б. Г.* Очерки истории русской науки. – М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1940.
24. *Вернадский В. И.* Дневник 1938 г. http://you1917-91.narod.ru/vernadskiy_dnevnik1938.html.
25. *Кривоносов Ю. И.* Институт истории науки и техники: тридцатые – годовые, роковые... // 80 лет Институту истории науки и техники. 1932 – 2012. Под общей ред. В.М. Орла. – М.: Изд-во «РТСофт». 2012, с. 60–87.
26. Materialy samizdata: Samizdat materials, Issues 22–35. Ohio State University, Center for Slavic and East European Studies, 1987 <https://books.google.com/books?id=643wAAAAMAAJ>.
27. *Музрукова Е. В., Чеснова Л. В.* Советская биология в 30–40-е годы: кризис в условиях тоталитарной системы // Репрессированная наука. Вып. II. Под общей ред. проф. М. Г. Ярошевского. СПб.: «Наука». 1994. <http://www.ihst.ru/projects/sohist/os2.htm>.
28. *Кузнецов Б. Г.* Спиноза [фрагменты рукописи] // Природа, 11, 1985 <http://caute.ru/spinoza/rus/kuzspi.html>.
29. *Кузнецов Б. Г.* Разум и бытие. – М.: Наука, 1972.
Материал любезно предоставлен мне Архивом ИИЕТ РАН.
30. *Кузнецов Б.Г.* Патриотизм русских естествоиспытателей и их вклад в науку: Беседы по истории, отечественного естествознания. – М.: Издание Моск. Об-ва испыт. природы, 1951.
31. *Комаров В. Л.* «О задачах института истории естествознания АН СССР» // Вестник Академии наук СССР. № 1–2.
32. *Кривоносов Ю. И.* Б.Г. Кузнецов – письма вождям. В сб. : Исследования по истории физики и механики, 2004. – М. : Наука : 2005.
33. *Сонин А. С.* Газета «Красный флот» против идеализма в физике // Вестник РАН, 1991, т.61, №1, с.113–122 <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/son91vr.htm>.
34. *Сонин А.С.* Несколько эпизодов борьбы с «космополитизмом» в физике // Вестник РАН, 1991, т.61, №12, с.103–114. <http://ihst.ru/projects/sohist/papers/son91vr3.htm>.
35. *Максимов А. А.* Против реакционного эйнштейнианства в физике // Красный флот. 1952. 14 июня.
36. *Илизаров С. С., Пушкарева Л. И.* Берия и теория относительности <http://www.ihst.ru/projects/sohist/document/letters/fock52.htm>.
37. *Мамчур Е. А.* Еще раз о предмете социальной эпистемологии // Эпистемология и философия науки. 2010. Том XXIV, №2. С. 44–53. <http://www.intelros.ru/pdf/eps/2010/02/04.pdf>.

МОЯ ЖИЗНЬ:
53 ГОДА
В РОССИИ
И УЖЕ 8000 ДНЕЙ
В АМЕРИКЕ

Впервые эта книга была издана в 2014 г.: Докторов Б.З. Моя жизнь: 53 года в России и уже 8000 дней в Америке. М.: ЦСПиМ, 2016. – 91 с. URL: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=456>

Социолог, полстер и историк социологии Б. З. Докторов рассказывает своей коллеге, доктору социологических наук Е. Ю. Рождественской о своей жизни в СССР/России и в Америке, куда он уехал в 1994 г. Жизненная тра-ектория Докторова интересна его переходами из математики в психологию, за-тем – в социологию и историю социологии. Он – один из немногих российских исследователей, анализирующих современные и удаленные во времени социаль-ные процессы. В поле его зрения находятся история послевоенной российской социологии и эволюция методов изучения общественного мнения в США.

Книга адресована социологам, работающим в разных исследовательских направлениях, преподавателям социологии, историкам социологии, аспирантам и студентам, изучающим социологию.

Summary

Boris Z. Doktorov

My Life: 53 Years in Russia and 8000 Days in America So Far

Sociologist, pollster, and historian of sociology Boris Z. Doktorov tells his colleague, Doctor of Sociology Elena Yu. Rozhdestvenskaja about his life in the USSR/Russia and in America, where he moved to in 1994. Doktorov's trajectory of life is interesting because of his transitions from mathematics to psychology, and then to sociology and history of sociology. He is one of the few Russian researchers that analyzes current and past social processes. His studies cover the post-war history of Russian sociology and the evolution of public opinion research methods in the United States.

Содержание

Часть 1. Моя жизнь: 53 года в России	70
Шел в математику, а пришел в социологию	70
Обретение профессии	96
Часть II. Моя жизнь: первые 8000 дней в Америке	115
Освоение Америки. «Гэллапиада»	115
Биографические интервью. История российской социологии.....	126
Список литературы	149

Contents

Part I. My life: 53 years in Russia	7
I went into math and arrived at sociology.....	7
Acquisition of a profession.....	33
Part II. My life: the first 8000 days in America.....	52
My exploration of America. Under the sign of Gallup.....	52
Biographical interview and the history of Russian sociology	63
References.....	86
About the Author.....	90

Я сердечно благодарен доктору социологических наук Елене Рождественской за внимание и терпение, которые она проявила беседуя со мною о прожитом.

Часть 1. Моя жизнь: 53 года в России

Шел в математику, а пришел в социологию

Борис, я знаю, что и до этого интервью ты делился воспоминаниями о своей жизни. Не мог ты рассказать о своем опыте биографического повествования и попытаться сказать, поможет ли он тебе в нашей беседе или, наоборот, осложнит твою участь?

Действительно, такой опыт у меня есть. Сначала расскажу о нем, возможно, сказанное поможет мне понять роль этого опыта в нашем деле. Первое интервью у меня брала Наталия Яковлевна Мазлумянова, это было в 2005 году, тогда я лишь начинал мой историко-биографический проект, и наша с Наташей беседа (тогда мы еще не были знакомы лично) помогла мне понять, что значит рассказывать о себе. Думаю, это уберегло меня от совсем уж грубых ошибок в общении с респондентами. Тогда же я смог понять, кто же я; я назвал себя российским социологом, живущим в Америке [1]. Время показало, что это самая верная самоидентификация.

Через год интервью у меня брал Борис Максимович Фирсов, с ним мы — на тот момент — не просто были знакомы свыше трех десятилетий, но нас связывали самые искренние, дружеские чувства. Многое обо мне он сам мог рассказать, но он нашел ряд новых поворотов в нашей беседе, что помогло нам избежать пересказа первого интервью. Благодаря вопросам Фирсова, я смог четко сформулировать свою позицию в социологии: «Мне наиболее интересны методы познания и сам исследователь...» [2]. Прошло много лет, и сейчас я могу сказать это с еще бОльшим основанием.

Затем, в 2008 году, состоялась обширная «Беседа через Океан» с Владимиром Александровичем Ядовым; он просил меня раскрыть основные черты моего метода интервью и описать первые шаги собственно исторического поиска. Недавно я перечитывал содержание нашего разговора и обнаружил, что многое из обсужденного в нем нашло отражение в моей

последующей работе. Добавлю, в то время, по-видимому, благодаря сотрудничеству с Викторией Семеновой, Ядов осваивал методологию биографического метода, так что и в этом плане наша, беседа оказалась интересной.

Есть еще два обстоятельных биографических эссе. Одно было написано в 2010 году для сборника воспоминаний выпускников математико-механического ф-та ЛГУ, оно называется: «Так случилось или так должно было случиться» [3]. Я попытался проследить, как выпускник этого факультета, никогда не думавший об изучении общества, оказался в социологии и задержался в ней. Другое — «Шесть тысяч дней другой жизни» [4] — о первых 16 годах жизни в Америке. Мое вживание было очень сложным, драматическим, но я постарался честно все описать.

Таким образом, можно сказать, что — к моему удивлению — траектория моей жизни достаточно описана, конечно и здесь я постараюсь указать важнейшее в прошлом, но одновременно мне хотелось бы найти способ соединения в нечто цельное того, что происходило в разные периоды моей жизни.

Так случилось, что уже свыше 30 лет я веду «вахтенный журнал», в нем — главное из моей повседневности. Никаких рефлексий, лишь события. А когда в конце апреля 1994 года мы приехали в Америку, я записал дату и заметил — «Первый день в Америке». С тех пор в вахтенном журнале я пишу дату и номер дня американской жизни. Поэтому иногда я буду отмечать, какие события произошли в тот или иной день моего американского бытия.

В нашей беседе мне хотелось бы увязать хронологическое со, скажем, предметным. Знаешь, Лена, в последние несколько лет я разрабатываю «биографическое» начало в творчестве социологов. Все знают, что творчество поэтов, композиторов, художников — биографично... а как в нашем цехе? У нас тоже биографично, но в чем, как это проявляется? Попробую проверить на себе...

Откуда ты такой, как ты себя сделал, что переживал, кто твои близкие, учителя, книги, какое детство тебе досталось? Расскажи о своих временах и событиях.

Я думаю, что мои родители очень любили друг друга, но были они совсем разными.

Отец — Докторов Зусман Львович (1904—1948) — из небольшого украинско-еврейского местечка — Ромны, допускаю, что из патриархальной еврейской семьи. Его отец работал в лавке, мать воспитывала детей. В моем понимании, мой отец крепко разошелся со своим отцом и в ранней молодости ушел из семьи. Во всяком случае, лишь в конце 60-х я узнал о том, что мой дед жил долго, и в принципе у меня была возможность познакомиться с ним. Отец закончил в Ленинграде Академию художеств, был живописцем; но как и что в его жизни происходило далее, я не знаю; не спрашивал у мамы. Он был членом партии, перед финской войной был редактором Ленинградского отделения издательства «Искусство», у нас дома было много художественных открыток, которые он выпускал. Как политработник он участвовал в финской войне и ВОВ. Недавно в Петербурге вышла

книга о художниках, участвовавших в войне, ее составители нашли меня, и вместе мы сделали небольшой текст о нем. После войны он все время болел, отправили его в санаторий в Майори, под Ригой. Там он умер и похоронен в Риге, в семье не было денег на организацию похорон в Ленинграде. Так получилось, что я рос в среде художников и слышал много добрых слов об отце. А однажды, не помню почему, приехал я в пансионат старых большевиков под Ленинградом, и представили меня — Докторов Борис. Один человек спросил: «Вашего отца звали Зусман?», услышав мое «да», он поклонился мне и сказал, что мой отец в конце 30-х спас его от лагерей. Как такое не запомнить...

По рассказам мамы, отец был человеком суховатым, мало разговорчивым. Мама была совсем другой: открытой, веселой, легкой, абсолютно аполитичной, точнее — внеполитичной. Родом она была из Екатеринослава, но росла в Харькове, который всегда вспоминала с любовью. Ее отец, мой дед, похоже, до революции был бухгалтером, человеком состоятельным, помогал родне. Сочувствовал, как многие еврейские интеллигенты той поры, меньшевикам. Революция все изменило в той семье, можно понять, что дед недолго был в заключении, а потом продолжал работать в разных мелких конторах. Каким-то образом он смог найти нас в Новосибирске, где мы были в эвакуации, и после смерти отца мы жили одной семьей. Мама — Пушкинская Александра Сауловна (1907—1967) кончала школу в годы, когда система образования постоянно менялась, и потом она всегда с юмором вспоминала то время. Не знаю, почему, но она приехала в Ленинград и закончила то, что теперь называется Университетом культуры. Преподаватели там были первоклассные, к примеру: Юрий Тынянов, Иван Иванович Соллертинский. Встретилась с моим будущим отцом и зажили они весело и беззаботно. Как тогда было модно, брак зарегистрировали лишь перед рождением детей.

Мы с сестрой — Ольгой — родились 6 июня 1941 года, за несколько дней до войны. Отца сразу призвали, но он — все же номенклатура — как-то устроил, что одним из последних поездов мы уехали из города. Мама легко относилась к жизни, собрала старую одежду и хотела с этим багажом ехать, думала — ненадолго. Но одна мудрая женщина притормозила это решение, заставила все вынуть из чемоданов и положить лучшее. В Новосибирске мама ходила по окрестным деревням и продавала вещи. Так и жили... так жили многие, кому было что продавать.

Именно 9 мая 1945 г. вы вернулись в Ленинград, отец к тому времени получил две, по тем временам, отличные комнаты в отремонтированной после бомбежки коммунальной квартире в чудесном уголке города. Недалеко от Таврического сада, Смольного, Невы; чудо, но наш огромный дореволюционный дом растянут вдоль улицы, всегда сохранявшей свое имя, — Мариинский проезд. Это все определило навсегда мою любовь к истории и культуре города. Тогда еще с улицы можно было услышать: «точу ножи, ножницы», из-за Невы, с Охты приезжала молочница и ходила по лестницам с бидоном молока, банками сметаны и творогом. Когда приходила мамина еще довоенная приятельница Соня Юнович (известная

театральная художница Софья Марковна Юнович), мама посылала меня в магазин и просила купить у «тети Тамары» четвертинку водки; тетя Тамара продавала, но всегда предупреждала: «Я у мамы узнаю». А если я поздно возвращался домой (уже в студенческую пору), надо было пойти к дворничихе и просить ее открыть парадную дверь.

Еще до войны мама начала работать в библиотеке Академии Художеств; огромное хранилище книг по искусству «всех времен и народов». Она знала прекрасно и любила свое дело. Но в начале 1950-х, в годы борьбы с «безродными космополитами», ее уволили; уволили и все, никто тогда ничего не объяснял. И осталась она одна без работы и с двумя детьми. Помыкалась, но друзья отца ее не бросили, она начала работать в уникальной Театральной библиотеке, которая располагалась в центре города, за ныне Александринским театром. Мама была единственным работником отдела, в котором хранились книги по искусству; главными ее читателями были театральные и кино- художники, режиссеры. Не начну перечислять тех, кто к ней постоянно приходил и о ком она нам дома рассказывала. Но все же: великий актер Николай Симонов, театральные художники Симон Вирсаладзе, молодые художники: Эдуард Кочергин (БДТ), Исаак Каплан и Белла Маневич («Дама с собачкой», «Дорогой мой человек», «Дело Румянцева», «Шинель»), молодой Георгий Товстоногов... Обстановка в этом помещении была супердемократичной: вдоль стен — стеллажи с часто востребуемыми иллюстративными журналами, а в центре — большой квадратный стол, за которым одновременно сидели и мэтры, и будущие мэтры. Конечно, велась общая беседа. Я часто слушал все это, мое присутствие не мешало этим раскованным людям, а мне было полезно.

Одним из явных «плюсов» нашей с сестрой жизни была возможность частого посещения драматических театров. Балет мне не нравился, а опера — вообще отсутствовала в моем театральном мире. Разве мог я предположить, что через много лет стану социологом (такого слова никто не знал) и в течение десятилетия с группой «Социология и театр» буду изучать драматический театр Ленинграда?

В 1948 году умер отец, и мама не отдала нас в школу, надо было разобраться с тем, как жить дальше. Так что в школу я пошел в 8 лет, однако я не был там единственным «переростком». Война все смешала, школа была мужской, отношения между ребятами — дружественными, но без сюсюканий. Со мною учились ребята, пережившие блокаду, бывшие в оккупации, многие жили в детских домах, были контуженные, инвалиды. В дверях стоял швейцар, очень расшалившись он растаскивал, часто выводил из школы. Никакой школьной формы не существовало, ходили в том, что у кого было, и никто на одежду не обращал внимания.

Но с шестого класса обучение мальчиков и девочек стало совместным, меня перевели в бывшую женскую школу, и до окончания школы я учился в одном классе с сестрой. Бывало, учительница откроет журнал и этак с отяжечкой начинает говорить: «К доске пойдет Д-о-к-т-о-р-о-в...-а». В моей душе: «Пронесло!», у сестры: «Опять ему повезло». Или наоборот...

Учился я ровно, как правило, «на пятерки». Но школа не была для меня больше, чем место обучения, вступив в комсомол, я был достаточно активен, избирался, но не видел в этом большой радости и не испытывал гордости. В старших классах я часто вынужден был пропускать занятия из-за болезни матери. Домашние уроки я делал, и сестра относила сделанное в школу. Безусловно, маме было приятно, что на родительских собраниях ее детей не ругали, но все же не скажу, что она «управляла» процессом нашего обучения. Точнее сказать, она верила нам.

Не помню я и никаких бесед дома о политике. Запомнились лишь вечера, когда в преддверии очередного снижения цен, которые проводились Сталиным, начиная с 1949 года, мы сидели и записывали, что и насколько подешевеет, и прикидывали, что можно будет купить. И помню, как ночью мама разбудила нас и в слезах повторяла: «Сталин умер... как же жить будем». Я по этому поводу ничего думать не мог, мне еще не исполнилось 12 лет; но саму ту ночь и пионерскую «линейку» в школе помню...

Интересы сестры довольно рано определились: искусство, история искусства. Книги были дома, были в Театральной библиотеке. На всяких математиках-физиках-химиях «она поставила крест», свои тройки-четверки имела, по русскому и истории — всегда отлично. Я ходил в лучших учениках класса, но стабильные четверки по русскому и химии не позволяли мне надеяться на медаль, школа меня не «тянула», мама — «не пилила», я — не стремился. Помимо школы был спорт; спортивная школа находилась во дворе; сменил многие секции: бег, бокс, баскетбол. Кто-то рассказал мне о гантелях, купил, «качался», тогда и этого слова не было, и тяги к этому не было. Но мне нравилось.

В принципе, то была обычная районная школа, профессиональные учителя, но не более. Класс сложился очень дружным, оставшиеся в живых до сих собираются. Жива наша классная руководительница — Екатерина Петровна Афанасьева, она приходит на эти посиделки. А я стараюсь звонить ей домой, или туда, где народ собрался. Классная руководительница как-то рассказала мне историю, которую я, естественно, не помнил. Поехали мы зимой классом в Центральный парк культуры и отдыха, а там — «американские горки». По современным понятиям — очень так-себе, но тогда это было «круто». Забралась она наверх, а страшно садиться в сани. Я и говорю: «Екатерина Петровна, садитесь за мной, держитесь за меня и ничего не бойтесь!». Казалось бы, пустяк, а она всю жизнь помнит...

Был еще один важный момент детства: летние и зимние каникулы; здесь есть две темы. Первая: лагерь Союза художников. Отца помнили, и мы с сестрой имели право отдыхать там летом и зимой бесплатно. Было это в Комарово («На недельку до второго...»), прекрасное место на Финском заливе, с добротной кормежкой. Отдыхали вместе с нами из года в год в основном одни и те же ребята, так что не надо был каждый раз знакомиться, притираться. Да и родители детей (в основном — вдовы художников) в целом знали друг друга. Обстановка в этом лагере была семейная. Моими добрыми друзьями были Саша Прошкин (теперь — известный кинорежиссер Александр Прошкин) и Свет (Светозар) Остров — ставший одним

из признанных российских иллюстраторов детских книг. Помню Аркашу (Аркадия) Натаревича – он сделал много для развития в Петербурге, стране искусства цветных витражей. Там многие ребята учились в СХШ (средней художественной, в фольклоре – хулиганской, школе) при Академии художеств и стали заметными специалистами. Это, естественно, не означает, что мы были примерными пионерами, но все же откровенного хулиганства за нами не водилось, да и нередко наши разговоры были «за искусство».

И вторая составляющая моего летнего времени. По-видимому в 1949 или 1950 году, когда мы уже не ходили в детский сад и не выезжали с ним летом на дачу, одна знакомая посоветовала маме поехать с нами в деревню Новинка; и ездил я в эту деревню все годы обучения в школе. Она стала мне родным домом; поскольку хозяйку звали Федосья Макарова, то для многих я был Борькой Макаровым. Безусловно, я знал всех, и меня знали все. Я умел делать все, лишь не косил; хозяйка боялась, что останусь «без ног». Довольно быстро научился ориентироваться в лесу и уходил надолго один. Поначалу мама боялась меня отпускать, говорила, что там никого нет. Ей Федосья популярно объяснила, что это хорошо, когда никого нет, хуже когда есть. На практике изучил некоторые механизмы советской экономической системы. Магазины были на станции, в четырех километрах. Когда я немного окреп, мне пошили заплечный мешок, и я с ним стал ходить за хлебом, сахаром и другими продуктами в станционные магазины. Очереди за хлебом были многочасовые. Окрепнув физически, я уже приходил на станцию к поезду, которым привозили хлеб; клали мне на спину мешок с крупой или ставили на плечо ящик хлеба, и я тащил все это в магазин; не очень далеко, но все же... приносил, шел снова и снова, пока несколько баб помоложе и я (мужиков там не было) не перемещали все от поезда до магазина. В награду – я все покупал без очереди, плюс – краткосрочный почет и уважение.

В деревне я узнал все церковные праздники: Петр и Павел, Казанская Божья мать, Ильин день и другие. Понял их смысл. Церкви в деревне не было, но праздники чтили.

Мы и сами были бедными, но деревенская бедность была запредельной, нищета. И люди – без паспортов. Мечта парней – армия и город или ремесленное училище, армия и город. Все мужики, а было-то их раз-два и обчелся, после работы поддатые, не совсем бухие, но мало что понимающие. А как не пить? Денег у народа нет... тракторист дрова привезет из лесу, участок вспашет, какой-либо мужик крышу залатает, забор поднимет, печку сложит... чем платить? Брагой и обедом... кто заранее готовился, бутылку «белого» (водки) хранил.. это был царский подарок...

Но Новинка не только помогла мне освоить целый пласт советской жизни и увидеть то, что я потом читал в книгах Виктора Астафьева, Василия Белова, Валентина Распутина и других «деревенщиков». В начале 1950-х я обнаружил, возможно, она была и раньше, на станции небольшую библиотеку. Были там учебники, разные книги для механизаторов, детские книги и – непонятно, каким образом залетевшее туда – собрание сочинений Бальзака. И я начал читать том за томом... думал, просто интересно,

а оказалось, что много больше. Уже недавно, размышляя о том, какие писатели оказали на меня наиболее сильное влияние, я выделил и Бальзака. Мне сложно сказать, как все прочитанное у Бальзака за последующие годы преломилось, какими ассоциациями обросло, но мне представляется, что мой человекоцентричный подход к истории социологии отчасти навеян «Человеческой комедией» Бальзака. В его романах герои появляются, иногда совсем ненадолго, исчезают, а потом появляются вновь и становятся заметными фигурами повествования. Так и в моем историческом поиске — я имею в виду сейчас работу по истории изучения общественного мнения в США. Ведь все начиналось с изучения биографии одного человека — Джорджа Гэллапа — и постепенно я встречал разные фамилии, которые поначалу мне ничего не говорили, но через какое-то время люди с этими фамилиями становились героями моих историко-социологических статей. Так складывались книги, в которых действует множество бизнесменов, копирайтеров, исследователей рынка и полстеров, а в итоге — просматривается, как из «ничего» возникла философия и технология изучения общественного мнения. И все это — через биографии. Если добавить, что первыми самостоятельно прочитанными словами были два слова на обложке книги, которую держал в руках мой отец, — «Оноре Бальзак», то выстраивается нечто очень биографичное, даже несколько мифическое.

Действительно, цепь неслучайных случайностей. Тебе не кажется, Борис, что наверняка в сельской библиотеке были и другие достойные книги, но глаз выхватил те, что ассоциативно связаны с отцом, ушедшим так рано. Это похоже на диалог с ним? Попытку узнать его через книги? Ты что-то можешь рассказать о военном периоде жизни отца, может быть, по воспоминаниям матери? Драматичная и его смерть вдали от дома. Как вы проживали-переживали свою «безотцовщину»? Может быть, кто-то из мужчин родственного круга заместил отца?

Вопрос — очень теплый, неожиданный, спасибо, Лена. Он — неожиданный прежде всего потому, что я в этой плоскости не рассуждал ни тогда, ни уже во взрослые годы. По-видимому, так было в силу двух причин. Первая, вообще мало у кого были отцы, среди большого количества моих друзей и подруг считанное число имели отцов. У большинства — не вернулись с фронта, в отдельных случаях вернулись с фронта, но ушли в другие семьи, где были — нередко крепко пили. Вторая причина, за то время, пока мой отец был жив, я — скорее всего — не успел привыкнуть к нему. Если он работал, то возвращался домой поздно. Но последнюю пару лет он тяжело болел сердцем, я помню запах лекарств, кислородные подушки.

Насколько я понимаю сейчас, мама его всегда помнила...

Я не знаю, где и в каком статусе он служил в годы ВОВ. В период «малой», или «зимней», войны, я имею в виду Финскую кампанию он, скорее всего, служил во фронтовой газете. У нас дома хранились выпуски фронтовых изданий, в которых рождался Вася Теркин. Тогда о нем писал не только Твардовский. Во время ВОВ, могу допустить, что отец был отозван в Ленинград сразу после снятия блокады. Во всяком случае, уже, наверное, в 1947 году под его редакцией вышла уникальная книга о летчиках

ленинградского фронта, большого размера, с большим числом фотографий и рисунков, в специальной коробке. Когда редакторы выше названной книги о художниках города в годы войны работали над ней, я описал книгу, и они ее нашли в Российской национальной библиотеке. Тираж книги был, по-моему, 100 экз. За эту работу, невиданное дело, отец был награжден боевым Орденом Красной Звезды. И помню, как однажды вечером к нам пришли двое военных и вручили отцу этот орден.

Поскольку я не ощущал «безотцовщины» как утраты, потери, постольку у меня не было потребности в диалоге с ним. Возможно, я взялся за Бальзака лишь потому, что с детства знал это имя. А может и просто «игра случая».

Никто из мужчин родственного круга не заменял отца. После войны контуженным в звании сержанта вернулся с фронта родной брат матери; пожил он у нас пару месяцев и пропал на несколько лет. Я уже классе в пятом-шестом учился, когда он вдруг появился, у него была семья, но пил он, как и большинство фронтовиков. Надо отдать должное, родной брат отца Докторов Израиль Львович (1902 – 1983) регулярно переводил из Москвы небольшие деньги, они нам очень были нужны. О влиянии родных матери я специально расскажу ниже; оно оказалось глубоким и ощущается и по сей день...

Борис, поскольку вначале ты описал несколько вариантов твоего личного интервью с разными важными для тебя персонажами, возникает большой соблазн увязывать эти линии рассказа, но это другие тексты. И для глаза собирательного читателя – разрозненные. Поэтому давай все же ухватимся за нить Ариадны и будем следовать ожидаемому для читателя способу рассказывания – последовательному повествованию. А затем попытаемся связать нити воедино, насколько возможно. В нашем с тобой пространстве разговора уже наметился очень интересный лейтмотив «Человеческой комедии», памятуя о любимом твоём Бальзаке. Ты легко оперируешь большим количеством вовлекаемых в рассказ людей и связей между ними.

И мой следующий вопрос – о твоих школьных дружбах, твоих друзьях –конфидентах, твоих недругах и ссорах, если были, каков был предмет твоих приязней и неприязней. Кто из учителей тебе запомнился, а кто оставил след жизненными уроками?

Пожалуй, весь школьный период жизни прошел очень ровно, это касается всего: отношения к предметам, учителям, ситуациям, товарищам по классу. Не было любимых и нелюбимых предметов, никого не считал Учителем, не ссорился до драк, но и ко мне не было претензий. У преподавателей, скорее всего, потому что по всем предметам я успешно учился, однако никто из них не был «мой». С товарищами, отчасти из-за несклочного характера, отчасти – по причине хорошего физического развития, это в ребячьей среде весьма ценится. Помню, лишь раз сорвался, в классе 7–8-м; но первым ударом выбил товарищу зуб, так что на следующей перемене снова был мир-дружба.

Меня не оставляет мысль о женской судьбе твоей матери? была ли возможность для нее устроить свою жизнь? Как ты к этому относился?

Такой темы в нашей семье не было, мама умерла, когда мне было 25, так что с ней я эту тему не успел обсудить. Уже взрослым я размышлял о ее женской судьбе, конечно, очень трудная, но, с другой стороны, война лишила миллионы женщин личной жизни. Во-первых, думаю, она любила отца, и в первые годы после его смерти, тем более — с двумя детьми, одно время — без работы и не думала о мужчинах, замужестве. Еще один фактор — она нас поздно родила, в 34 года, когда скончался отец, ей было чуть за сорок. Это в наше время городская интеллигентная женщина в 40–45–50 сохраняет свою привлекательность и строит свою личную жизнь. Но в острое послевоенное время больше думали о том, как дожить до зарплаты, во что одеть детей, как купить и привезти на зиму дрова, у нас долго было печное отопление и не было газа. И, конечно, она любила нас. Я не знаю, знала ли об этом сестра, ее не стало два года назад, но одна родственная и очень близкая нам семья хотела ее удочерить. Мама не согласилась...

В какой момент к тебе пришло осознание своей этничности? Это было семейной культурой? тебе об этом напомнили? Какие истории у тебя связаны в юности с этим сюжетом? Как бы ты описал идентичность советских евреев в те времена? Какую роль сыграло в этом процессе построения себя знакомство с Холокостом и репрессиями у нас в стране? Какие траектории друзей-знакомых-родственников описывались в семье и с каким смыслом?

Лена, думаю, что ты с трудом поверишь, однако именно так было... не помню года, но — конец 1980-х, я жил и работал в Ленинграде и одновременно работал в только что созданном ВЦИОМе. Как-то рассматривал в секторе Юрия Александровича Левады какие-то новые книги, и увидел на обложке одной из них слово Холокост (не помню, по-русски или по-английски). Я попросил Леваду объяснить смысл этого слова... конечно, я с ранней молодости знал о задумке Сталина загнать евреев «подальше», об убийстве Михоэлса и о многом другом, о Бабьем Яре и Освенциме, но слово «Холокост» не было мне знакомо. Почему так вышло? Явно не оттого, что у меня были закрыты глаза на элементы государственного или бытового антисемитизма. Но, по-видимому, в системе моих ценностей вопрос этничности никогда не стоял в верхних этажах моей ценностной пирамиды.

Почему это так произошло? Ответ прост: тип домашнего воспитания, мама фактически не обсуждала еврейской темы с нами. Во-первых, по-моему, она не представляла для нее особого интереса. Во-вторых, не исключая, она берегла нас от многого, чтобы мы по детской наивности не очень болтали. В нашей семье не отмечались никакие еврейские праздники, иногда лишь мама готовила фаршированную рыбу и пекла по еврейским рецептам печенье. Не из религиозных соображений, но поскольку это вкусно. Мой дедушка похоронен на русском кладбище, и когда мы навещали его могилу, мама заходила в церковь, ставила свечку и нередко

крестилась. Мы повзрослели, и наша семья стала наполовину русской; я имею ввиду мою жену и мужа сестры. И мама это приняла без каких-либо вопросов.

Лена, ты спрашиваешь об описании траекторий жизни друзей-знакомых-родственников. Сегодня мне кажется, что мама вычеркнула из своей жизни многое, как российские эмигранты, приехавшие в Америку в очень взрослом, пожилом возрасте. Не забыли, но отправили в самые глубины сознания: «только для себя». Кто этого не смог или не захотел сделать, тот мучается прошлым ежедневно, все время вспоминает «то время». Она говорила, что в предвоенные годы дома отец всегда держал близко чемоданчик с вещами первой необходимости, ведь в их социальной страте подчищали подчистую. Пронесло. Многие попали под каток борьбы с космополитизмом, маму он лишь краем задел. Горько было все это помнить, вспоминать, рассказывать нам.

Первая послевоенная волна еврейской эмиграции никак нас задела; уезжали «цеховики», «торговля», «ремесленники». Мы были далеки от этих страт.

Вопрос, наверное, самый важный, – самоопределения, образа профессии, баланса иллюзий и возможностей. Кто, помимо тебя, участвовал в этом процессе? Какое поле ситуаций и случайностей окружало решение о том, что делать после школы? Ты рассказал о разговорах в библиотеке, когда ты присутствовал в кругу весьма именитых и умных людей из мира театра. Вероятно, были и другие...

Те умные разговоры были для души, для общего развития, самоопределение же строилось иначе... и самое главное оно оказало влияние не на выбор профессии, а на очерчивание всего исследовательского пространства. Постараюсь это расписать.

Если коротко, то – поступил я в Ленинградский государственный университет и последующие восемь с половиной лет учился там, сначала был студентом, затем – аспирантом. Но и сейчас для меня остается не до конца понятным, почему я решил поступать на математико-механический факультет. Сестра двигалась в естественном для моей семьи движении – она поступила на вечернее отделение искусствоведческого факультета Академии художеств и училась там с интересом.

Одно время я думал, что выбор математики в качестве профессии стал продолжением интереса к решению и составлению разного рода головоломок, публиковавшихся в пионерских газетах. Но сейчас мне представляется, что мотивация и сам выбор имели иную природу. Допускаю, что послевоенный двор, очень интересный элемент культуры, и занятия спортом формировали во мне определенные маскулинные установки, и я считал историю, литературу, изучение языков, искусство и биологию областями женской деятельности. Книги по философии мне не попадались, да что-то я и не помню, чтобы когда-либо задумывался об устройстве мира и общества. Оказалось так, что два моих школьных приятеля решили поступать в университет, один – на физический, другой – на химический факультеты. Физику я чувствовал хуже, чем мой друг, химию я просто не

любил, оставалась математика. Сейчас я знаю, что даже в те годы во Дворце пионеров, в Домах пионеров были математические кружки с очень сильными преподавателями, но тогда я об этом не знал. Интерес к математике у меня несколько окреп, когда я, прочитав ряд популярных книг, связал именно с математикой развитие кибернетики, теорию автоматов. Решил, поступлю на матмех и стану заниматься кибернетикой.

Конечно, это все схематичное восстановление хода моих рассуждений, но — думаю — нечто подобное и было. Оказалось, что соседка по лестнице училась на этом факультете, избрав в качестве специализации одно из направлений механики, после двух-трех бесед с ней я «понял», что и меня увлекает механика. Я уже не помню, как я обосновал для мамы мое желание поступать на матмех, скорее всего, она просто сказала, раз хочешь, то поступай. Она в этих материях знала не больше меня.

Теперь дело оставалось за малым: подготовиться к вступительным экзаменам; выпускные в школе меня не волновали. Та же соседка порекомендовала мне известный задачник П.С. Моденова, возможно, она же и дала мне его. И я принялся решать, все было «задвинуто», помощи ждать было неоткуда. Я сразу понял, что мало знаю и привык копать с задачами, пока не найду решение. Постепенно открывались различные приемы, накапливался опыт. Кончилось все тем, что я с первого захода поступил на матмех.

Но еще в ходе выпускных экзаменов в школе в моей жизни произошло то, что во многом определило все последующее развитие моих научных интересов. Стояли жаркие дни, и я часто брал учебники и ехал купаться. Дорога на трамвае занимала около часа в одну сторону, так что можно было многое прочесть. Чтобы как-то прожить, мама сдавала одну из наших комнат студенткам, и в то время к одной из них приехал из Москвы ее друг, будущий муж, его звали Евгений Гамалей. Он только-только закончил физический факультет МГУ, делать ему было нечего, и он согласился поехать со мной купаться. Конечно, для школьника, завершающего 10-й класс и задумавшего стать математиком, человек, закончивший физический факультет МГУ, был суперавторитетен. Наверное, я рассказал ему о своих планах, наверное расспрашивал его о чем-то. Но разговор как-то развернулся и Женя рассказал мне о двух книгах, причем все так изложил, что я, скорее всего, мало поняв, заинтересовался рассказанным. Одна из этих книг называется «Что такое жизнь с точки зрения физики», ее автор — Нобелевский лауреат Эрвин Шредингер. Название второй книги — «Эварист Галуа. Избранник богов». Она была написана физиком Леопольдом Инфельдом в конце 1930-х работавшим в Принстоне у Альберта Эйнштейна.

Поступив в университет, я нашел эти книги и начал их читать. Этот процесс занял несколько лет, ибо они были очень непростыми. «Что такое жизнь...» — физико-математическое введение в генетику, так что понимание книги требовало знакомства с основами молекулярной физики и математической статистики. Вторая книга — рассказ о гениальном французском математике Эваристе Галуа, застреленном на дуэли в 20 лет.

В нескольких работах ему удалось решить ряд крупных проблем и заложить основы «теории групп» — одного из фундаментов современной алгебры. К тому же, это эффективный метод ядерной физики. Конечно, для Евгения было естественным все это рассказать мне, но что меня в этом заинтересовало? Скорее всего, тот факт, что математика — это не просто задачки, которые мы решали на уроках, а наука, позволяющая понять законы мира.

Работа Шредингера познакомила меня с генетикой, которая после 1948 года и до середины 1960-х годов была запрещенной в СССР наукой. Позже я стал систематически изучать некоторые разделы биологии, что в конечном счете привело меня к математической статистике и от нее — к социологии. Кроме того, Шредингер ввел меня в позитивистскую философию науки, что через десять лет дало мне возможность критического изучения работ отечественных социальных философов.

И до чтения книги об Эваристе Галуа я был знаком с историко-биографической литературой, прежде всего, — через серию «Жизнь замечательных людей», но история, рассказанная Инфельдом, по-настоящему открыла для меня этот жанр.

Сейчас я вижу прямую связь того, чем я занимаюсь последние полтора десятилетия, с первыми научными книгами, о которых я узнал во время той трамвайной поездки. Это обнаруживается не только в историко-биографической направленности моих исследований, но в природе моего научного анализа. Напомню, та поездка на трамвае состоялась летом 1959 года, знакомство, проникновение в названные книги продолжалось года три. Пропущу полувековой интервал моей жизни (Лена, думаю, что отвечая на твои вопросы, я расскажу, что же тогда происходило) и обращусь к одному из вопросов В. А. Ядова, который он задал мне в ходе нашей «Беседы через Океан»: «...я обратил внимание на то, что ты часто употребляешь безличные глаголы («было выявлено» и т. п.). У Майкла Малкея я вычитал такое наблюдение: естествоиспытатели прибегают к безличным оборотам, сознательно или бессознательно повествуя “от имени самой природы”, тайны которой им удалось выявить. Одновременно замечу, что ты часто пишешь “моей”, “мною”. Не свидетельствует ли это об отношении к работе как истинно научному поиску?» Опуская пересказ довольно долгого описания того, как я шел к своему историческому исследованию, я приведу лишь вывод: «Я не очень задумывался о том, относится ли то, что я делаю к science или не science, но полагаю, что в моем историческом исследовании присутствует множество элементов science».

А теперь я сам задаюсь вопросом, а могу ли иначе вести исторический поиск? Ведь до того, как я включился в теоретико-эмпирические социологические исследования, читал «Человека и его работу», «Мир мнений и мнения о мире», осваивал методологию марксистско-ленинского анализа общественных явлений, я десять лет имел дело со сложнейшими математическими теориями, с пионерными работами по генетике, разби-

рался в философии Лакатоса и Пойи, задумывался о проблемах истории физики от Ньютона до рождения теории относительности и квантовой механики. На все это меня настроил Шредингер.

К сожалению, других бесед с Гамалеем у меня не было, не было и переписки. Как физик-ядерщик он после окончания МГУ был распределен в один из закрытых городков, по-моему, под Челябинском, и связь с ним стала невозможной.

Как проходили твои студенческие годы? Можно предположить, что обучение на матмехе было сложным, но интересным... Какие еще эпохальные для твоего развития встречи, как например, с Гамалеем, или другие события вызвали тогда работу ума и сердца?

Безусловно, этот или подобный вопрос закономерен, и «эпохальная» встреча состоялась. Но, поскольку читателями нашей беседы будут наши коллеги, постольку воздержусь от перечисления предметов, которые я изучал, их название мало что дает «непосвященному». Поначалу учиться мне было трудно, университетская математика фактически не продолжала школьную, иной язык, иной уровень абстракции, иная категория сложности. Но, скорее всего, я не был одинок. Все «пахали» с утра до вечера, и с уверенностью можно сказать, что успешно закончивший курс матмеха работать умеет. По прошествии многих лет, накопив собственный опыт преподавания, могу утверждать, что отличительной чертой процесса нашей подготовки было сочетание коллективного и индивидуального обучения. У нас были обязательные общие лекции, на которых присутствовал весь курс (по-моему, около 300 человек), и групповые занятия (от 7–10 до 20–25 человек). Но уже с первого курса каждый мог (если хотел) посещать после занятий специальные семинары, в работе которых участвовали преподаватели, аспиранты и студенты всех курсов. Участников объединяло лишь желание узнать новое в данном направлении математики и рассказать свои новые результаты. Именно здесь завязывались профессиональные и дружеские контакты студентов, аспирантов и профессоров; часто — на всю жизнь.

После первых двух трудных лет учиться мне стало много легче. Сессии я, как правило, сдавал на отлично и стремился сдавать досрочно; у меня было свободное расписание. Это приветствовалось профессорами, указывало на то, что студенты умеют работать самостоятельно. Хотя я учился в математической группе, я думал о переходе на третьем курсе на отделение механики, намереваясь подойти ближе к кибернетике. Замечу, что в данном случае «механика» — это не инженерная дисциплина, а сугубо математическая; к примеру, гидромеханика — это наука о поведении жидкостей в разных средах, аэродинамика изучает, какие силы действуют на тело в атмосфере разных газов.

Возможно, что иногда я позволял себе быть «слишком свободным». Помню забавный случай. Уже став студентом, я продолжал слушать лекции по кибернетике в Центральном лектории города. Познакомился с одним

парнем примерно моих лет, тоже Борисом. Через некоторое время в разговоре с ним выяснилось, что он ведет занятия по программированию в моей группе; я этого не знал.

Но продвижение (как я думал) к кибернетике проходило в какой-то очень широкой области, которую я сам для себя интуитивно определял. Посещал семинар по «теории автоматов» — это математическое описание сложных систем с заложенной в них программой. И на втором или третьем курсе, узнав о том, что доцент Веккер читает по вечерам на философском факультете курс «Человек и машина» (примерное название), я начал его слушать. Я не мог тогда знать, что Лев Маркович Веккер, вернувшийся из «ссылки» в Вильнюс, в будущем профессор ЛГУ и Вашингтонского университета Джорджа Мейсона, будет признан одним из создателей современной теории психических процессов. Не думал я тогда, что то был мой первый небольшой шаг в сторону психологии, а затем — социологии.

Не мог я проскочить мимо академического журнала «Проблемы кибернетики» и, скорее всего, в нем я познакомился с трудами по биомеханике тогда опального Николая Александровича Бернштейна, выдающегося физиолога, психолога, создателя биомеханики. Это была, во всяком случае я так понимал, кибернетическая модель поведения человека. На меня все прочитанное произвело настолько сильное впечатление, что я по собственной инициативе (наверное, я тогда учился на третьем курсе) написал свою первую «научную» статью и отдал ее в матмеховскую стенную газету. Моя заметка приглянулась недавнему выпускнику факультета Олегу Михайловичу Калинин, пригласившему меня поговорить. Кто знал, что та встреча — смотря в прошлое — станет одной из важнейших в моей профессиональной жизни? Тем более, что поначалу я подумал, что передо мной старшекурсник, и по привычке сразу начал «тыкать».

Мне в жизни крепко повезло на знакомства с интересными, самобытными людьми, но началось все с Калинина; он был нестандартен во взглядах на роль математики в познании мира и стремился к синтезу многих собственно математических построений, законов физики и открытий в различных разделах биологии и медицины. Я продолжал учиться на отделении механики, но все более погружался в биометрику.

Формально мы никак не были связаны с Калининым, меня интересовала теория движения волчка, классическое и одновременно активно развивавшееся направление математического анализа, и потому даже курсовые работы я не мог делать под его руководством. Он давал мне читать различные статьи, объяснял законы динамики биологических популяций. Потом к нам присоединилось еще несколько человек, и постепенно возник «Биометрический семинар», находившийся вне сетки факультетского расписания. Мы собирались несколько раз в неделю и говорили до ночи. Так постепенно формировался круг моих интересов — математические методы биологии. Прежде всего, приемы измерения корреляции, работы Роланда Фишера и Карла Пирсона. Во второй половине 1960-х, уже после окончания матмеха, я стал отходить от семинара, но многое в моем понимании науки, философии науки сформировалось

именно там. Биометрический семинар не был «междусобойчиком», на нем выступали выдающиеся ученые Александр Александрович Любищев, Раиса Львовна Берг, Лев Николаевич Гумилев и другие. Здесь ведь так, если ты многого не понимаешь, даже слов не знаешь, то записывай, потом додумывай. Семинар многому учил.

В 2013 году я представлял результаты своих исследований в Европейском Университете в Санкт-Петербурге, и неожиданно для меня туда пришел Калинин. Мы не виделись более четверти века, но взаимопонимание сохранилось. В своем отношении к научной работе я остался его учеником. И я часто вспоминаю Олега совсем по иному поводу; когда мы познакомились, он жил на одной лестнице с Иосифом Бродским, которого мы не знали и стихов которого в ту пору не читали. Но сейчас, перечитывая Бродского, творчество которого мне очень близко, — одно поколение, память об одном городе, — я нередко возвращаюсь на ту лестницу, особенно, пролистывая «Полторы комнаты».

Забавно, мы семинарили в полуразрушенном здании Меншиковского дворца, где в ряде помещений размещались лаборатории Вычислительного центра ЛГУ. А значительно позже я узнал, что в те же годы в том же здании находилась первая в СССР социологическая лаборатория, созданная В. А. Ядовым и А. Г. Здравомысловым. Наши дороги пересеклись несколько позже, но именно благодаря матмеху.

Скорее всего, в 1963 году на семинар зашел молодой, но уже опытный психолог, доцент Иосиф Маркович Палей; его интересовал новый в то время для советских психологов математический метод — многомерный факторный анализ. Зная о моем легком интересе к психологии, все же прослушал лекции Веккера (позже я узнал, что он учился на физическом факультете и закончил философский), Калинин предложил мне помочь Палею. От биологии и медицины я «соскользнул» в психологию. Я немного овладел широко использовавшимся тогда языком АЛГОЛ-60, написал программы для обработки информации и, следуя логике биометрического семинара, начал с Палеем обсуждать результаты расчетов. Тогда я понял, что математика действительно позволяет увидеть и измерить то, о чем без нее можно лишь догадываться или что вообще скрыто от аналитика. К тому времени я уже многое читал и знал об эвристической силе математических моделей, но здесь я впервые убедился в этом на «своем материале».

Учились мы пять с половиной лет, «половинку» нам добавили, когда я был уже студентом пятого курса; нам дали дополнительные лекции по расчету траекторий баллистических ракет и, чрезвычайно заинтересовавший, меня курс истории механики.

По окончанию университета я получил специальность «механика», но мое дипломное исследование было выполнено по кафедре теории вероятности и математической статистике. Я занимался одним из статистических методов распознавания образов — дискриминантным анализом, и областью применения моих моделей была классическая задача био-

логии – определение различий двух близких видов насекомых. Это были блошки, которые изучал А. А. Любищев –биолог, философ, антидарвинист, один из ярких критиков лысенковщины.

Окончание обучения (лето, 1965 г.) никаких особых изменений в мой образ жизни не внесло. Я продолжал учиться в аспирантуре.

Складывается ощущение, что ты строил свое обучение, принимая во внимание свои полуосознанные интересы. Но, наверное, твоя активность находила выход и в других сферах жизни?

Наверное, это так; тогда матмех представлял широкие возможности для того, чтобы в рамках обязательного все же у человека была возможность собственных поисков. Безусловно, по молодости и в силу отсутствия рядом «гуру» я мог руководствоваться лишь полуосознанными интересами. Одновременно я проявлял и достаточно высокую, тогда говорили, общественную активность, но при этом уклонялся от выборных позиций. Было ли в этом нечто осознанное, не помню, скорее, я стремился к экономному использованию своего времени и своих сил.

Летом студенты выезжали на различные работы, конечно, и я ездил. После второго курса работал на стройке на прядильно-ниточном комбинате им. Кирова, станочником на небольшом заводе на Охте, грузчиком на жиромаслокомбинате на Обводном канале. Постепенно осваивались многие стороны жизни.

Скорее всего, весной 1962 года я заглянул без какой-либо особой цели в комитет комсомола, и там одна моя знакомая, несколькими курсами старше меня, заметив меня, сходу сказала: «Ну, ты-то точно на целину не собираешься». Я ей ответил – абсолютно спонтанно – типа того, что зашел именно затем, чтобы записаться. И записался, и поехал. В дороге закончилась моя не начавшаяся комсомольская карьера. Меня назначили старшим по вагону, но где-то, по-моему еще до Урала, сняли с этой должности. Я не только не пресек карточную игру в вагоне, но сам играл. Удивительно, что вообще-то я в карты не играл, но телеграмма, отправленная на факультет, сделала свое дело. Потом несколько лет один из замдеканов упорно видел во мне заядлого картежника.

Но самым интересным для меня и общественно полезным комсомольским делом было участие сначала в организации университетской школы-интерната для одаренных школьников, а потом и преподавание в ней. Для отбора способных ребят я ездил в Сыктывкар, Новгород, Псков, Вологду; выступал там в школах, проводил отборочные экзамены, вел физико-математическую колонку в одной из областных газет. В интернате мы сами строили программу преподавания, и отношения с учениками были намного менее формальными, чем в обычных школах.

Все рассказанное выше об обучении на матмехе в определенном смысле можно назвать порождением интереса к кибернетике и влиянием книги Шредингера. Все было рассказано в высшей степени схематично, и потому траектория моего движения в процессе обучения может выглядеть как нечто хаотическое, неорганизованное. Но на самом деле сегодня она представляется мне достаточно гладкой, без каких-либо «провалов»

и «пиков». От кибернетики к лекциям Веккера и психологии; от биологии к биометрическому семинару и методам математической статистики. И синтезом этих «линий» стал сначала просто интерес к факторному анализу, а потом — собственные исследования в этой области.

Но и импульс, порожденный биографической книгой Инфельда, не загас, просто он дал о себе знать в начале 1960-х; причем — несколько неожиданным образом. Выше я обещал рассказать о влиянии на мое развитие родственников со стороны матери, сейчас я и коснусь этой темы.

У меня были два дяди-двойняшки, двоюродные братья моей матери: один — Моисей Соломонович Шапиро — был морским военным инженером, а другой — Борис Григорьевич Кузнецов, по словам мамы, «был ученым». Не было секретом, чем он занимался, она просто не могла мне этого объяснить. До войны мои родители и братья были очень дружны, когда мы с сестрой должны были родиться, мать с отцом решили: будет девочка — назовем Олей, мальчика — Борей. Так что я назван именем моего двоюродного дяди.

Борис и Моисей были очень образованными людьми, специалистами в своих областях, всю жизнь были бесконечно дружны друг с другом. Родом они были из Екатеринослава (теперь — Днепропетровск), оба закончили Политехнический институт, рано вступили в партию. Моисея призвали на флот, он закончил Высшее инженерное морское училище в Ленинграде и остался там служить, в годы войны, блокады он замещал директора завода по ремонту кораблей. После войны он работал в Либаве (Лиепай), где располагалась крупная военно-морская база. Будучи полковником, занимал генеральскую должность, но по национальному признаку на генерала он не «проходил». Он демобилизовался и последние 20—25 лет жизни жил в Москве. Моисей был очень открытой личностью, щедрым человеком. Он тоже помогал нашей семье материально, говорил, если к вам приходят друзья, хлеб с колбасой и чай должны быть обязательно. К нам всегда приходили друзья, если денег на колбасу не было, то в ход шло варенье.

Еще месяц-два назад я не знал, когда другой брат сменил отечество и фамилию, но сейчас я начал писать статью о Кузнецове как историке науки, и у меня, на основании изучения его «Личного листка по учету кадров» и воспоминаний какого-то разговора с мамой возникло похожее на правду предположение. Из-за их раннего увлечения революционными идеями, братьев исключили из реального училища. Предположительно, Борис участвовал в Гражданской войне, и тогда начальник его отряда предложил ему сменить еврейские отчество и фамилию на русские.

Борис Григорьевич с юности интересовался проблемами энергетики и историей, и одновременно получил инженерное и историческое образование. В начале 1930-х он стал работать в ГОЭЛРО и быстро вошел в группу ведущих специалистов по развитию советской энергетики, работал с Бонч-Бруевичем, Кржижановским, академиками Вернадским, Комаровым, Ферсманом. Он защитил докторскую диссертацию по экономике, был профессором, заведующим кафедрой... Практическая работа заставила

его задуматься о том, как будет развиваться техника по выработке и передаче электричества, отсюда появился интерес к физике, истории науки. В 1932 г. по инициативе академиков Вернадского и Комарова в Ленинграде был создан Институт истории науки и техники АН СССР (позже он был переведен в Москву). После войны на его базе был создан работающий и сейчас Институт истории естествознания и техники РАН, директором института был В. Л. Комаров, тогда — президент АН СССР. Кузнецов стал его заместителем, а фактически — одним из создателей. В самом начале войны он был включен в группу специалистов, разрабатывавших план перевода промышленности из Европейской части страны за Урал, и был среди ученых, получивших в 1942 году первую Сталинскую премию за осуществление этой сложнейшей программы. Но в то время он уже участвовал в Сталинградской битве, позже — на других фронтах. В конце войны, подлечившись после тяжелого ранения, он вернулся к истории физики, более широко — науки. Он намеренно отошел от какой-либо организационной суеты и до конца жизни оставался старшим научным сотрудником. Им написано множество книг по науке Возрождения и истории современной физики. Написано и около десятка историко-биографических книг: о Ломоносове, Менделееве, Тимирязеве, о Ньюtone, Галилее, Бруно, но самая его известная книга «Эйнштейн», впервые вышедшая в 1962 г. и переиздаваемая в наше время. Многие из этого я узнал уже после его смерти, в частности, — в последние два-три года, намереваясь написать о Кузнецове книгу.

Далее, как в истории с поездкой в трамвае. В один прекрасный день... я шел в здание исторического факультета ЛГУ, на первом этаже которого располагалась военная кафедра, где по программе все военнообязанные студенты должны были заниматься. По обычаю по дороге я заглянул во двор здания Академии наук в небольшой книжный магазин и увидел новую книжку Б. Г. Кузнецова «Беседы о теории относительности»; книга издана в 1960 году, значит это могло быть в том году или в следующем. Прочитав фамилию и имя отчество автора — Кузнецов Борис Григорьевич, я подумал, может быть, эта книга написана моим дядей? О теории относительности я уже кое-что знал, она интересовала меня. Я купил книжечку, это было простенькое введение в теорию относительности, и за день на военной кафедре я ее осилил. Вскоре я узнал, что моя догадка относительно родства с автором книги была верной. После окончания университета, когда я стал часто бывать в Москве, я останавливался в квартире Кузнецова и, хотя меня еще не «притягивала» историко-научоведческая проблематика сама по себе и, естественно у меня в мыслях не было, что я когда-либо «войду в эту воду», я читал написанные им книги, обсуждал заинтересовавшее меня и даже стал почитать соответствующую литературу. Через годы многое из тех бесед вспомнилось, но что, думается, много важнее, я перечитываю книги Кузнецова, все же кое-что привез с собою, как продолжение бесед с ним. Это удивительное чувство, но все именно так... Другими словами, в студенческие годы я «продвинулся» по обеим линиям, возникшим в «трамвайной беседе».

Недавно редактор известного портала gefter.ru Ирина Чечель добавила к моему очерку о Б.Г. Кузнецове подзаголовок со словами «Память как встреча». Удивительно точные слова, конечно, воспоминания — это встречи»

С радостью отмечу, твоя биография действительно воспитала в тебе вкус к биографическим связям, умножая их не только с течением времени, но и по горизонтали — по вовлекаемым историям родных, друзей и знакомых. Но теперь самое время спросить и о других человеческих связях — о личной жизни.

Ясное дело, об этом можно говорить (и молчать) бесконечно долго, но коснусь лишь одного пласта тех событий и чувств. Речь пойдет о нашей дружеской компании, скорее — о ее ядре. В предыдущих интервью я немного рассказывал об этом, но сейчас оправданно вернуться к этой теме и сказать больше.

Так случилось, что мы с сестрой учились в одной школе с Анной Каминской, внучкой известного историка искусств Николая Николаевича Пунина, женой которого до войны стала Анна Андреевна Ахматова. Более того, фасады наших домов выходили на одну и ту же улицу — Кавалергардскую (тогда она называлась улица Красной Конницы) и были разделены лишь несколькими домами. Потом моя сестра и Аня учились на искусствоведческом факультете Академии художеств, и с разницей в пару лет вышли замуж за двух друзей — будущих художников. Конечно, я сразу вошел в эту «команду», и вскоре — моя девушка, с которой мы поженились в 1964 году. Люся — тоже математик и тоже социолог. Она раньше меня начала работать в академической системе, в сектора В. А. Ядова, и некоторые социологи-математики, давно работающие в Институте социологии РАН, к примеру, Галина Татарова, Юлиана Толстова помнят ее.

По современным понятиям, мы оба были безденежными и плохо устроенными в жизни. О себе я уже немного сказал, Люся жила с мамой в большой «коммуналке» в центре Ленинграда. Мама работала заместителем начальника типографии Адмиралтейского завода, тогда известного, крупного кораблестроительного предприятия. Отец Люси, из того, что мне известно, был молодым талантливым инженером-кораблестроителем, редчайший случай, еще до войны его посылали в Англию изучать опыт. Он мог получить бронь, но вступил в Народное ополчение Адмиралтейского завода и защищал Пулковские высоты. И в двадцать с небольшим погиб там в конце лета 1941 г. Мы женились, потому что нам вместе было хорошо, и никаких других внешних моментов не было. Денег на свадьбу в ресторане у нас не было, наши комнаты не позволяли принять большого количества друзей. Помогли знакомые, они жили недалеко от нас в квартире, в которую временно переселяли людей, когда в их домах делался капитальный ремонт. Там оказалась свободной большая комната, притащили туда огромный стол (друг дал), стулья и табуретки, положили на них какие-то доски, принесли из дома выпивку и закуску, и все чудесным образом отметили. Возвращались мы после свадьбы домой втроем: Люся, ее мама и я. И тогда

я сказал: «Все. Еще одной свадьбы мне не надо». Прошло более 50 лет, вместивших в себя много радостного, светлого, доброго и много тяжелого, драматичного. Но мы — вместе; «еще одной свадьбы» у меня не было.

Все мы были студентами и проводили осенние вечера и зимние каникулы в «Будке», небольшом, очень скромном домике Анны Андреевны Ахматовой в поселке Комарово под Ленинградом, перефразируя известный слоган, моя сестра говорила: «Спасибо Анне Андреевне за наше счастливое детство». Было доброе, беззаботное время, к нам туда приезжали и наши друзья, гуляли, катались на лыжах и на финских санях, нас мало что волновало, был просто треп. И точно, скорее всего, никакой политики, для нас ее не существовало. Когда-нибудь я расскажу о людях той «тусовки» (конечно, такого слова тогда не было), а сейчас — немного о моей сестре и ее муже, Аскольде Ивановиче Кузьминском.

Моя сестра окончила Академию художеств в 1965 году и через пару лет стала работать экскурсоводом в Эрмитаже. И это — на всю жизнь. Она очень любила свое дело, массу читала, при первой возможности, конечно, уже после перестройки, ездила во Францию, в другие страны, чтобы, наконец, увидеть те картины или того художника, о которых она и так многое знала из специальной литературы. Оля проработала там без малого полвека и пользовалась огромным уважением. Невиданное дело, когда она умерла (в 2012 году), гражданская панихида по ней — простому экскурсоводу — состоялась в Эрмитаже, в красивом зале у «Октябрьской лестницы», в который можно пройти непосредственно через Октябрьский подъезд с Дворцовой площади или со стороны набережной Невы.

Оля всю жизнь прожила в той квартире, в тех комнатах, в которые мы въехали в 1945 году, вернувшись из эвакуации. Когда я приходил к ней, я всегда немного возвращался в детство, в школьные-студенческие годы. И когда я уже из Америки приезжал в Петербург, я возвращался «домой», туда приходили все наши друзья. С ее смертью город как-то отодвинулся от меня. Странно, но теперь Москва, хотя я в ней никогда не жил, мне стала ближе, чем Петербург, а если мысленно, то я возвращаюсь в Ленинград, не в Петербург.

Несколько лет назад я написал эссе о ее муже, назвав текст: «Аскольд Кузьминский: его творчество знакомо миллионам, его имя знают немногие». На основании чего я сказал, что сделанное им знакомо миллионам? Это — очевидно. Он — автор эмблемы Петербургского метро — буквы «М», с которой все настолько сроднились, что не замечают её. Ему принадлежит эмблема Елисеевского магазина — наиболее известного и красивого в городе продуктового магазина, расположенного в самом центре исторической части Санкт-Петербурга. В 1995 году Кузьминским была завершена полторагодовая работа над логотипом Государственного Эрмитажа; его можно увидеть на афишах, книгах и альбомах, издаваемых музеем, на входных билетах и буклетах выставок. Все это незаметно вошло в художественную, культурную атмосферу города, стало ее составной частью. Существует без авторства, живет само по себе, как народная песня.

Но работы Кузьминского не получали должного признания, он оставался известен прежде всего в узком кругу людей, знавших его лично. Он не выставлялся на крупных художественных выставках, о нем не писали центральные газеты, он не делал портреты передовиков производства, его не осаждали журналисты. Он не стремился к расширению профессиональных контактов, не участвовал в гонках за грантами. Не сидел в президиумах и не был диссидентом. Его влекла тонкая, камерная работа, он искал простые, негромкие выразительные средства. И всегда был скромным, даже стеснительным.

Кузьминским оформлено множество книг, но сейчас я расскажу лишь об одной его работе — удивительно живом графическом портрете Анны Ахматовой. Историю этой работы (1965 г.) он сам рассказал в своей небольшой книге «Мемоире» с подзаголовком — «Двести лет со дня рождения Александра Пушкина и сто десять лет со дня рождения Анны Ахматовой».

«Анна Андреевна как-то сказала, что ей надоели во всех изданиях одни и те же ее портреты (Альтман, Анненков и т. д.) Нет ли новых, молодых дарований.

Накануне мне был подарен “Реквием” (в машинописном варианте), я переплел его и на обложке нарисовал портрет автора.

На следующий день принес свое творение. Анна Андреевна долго рассматривала:

— Пожалуй, подпишу Вам “Реквием”, хотя никогда этого не делала. И этот портрет пригодится. И эти печальные брови».

Потом Ахматова уехала в Англию, потом в Москву, потом Анны Андреевны не стало...».

Летом 2012 года в Петербурге в музее Анны Ахматовой проходила выставка ее портретов. В официальной информации об этом событии отмечалось, что выставка открывалась графическим портретом Ахматовой, нарисованным Амедео Модильяни. Также на ней были представлены канонические изображения поэтессы, созданные Николаем Тырсой, Владимиром Фаворским, Аскольдом Кузьминским, Гавриилом Гликманом и ряд других работ. Кто знаком с историей российской графики, согласится с тем, что Кузьминский здесь назван в ряду выдающихся художников. Этот портрет Ахматовой — яркий пример стиля Кузьминского. Несколькими линиями создан оригинальный портрет Ахматовой, в котором соединены классические образы поэта, восходящие к Модильяни и Натану Альтману.

И закончу я эту часть воспоминаний рассказом о подарке, который я получил от Ахматовой. Как-то Аня Каминская дала мне письмо к Ахматовой, написанное выдающимся математиком XX столетия Андреем Николаевичем Колмогоровым, который в первой половине 1960-х интересовался математическим анализом стихосложения. К письму, в котором Колмогоров писал, что из русских поэтов ему наиболее близок Александр Блок и одновременно он высоко ценит поэзию Ахматовой, прилагались оттиски двух его статей. От меня требовалось «по-простому» объяснить Ахматовой их содержание. Прочел, был готов, и вот представился случай

рассказать Анне Андреевне о содержании этих работ, надо было сопроводить ее из Комарово домой. Договорились с кем-то о машине и поехали. Подарок Анны Андреевны за мой «труд» был сделан, скорее всего, в 1965 или 1966 годах, но он навсегда остался со мной. Она показала мне, что если ехать по Суворовскому проспекту от Невского к Смольнинскому собору, то это белоголубое здание Франческо Растрелли поначалу, как и положено, приближается, а потом, вопреки законам зрительного восприятия, вдруг начинает удаляться. Не знаю, был ли этот эффект предусмотрен зодчим, но он был обнаружен поэтом.

Со смертью Ахматовой заканчивался важный этап жизни всей нашей дружеской компании. На нас ни в коей мере не распространяется понятие «ахматовские сироты», оно — о другом. Не стало «Будки», прекратились наши Комаровские встречи, закончилось время ранней молодости; во многом безрассудной, свободной, не угнетающе безденежной и не очень задумывающейся о завтрашнем дне. Но вскоре «воскресла» Новинка, семья Ани купила дом, с которым мы с сестрой породнились в детстве. После отъезда в Америку моя дружба с той семьей сохранилась, мы даже породнились. Значит и моя связь с Новинкой не оборвалась. Да, так мир сложился...

Когда складывается такое личное отношение, то и потеря ощущается остро. Простился ли ты с Ахматовой?

Я не могу сказать о каких-либо отношениях с Ахматовой, я и видел-то ее редко и мне не приходилось, кроме описанного случая, общаться с ней лично. Но, конечно, в ее похоронах мы все принимали участие. Иного просто не могло и быть.

Во-первых, в Никольском соборе, одном из главных в Ленинграде проходила многочисленная панихида, для того времени — дело крайне необычное. Откуда люди узнали, что в «Николе» отпевание Ахматовой? Вот уж точно, слухами земля полнится, все не смогли попасть в собор, чтобы не возникла давка, многие сцепились руками и образовали кольцо вокруг гроба. Потом гроб перевезли в Дом писателей, там состоялась гражданская панихида, на которой выступали Михаил Дудин, Ольга Бергольц, еще кто-то из официально признанных поэтов. Мне кажется, было холодно и скучно... затем вся процессия отправилась к Фонтанному дому, где до войны жила Анна Андреевна и на ул. Ленина — последнее ее место жительства. После всего этого процессия двинулась в поселок Комарово, где было старое, оставшееся еще с финских времен — почти сельское мемориальное кладбище. Уже потом, в Диалогах Соломона Волкова с Иосифом Бродским я читал, что Бродскому, когда уже в Ленинграде проходила церковная панихида, удалось при поддержке каких-то литераторов получить разрешение на захоронение Ахматовой в Комарово, а затем, уже было поздно, за поллитры уговорить могильщиков делать свою работу. Дорога на кладбище была засыпана снегом, автобус пришлось остановить далеко от кладбища. Гроб несли по очереди на плечах. У могилы, по русскому обычаю снова открыли гроб и батюшка совершил прощальную службу. Там были Арсений Тарковский, молодые Евгений Рейн, Анатолий Нейман, Иосиф Бродский еще какие-то поэты. Очень официально зачитал текст Сергей Михалков.

Со слезами на глазах что-то тихо говорил Тарковский. Потом подходили к могиле и бросали поверх гроба землю, а когда надо было уже доделывать могилу, меня, как не родственника, родные Ахматовой попросили поработать лопатой. Рядом со мною тоже самое делал крепкий рыжеватый парень. На могиле водрузили высокий деревянный крест, сделанный на Ленфильме по заказу Алексея Баталова.

Уже позже, возвращаясь после недолгих поминок в электричке в город, мне сказали, что сидевший на другой скамейке рыжеватый парень — Иосиф Бродский. Все описанное, кроме, конечно, поездки в электричке, отражено в долго запрещенном фильме Семена Арановича «Похороны Ахматовой» https://www.youtube.com/watch?v=_JUR2UnYVhE.

В хронологическом отношении мы остановились на твоём поступлении в аспирантуру. Чем из того времени ты хотел бы поделиться?

Сегодня я могу сказать, что аспирантуру воспринял не как период работы над диссертацией, а как время для работы над тем, что хочется. Формально, моим руководителем был Виктор Павлович Скитович, вошедший в историю разработки теории вероятности как автор теоремы Скитовича-Дармуа. Не пытаюсь рассказать значение этой теоремы, отмечу, что и сама ее постановка и метод ее доказательства сначала ввели в сомнения крупнейших специалистов в этой области математики; настолько все было неожиданным и красивым. Но я избрал себе иную тему, так что реально моим руководителем был Калинин, который к тому времени, имея уже интересные результаты, не торопился с подготовкой диссертационного «кирпича».

Вообще, насколько я понимаю сегодня, в аспирантские годы я скорее искал исследовательскую область, в которой я чувствовал бы себя комфортно, чем систематически решал какую-либо задачу, данную наставником или найденную самостоятельно. Если бы не «те книги», о которых рассказал мне Евгений Гамалей, то в годы учебы на матмехе отыскал бы некую четко сформулированную проблему и искал бы пути ее решения. Но к окончанию факультета я освоил многие понятия, разделы биологии, в частности, генетики, а первые беседы с Б. Г. Кузнецовым подвели меня к философии науки и истории математики и физики. И мне не хотелось все это оставлять.

Так или иначе, но в центре моего аспирантского исследования оказались две темы многомерной статистики: во-первых, я продолжал свой дипломный проект (дискриминантный анализ), во-вторых, меня все более захватывала методология факторного анализа. И если в первом случае мне в целом было ясно прикладное значение метода и понятна схема измерения набора анализируемых признаков: анатомические параметры живых организмов, например, размер органов насекомых или характеристики черепов представителей разных рас, то факторный анализ подвел меня к почти неизвестному мне: к психофизиологии и психологии человека. Пришлось самостоятельно изучать теорию тестов и знакомиться с самыми первыми работами по корреляционному и факторному анализу. В поле моего зрения оказалось прошлое математических методов, которые я знал

в современном изложении, но не представлял, как они возникли и какие претерпели изменения. Одновременно я стал задумываться о том, что недостаточно знать формулы и алгоритмы, носящие имена Фрэнсиса Гальтона, Карла Пирсона, Чарльза Спирмена и других, необходимо иметь представление о жизни и работах этих ученых. В то время, когда я начинал освоение факторного анализа, психологические исследования в СССР только стали восстанавливаться после трех десятилетнего запрета, отечественной литературы по этой тематике не было. Поскольку философские воззрения Пирсона резко критиковались Лениным, постольку и его классические исследования по биометрике не анализировались. Приходилось все искать в чудом сохранившихся в Публичной библиотеке английских журналах и в немногочисленных книгах. Постепенно некий общий, слабо осознававшийся интерес к биографиям ученых, рационализировался и проецировался уже не на создателей физики (имею в виду работы Б. Г. Кузнецова), а на ученых, сделавших шаг от нематематизированной теории Дарвина к математическим моделям законов эволюции.

Напрямую это не относилось к моему диссертационному исследованию, но в моем понимании методов, математические свойства которых я изучал, знание истории казалось мне необходимым. В начале 1969 года я опубликовал в единственном тогда психологическом журнале «Вопросы психологии» небольшую статью «Об использовании методов факторного анализа в работах советских исследователей» [5]. Учитывая, что в те время срок прохождения статей в журналах был немалым, что я был начинающим, никому не известным автором, что — безусловно — я затратил значительное время для поиска публикаций советских психологов по факторному анализу, а также — для подготовки текста статьи, могу предположить, что уже в первой половине 1967 году я решился на проведение историко-наукоедческого исследования. Думаю, что обзор получился неплохим, во всяком случае обращение к порталу «Научная электронная библиотека диссертаций и авторефератов» (www.dissercat.com/) показало, что и через сорок лет диссертанты ссылались на эту работу.

Все описываемое давно было и детали забылись, но к лету 1967 года, когда оставалось полгода до завершения аспирантуры я был спокоен. Кое-что было сделано, были публикации, к тому же я не волновался за распределение; понимал, что без работы не останусь. Но произошедшее на комиссии по распределению не просто оказалось в полной мере неожиданным, но определившим всю мою дальнейшую жизнь.

Что же случилось? А то, что среди немалой группы аспирантов матмеха, судьба которых решалась в тот день, мне единственному было предложено место вне Ленинграда, хотя даже не ленинградцы были направлены в разные «почтовые ящики» в городе или в ближайших пригородах. Мне же нашлась лишь позиция на кафедре математики Лесотехнической академии в Архангельске. Я не подписал это распределение. Конечно, никто не объяснял мне причину моей «высылки», но я — во всяком случае тогда — видел ее в только что прошедшей «Шестидневной войне» между Израилем и рядом арабских стран и проявлением государственного антисемитизма

в стране; замечу, это было вообще впервые за все годы обучения на матмехе. Но, в моей жизни многое «не так»; в проведенных мною интервью мне не раз приходилось читать, что еврейство моих собеседников осложняло их путь к образованию, в аспирантуру, затрудняло трудоустройство. Меня же случившееся на распределении прямиком, но не сразу привело в социологию.

Если это было распространенным явлением, то, как ты думаешь, твой шок объясняется твоей «недосоциализированностью», или наивностью, или еще чем-нибудь? Ты не готовился к такой возможности?

Я тогда не знал и сейчас не знаю, как проходили в те годы распределения аспирантов, но я никогда не слышал, чтобы математиков, да еще ленинградцев, не трудоустроивали в городе. Безусловно, я к такому развороту событий не был готов.

Случившееся оказалось не только шоком для меня, но и неожиданностью для людей, знавших меня как студента, одного из организаторов математической школы-интерната и математика, помогавшего психологам в обработке их наблюдений. За пересмотр этого распределения ходатайствовали парторг матмеха профессор Алексей Алексеевич Никитин, инициатор создания этой школы, и член парткома Университета известный психолог, профессор Евгений Сергеевич Кузьмин. Оба они были весьма уважаемыми людьми в Университете, инвалидами войны. Одновременно я сам обращался в разные организации; ответ был однотипным: «Получи освобождение от распределения, мы тебя берем». Но первое в то время было выше моих возможностей. Работу над диссертацией пришлось приостановить, время до завершения аспирантуры стремительно сокращалось, из жилищной конторы уже пришел запрос о месте моей работы.

Думаю, что в январе 1968 года мой приятель, физик (опять физик!), слушавший на факультете известные лекции Игоря Семеновича Кона, предложил мне сходить на какую-то открытую лекцию на факультете психологии и там познакомил меня с Коном. Я сказал Игорю Семеновичу, что я — математик и ищу работу. Кон пригласил меня на семинар, на котором сотрудники Владимира Александровича Ядова обсуждали общие концепции диспозиционной теории. Пришел, мало что понял, но встретил там знакомую по матмеху Галю Саганенко, теперь — известный социолог, профессор Галина Иосифовна Саганенко. Она сказала, что работает в команде Ядова, я — что ищу работу. И разошлись. Но через несколько дней мы случайно встретились на матмехе, она — как всегда — торопилась и лишь сказала, что есть социолог с бородой Здравомыслов, которому нужна консультация по обработке результатов социологического исследования. Дала его телефон и побежала дальше.

Позвонил я не известному мне Здравомыслову, сослался на Саганенко, объяснил, кто я и в чем заинтересован. Андрей Григорьевич попросил меня прийти через пару дней в Главный Зал Университета, в котором чествовали одного из профессоров философского факультета. На мой вопрос, как я там найду его, Здравомыслов ответил: «Спроси у любого, меня там почти все знают». Пришел, спросил, мне указали на невысокого

человека, который в тот момент говорил с Е. С. Кузьминым, которого я знал и который знал меня. Я подошел, представился, и Здравомыслов попросил меня не уходить, а найти его по завершению чествования. Так я и сделал. Переговорив со мною несколько минут, Здравомыслов попросил меня через день-два прийти в Таврический дворец. Еще ничего не зная, я в назначенное время пришел и удивился, что при входе меня остановил постовой в военной форме, попросил предъявить паспорт и куда-то позвонил. Вскоре пришла очень милостивая молодая женщина и повела меня к Здравомыслову. Для меня, привыкшего к достаточно вольной, демократичной системе общения матмеха, все было новым, несколькостораживающим.

Все мое детство, юность и ранняя молодость прошли в 20 минутах ходьбы от Таврического дворца, но когда что-либо знаешь «всегда», то и не замечаешь этого, я не знал, что в нем размещалась Ленинградская высшая партийная школа (ЛВПШ), кузница кадров для КПСС. Здравомыслов недавно был назначен заведующим кафедрой марксистско-ленинской философии, и одновременно был одобрен его план создания при кафедре социологической группы. Поговорили, и неожиданно для меня мне было предложено заполнить «Личный листок по учету кадров». И буквально через несколько дней – 12 февраля 1968 года – я стал членом этой группы в должности преподавателя кафедры. Автоматически я стал социологом; получается, что почти полвека назад.

Более того, на протокольной встрече нового сотрудника с парторгом Школы мне было разрешено обратиться к нему, если меня начнут донимать вопросами о том, где я работаю, не получив освобождение от распределения.

Прошло почти сорок лет, и в ходе интервью со Здравомысловым я спросил его: «Один вопрос совсем личного плана: как тебе удалось взять в Высшую партийную школу меня – беспартийного еврея, без философского образования и далекого от всякой политики, к тому же по распределению обязанного уехать из Ленинграда?». Вот его ответ: «Еврей ты или не еврей, это для меня ни тогда, ни потом не имело никакого значения. По-моему, я тебя рекомендовал в ряды КПСС, так что недостаток “отсутствия партийности” был устранен. Я на тебя посмотрел и понял, что из тебя может получиться неплохой сотрудник, который как раз был мне нужен. Твой взгляд говорил, что ты открыт новым идеям, умеешь учиться и вполне способен освоить новую дисциплину. Что касается высших инстанций, то мне был дан, как говорится, “карт-бланш”, которым я и воспользовался. Кроме того, насколько я помню, мне тебя рекомендовал Евгений Сергеевич Кузьмин. Во время моего студенчества он был одним из наиболее авторитетных членов руководящей группы философского факультета».

Вот о чем тогда успели переговорить Здравомыслов и Кузьмин. Они в общем определили мою профессиональную жизнь. Пожалуй, больше.

Обретение профессии

Ты описал самый сложный поворотный момент жизни. Кто знает, как сложилась бы твоя работа в Архангельске. Но в этот момент связи, друзья-знакомые, репутация — сработали на «спасение». Тем не менее, возник новый вызов — подвижки в профессиональной идентичности. Как же развивалась эта новая линия? Какие новые ресурсы пришлось осваивать и предъявлять?

Я не думаю, что получилось бы что-либо путное из моей работы в Архангельске. Все же начинающий ученый должен, особенно в первые годы, работать в сильном, профессиональном коллективе, чего, скорее всего, не было в Архангельске.

Если же говорить о моем социологическом обучении, которое продолжалось четыре с половиной года и завершилось 1 сентября 1973 года моим переходом в Институт конкретных социологических исследований АН СССР, то, по-видимому, имеет смысл говорить о трех его составляющих

Первый пласт — ознакомление с основными понятиями социологии.

Сейчас легко увидеть, с чего началось мое знакомство с социологией, это, прежде всего, курс лекций, читавшийся Здравомысловым в ЛВПШ в 1967—1969 годах, который лег в основу его книги: «Методология и процедура социологических исследований». Безусловно, многое в материале тех лекций было для меня новым, но все же — освоив до того самостоятельно ряд общенаучных книг позитивистской направленности, я с легкостью воспринимал рассуждения Здравомыслова о роли метода в социологии и описание различных приемов сбора и анализа социологической информации. Столь же «естественными» были для меня и построения, изложенные в первом, тартуском издании (1968 г.) книги Ядова по методологии социологического исследования. Тем более, что в то же время я прочел в оригинале и переводе книгу Гуда и Хатта по методам социологии, сделанном Здравомысловым; и он, и Ядов в своих работах опирались на эту книгу.

Могу ли я здесь задать вопрос, который непросто. Первая волна советских учебников по социологии — ведь они безусловно связаны с переводческой работой и рецепцией западного социологического мейнстрима. Шла ли кулуарно дискуссия на эту тему? Ведь и сейчас, да и в в конце 90-х звучали упреки в некритичном заимствовании методологии.

Сейчас я знаю, что такая дискуссия шла, но тогда ее волны не доходили до меня. Я был совсем новичком и в подобных дискуссиях участия не принимал. Но недавно я провел большую работу по изучению того, кто же перевел Гуда и Хатта. Странно, все это было в начале 1960-х, но многое позабылось. Когда я беседовал с А. Г. Здравомысловым, он вспомнил о переводе этой книги. Через пару лет я начал интервью с Эдуардом Викторовичем Беляевым, одним из первых сотрудников первой в СССР социологической лаборатории Ядова—Здравомыслова, и узнал от него, что он переводил Гуда и Хатта. Беляев уже несколько десятилетий живет в Америке и давно не участвует в российской социологической жизни. Здравомыслова уже не было в живых. Ядов помнил, что Беляев и Здравомыслов имели отношение к переводу, но кто и как переводил, забыл. Кон, помнил, что именно он

«подложил» книгу Ядову, помнил, что ее начинал переводить Беляев, но деталей не знал. Олег Борисович Божков нашел в домашнем архиве рукопись перевода (книга так и не была издана), которая считалась утерянной, но на титуле переводчиком был указан Ядов, хотя он — по его собственным словам — переводом не занимался. Постепенно раскручивая это событие, было установлено, что Ядов поставил свою фамилию, так как Беляев уже эмигрировал, и его имя по тогдашним правилам не должно было фигурировать на документе. Выяснилось и то, что Беляев записывал лишь фрагменты перевода, но всю книгу перевел все же Здравомыслов. Я спросил Беляева, были ли сложности с переводом терминов, понятий. Приведу его ответ: «Абсолютно не помню. По-моему, нас это не очень занимало. Мы просто, по-моему, пользовались английскими вариантами терминов. Но один забавный эпизод помню: читая, я набрел на слово “babysitter”. Мне казалось, что оно настолько вне контекста, что я не понимал о чем идет речь (и другие тоже). Я спросил Игоря Кона, который часто бывал на наших семинарах, и он объяснил, что действительно речь идет о “няне”».

Я думаю, Лена, что это не единственный случай в истории переводов западной литературы в те далекие годы.

Теперь, возвращаясь к процедуре моего вхождения в социологию, замечу, что более сильное впечатление, чем содержание лекций Здравомыслова произвела на меня их форма. 8 сентября 2005 года, объясняя Здравомыслову цели интервью, которое я хотел у него взять, я писал ему: «Отмечу, что твои тексты очень авторские, личностные, прежде всего в логическом (отчасти — языковом) отношении... читая их, я всегда вспоминаю еще те твои лекции, которые я слушал [БД: в ЛВПШ]... ты не только обращался к аудитории, но всегда старался общаться с самим собою. Много воды утекло, тогда я был более психологом, чем сейчас, и находился под влиянием общения с Палеем и книг Бодалева. Я помню твою жестикуляцию левой рукой — это (по Палею или Бодалеву?) диалог с самим собою...». Этот пассаж не остался незамеченным Здравомысловым, при нашей встрече в Москве в 2006 году он подарил мне свою книгу о восприятии немцами русских с надписью: ««Дорогому Борису Докторову. На память о первых лекциях, на которых автор жестикулировал левой рукой. А. Здравомыслов». Такой диалогичности в лекциях философов на матмехе я не встречал.

Вторая составляющая моего социологического университета — приобретение опыта организации сбора данных и математической обработки информации; я сразу же был подключен к исследованию, для осуществления которого и был взят на работу. Это было начало, допускаю, одного из наиболее продолжительных в советской социологии мониторинга бюджетов времени; он мало известен, так как изучалось рабочее и нерабочее время сотрудников всех райкомов КПСС Ленинграда, и автоматически были засекречены не только итоги замеров, но и сам факт исследования. О сверхсекретном характере того исследования вспоминал в нашем интервью А. Г. Здравомыслов: «В 1969 году на основе курса лекций для слушателей ЛВПШ я издал книгу “Методология и процедура социологических исследований”. Там была таблица распределения бюджета рабо-

чего времени сотрудников районных комитетов партии. Выяснилось, что публикация такого рода данных противоречит инструкции ЦК КПСС, изданной еще в тридцатые годы! Б. К. Алексеев [БД: высокопоставленный сотрудник Ленинградского ОК КПСС] попросил меня сдать все материалы социологической группы ЛВПШ и объявил о моем отстранении от этой деятельности. <...> Отдел науки предложил мне на выбор: либо остаться в ЛВПШ без всяких занятий социологической работой, либо вновь вернуться в Академию наук, в ИКСИ <...> Я выбрал второй вариант».

Мое участие в этом исследовании заключалось в организации кодирования самофотографий временных затрат, запись временных затрат велась на протяжении недели, и математической обработки собранной информации. По тем временам это было непросто. Жалко, но лишь недавно я узнал, что первое исследование первой в стране социологической лаборатории, созданной Ядовым и Здравомысловым, было сделано методом самофотографии бюджета времени рабочих; было 100 человек и исследование продолжалось неделю. Так что исследование, проводившееся в ЛВПШ, — прямое продолжение того пионерного проекта.

Третий пласт — получение научной степени. Вхождение в социологию и необходимость осваивать язык этой науки, занятия репетиторством по математике, чтобы хоть как-то поддержать материальное положение нашей семьи, вскоре после рождения сына летом 1967 года моя жена оставила работу, привели к тому, что я отошел от «Биометрического семинара» и минимизировал контакты с факультетом психологии. Однако мысль о том, что надо закончить кандидатскую диссертацию не отпускала меня. Насколько я помню, Здравомыслов спрашивал меня, не хочу ли я сделать работу по социологии, но мне не хотелось начинать все сначала. Я оформил сделанное до момента распределения и получилось две главы, которые вместе составляли исследование по прикладным вопросам многомерного статистического анализа. В октябре 1969 года от матмеха отделился факультет прикладной математики, и я думал защитить работу там, тем более, что мой руководитель по аспирантуре В. П. Скитович был там заместителем декана. Но Совета по защитам еще не было, а ждать было не очень интересно. И в тот момент один из математиков — не знаю, серьезно или в шутку — сказал, ты много сделал для психологов, они должны дать тебе степень. Конечно, я не стал обращаться туда за степенью, но подумал, а не расширить ли одну из глав подготовленной рукописи, сконцентрировав все на факторном анализе, и не защитить ли эту работу по психологии?

Итак, наверное, в конце осени 1969 года я засел за подготовку нового текста. Первое, с чем я столкнулся, с неумением писать развернутые тексты, тем более — психологические. Математические тексты — совсем другие, они — формульные, слова играют лишь роль связок. Первые страницы новой диссертации писались с огромным трудом, но все же я учился писать, и текст постепенно рос. И здесь — обстоятельства помогли. Как молодого сотрудника, не очень загруженного преподаванием (мне дали небольшое количество часов по математике на кафедре экономике), меня откомандировали в штаб по подготовке и проведению Всесоюзной переписи насе-

ления 1970 года. Был некий предварительный тренинг, потом — раскладка документов, знакомство с выделенным мне маршрутом, собственно работа в поле и, наконец, участие в проверке полноты заполнения переписных листов. Не помню, на какой срок меня откомандировали (собственно перепись проходила с 15 по 22 января 1970 г.), но те несколько недель очень помогли мне в работе над диссертацией. Я быстро справлялся с тем, что должен был делать в Штабе, и потом спокойно работал в Публичной библиотеке на Невском проспекте. В 1968 и 1969 гг. у меня было опубликовано восемь статей и тезисов, что вполне соответствовало требованиям, предъявляемым к работам кандидатского уровня. Так что о публикациях я не волновался.

К началу лета был готов текст, и я пошел с ним к И. М. Палею, под руководством которого я осваивал искусство интерпретации результатов факторизации корреляционных матриц, с просьбой стать титульным руководителем работы. Он все посмотрел и к моему сожалению, отказался, сказав, что лучше, если им станет декан факультета, один из крупнейших советских психологов Борис Герасимович Ананьев. Значение этого шага я понял с годами, конечно, исследование по факторному анализу, сделанное математиком, требовало более мощной внешней поддержки. Ананьев знал меня по выступлениям на семинаре его кафедры, в русле его концепции комплексного исследования человека работали сотрудники, материалы которых факторизовались, он рекомендовал 2–3 мои статьи в журналы и сборники.

Пролистав текст, Борис Герасимович сделал одно, но достойное академика замечание; надо внимательнее рассмотреть вопросы миграции факторного анализа в различные отрасли психологии и вообще порассуждать о миграции метода в науке. Вряд ли я тогда в ходе 10–15 минутной встречи верно понял смысл слов Ананьева, но я постарался максимально учесть его предложение. Реальную же глубину его идеи, мне кажется, я оценил уже в начале 2000-х, когда изучал зарождение технологии опросов общественного мнения в США.

В завершение беседы Ананьев спросил, сдан ли у меня кандидатский минимум по психологии. Я сказал, что еще нет, хотя я даже не начинал готовиться к нему. Он вызвал секретаря кафедры и попросил ее включить меня в группу тех, кто будет сдавать минимум в ближайшее время. Выйдя из кабинета Ананьева, зашел за программой экзамена, это был длинный перечень вопросов и на нескольких страницах список литературы. Но самым убийственным было то, что экзамен должен был состояться недели через три. Отступать было некуда, я пошел сдавать экзамен вместе с теми, кто изучал психологию пять лет по университетской программе и готовился к экзамену уже в аспирантуре... Конечно, выглядел я бледно, но «тройку» поставили.

В течение лета и начало осени я дорабатывал текст диссертации, и в начале нового учебного года снова пришел с ним к Ананьеву. Борис Герасимович очень удивился тому, что текст еще без переплета, попросил переплести, а ему занести страницу с оглавлением. На ближайшем

Совете мне назначили официальных оппонентов и утвердили автореферат. Не помню, в каком режиме я жил следующие несколько месяцев, но в конце декабря 1970 я успешно защитился. Работа называлась «Факторный анализ в психофизиологическом исследовании человека». Еще через три месяца пришла открытка из ВАК, сообщавшая о присвоении мне ученой степени кандидата психологических наук. Я думаю, что решение было принято столь быстро, потому что руководителем был академик АПН Б. Г. Ананьев, первым оппонентом — чл.корр. АПН В. Д. Небылицын, а вторым оппонентом — к тому времени уже известный психолог, кандидат (вскоре доктор) наук В. А. Ганзен.

В то время факторный анализ входил в «моду», и я оказался единственным в Ленинграде, кто в целом знал его историю, математическое обоснование и важнейшие алгоритмы, умел обработать данные и владел методологией интерпретации итогов расчетов. У меня было желание, и существовал запрос на продолжение исследований в области теории и практики факторного анализа, но разворачивать это направление в ЛВПШ было невозможно, тем более, что в 1969 году Здравомыслов вынужден был уйти из этого Вуза. К тому же произошли два события, лишившие меня возможности рассчитывать на внешнюю поддержку. В мае 1971 года после серии инфарктов умер Б. Г. Ананьев, а 1 октября в авиакатастрофе в погиб В. Д. Небылицын, которому было лишь 42 года.

Борис, я бы отметила здесь невероятно острый по совокупности момент, с одной стороны, ты приобрел максимум на то время профессиональной зрелости и уникальной квалификации, а, с другой, драматические обстоятельства лишают тебя поддержки и статуса «ведомости». Как ты распорядился этой неожиданной свободой?

Я был на похоронах Ананьева, виделся там с Небылицыным. Ужаснулся, когда узнал о его гибели, самолет, на котором он с женой летел, по-моему, из Адлера, через несколько минут после взлета упал в море...

Но ты уже заметила, я привык работать самостоятельно и достаточно легко переходил из одной области исследований в другую. Выше я тебе немного рассказал о Б. Г. Кузнецове, недавно я в который раз перечитывал его небольшую книжку «Встречи», в которой он вспоминал о людях, оставивших яркий след в его жизни, и реально формировавших его понимание науки. Назову лишь некоторых из этих общеизвестных имен: Г. М. Кржижановский, В. Л. Комаров, В. И. Вернадский, Я. И. Френкель, И. Е. Тамм, А. Ф. Иоффе, Фредерик Жолио-Кюри, Луи де Бройль; и это не все те, кому посвящены специальные главы, но почти в каждой вспоминаются и другие значимые для развития науки люди. И вот в разделе о встречах с Президентом АН Комаровым Б. Г., говоря о некоторой хаотичности своих интересов, приводит в несколько перефразируемом им виде высказывание Ларисы Рейснер: «Если у Вас слишком много различных научных склонностей, то еще не все потеряно: Вы можете стать историком науки». Конечно, Б.Г. имел в виду себя, но теперь я тешу этой фразой и себя.

В начале 1971 года, после трех лет работы в ЛВПШ, закончился первый этап моего вхождения в социологию, к тому времени я в целом был знаком с основными работами отечественных социологов, но имел крайне ограниченный, скудный опыт участия в полевых исследованиях; бюджетное обследование и еще один опрос на нескольких предприятиях города. Поэтому в апреле 1971 года я с интересом воспринял мое включение Здравомысловым во временную группу, созданную Обкомом КПСС, для изучения (в лексике того времени) участия рабочих в управлении делами коллективов. То была в буквальном смысле «звездная команда», собранная из ученых разных институций: Леонид Бляхман, Андрей Здравомыслов, Борис Фирсов, Овсей Шкаратан и Владимир Ядов. Я отвечал за обработку информации на ЭВМ. Успешное осуществление этого проекта привело Ленинградский обком партии к решению о создании системы по изучению общественного мнения работающего населения города и поручили выполнение этого никому не понятного дела Борису Максимовичу Фирсову.

О феерическом организационном опыте и огромной трудоспособности Фирсова я слышал и раньше, многие среди сотрудников ЛВПШ работали с ним, как тогда говорили, «в комсомоле» и в «партии». Но познакомились мы с ним в ходе проведения названного исследования. По-видимому, он пригляделся ко мне, и уже зная меня в работе, договорился с ЛВПШ о включении меня в его группу (вместе с ним это было три человека). Вспоминая прошедшие с тех пор четыре с половиной десятилетия, могу с уверенностью сказать, что произошедшее в силу двух обстоятельств имело принципиальное значение в моей жизни. Первое — методология, технология изучения общественного мнения навсегда, стали главной темой моих исследований; второе — работа и дружба с Фирсовым стали одной из главных составляющих всей моей жизни.

В 1971 году мне исполнилось 30 лет, Фирсову — 42. Но нас разделяли, не просто 12 лет, критически несопоставим был наш жизненный опыт. У меня: долгие годы учебы и три года работы, тогда как описание прожитого Фирсовым уже тогда составило бы толстую книгу захватывающего содержания. Все 900 дней Ленинградской блокады, законченный с отличием Электро-технический институт, ответственная работа в комсомоле и руководство центральным в городе райкомом партии, в котором располагались все творческие союзы города, многие театры, Эрмитаж и другие главные музеи города. Фирсов был первым директором Ленинградского телевидения, и эти годы вошли в историю телевидения как «золотые». Затем было его «громкое» освобождение от этой должности и дневная аспирантура по социологии под руководством давнего друга — Владимира Ядова, обстоятельное изучение в Англии опыта Би-Би-Си, защита кандидатской диссертации на базе представительного опроса ленинградской телеаудитории. Уже к тому времени Фирсов побывал во многих странах, имел дружеские отношения с руководителями средств массовой информации Восточно-Европейских государств и прочее.

По-видимому, мне нужен был контакт с человеком старше меня с целью уточнения своих политико-идеологических и жизненных ориентиров. В ЛВППШ я встречал и убежденных ленинцев-сталинистов, и людей, принявших идеалы политической «оттепели». Среди последних я назову, конечно же, А.Г. Здравомыслова и моего советчика в сложных жизненных проблемах профессора Юрия Яковлевича Баскина, юриста, историка философии и социолога. Ярким, убежденным «шестидесятником» был и Фирсов, воззрения которого на политическую систему во многом были отполированы Борисом Борисовичем Вахтиным — ученым-китаистом, писателем, переводчиком, сценаристом. В 1960-е годы он был фактически неформальным лидером молодых ленинградских писателей, был близок к правозащитному движению, подписывал обращения в защиту политзаключенных. В воспоминаниях о том времени, Вахтина называют самым свободным человеком в Ленинграде.

Так формировалось и мое мировоззрение. Прошло много лет после описываемых событий, и в 2005 году, продумывая план интервью с Ядовым, я почувствовал некий дискомфорт, вызванный тем, что в вопросах интервью буду обращаться к нему по имени и отчеству. Поэтому я написал ему: «Дорогой В.А., Вы подписываете Ваши письма добрым Володя, можно мне так к Вам и обращаться? Мне было бы это очень дорого». В его ответе было даже большее. Предложение обращаться к нему на «ты», и здесь крайне интересна и важна приведенная им аргументация: «О, само собой. Разница в возрасте 15—30 лет огромна. В наше время это разные поколения. Но мы по сути в одном поколении “шестидесятников”. Уже этого достаточно чтобы обращаться на “ты”». От таких слов, конечно, стало тепло на душе.

Я был откомандирован к Фирсову на время, под конкретное дело, и я уверен, если бы мы не сработались, никакая партийная дисциплина не могла бы принудить нас к сотрудничеству, тем более, что временами наша работа была сложной и крайне напряженной. Фирсов никогда не подчеркивал своего «начальственного» статуса. И поскольку мы работали вместе до моего отъезда в США, я могу сказать, что у меня никогда не было «начальников» в общепринятом смысле этого слова.

В методических традициях при том материально-техническом обеспечении, которые были характерны для советской социологии самого начала 1970-х годов, мы успешно решили стоявшую перед нами задачу. Был создан план выборки, реализация которого позволяла осуществлять опрос, репрезентировавшей рабочее население Ленинграда по ряду важнейших параметров: отраслевой состав, величина предприятия, характер труда, пол, возраст, образование и партийность. Анкетирование проводилось на 100 «точка», в каждом случае опрашивалось 10 человек. Время полевой фазы, от момента начала опроса до выдачи первичных результатов, составляло 24 часа. И все это было задолго до появления мобильных телефонов и персональных компьютеров и при весьма ограниченных возможностях использования автомобилей. Более того, предвидя сложности с вводом больших массив информации в ЭВМ, все расчеты в нашем первом зондаже

общественного мнения осуществлялись на сегодня забытой и потому не известной счетно-перфорационной технике. «Каменный век», но сделанное нами тогда казалось фантастикой.

В 2005 году, вспоминая наш первый опрос в апреле 1971 года, Фирсов в процессе интервью отметил, что то был «прыжок в неизвестное», мы «провели по всем правилам опрос общественного мнения об отношении рабочих и служащих Ленинграда к решениям XXIV съезда КПСС». Через неделю с целью проверки устойчивости полученных данных мы повторили опрос. Позже мы дорабатывали нашу организационную схему, перешли на ЭВМ и многократно проводили опросы, доказывая возможность оперативного обеспечения партийного руководства города данными о структуре мнений работающих ленинградцев. Позже мы изучали отношения ленинградцев к XXV, XXVI съездам КПСС, измеряли их отношение к итогам завершившихся пятилеток, анализировали отношение к деятельности СМИ. По подсчетам Фирсова в 1971–1984 гг. было проведено 15 исследований общественного мнения. Свой рассказ он завершил словами: «Тогдашние цензурные условия и правило, согласно которому вся деятельность партии не подлежала оглашению в открытой печати, не позволили опубликовать результаты опросов общественного мнения в интересах партии. Когда-нибудь будут сняты замки секретности с этой работы, и я расскажу о ней подробно» [6]. Но примерно через год в архиве Ленинградского обкома партии Фирсову удалось найти тома наших материалов; тогда у меня появилась надежда на то, что сделанное можно будет опубликовать. Думал, вот она — машина времени, встреча с молодостью... Не получилось, может быть когда-либо, кто-либо и проанализирует сделанное. Это уже будет историко-политическое исследование.

Борис, а как тогда в Вашей команде понимали сам сюжет — общественное мнение. Насколько мнение, насколько общественное?

Лена, твой вопрос закономерен, но он — во многом продукт многих дискуссий последних лет, в начале 1970-х ситуация смотрелась несколько иначе, ведь если бы Б.А. Грушин занимался лишь изучением феноменологии общественного мнения, то никаких опросов он не проводил бы. В 2008–2009 гг. мы с Фирсовым постарались вспомнить, как мы в 1970-е проводили опросы. Тогда я задал ему вопрос: «Ты помнишь двуступенчатые Эрика Соловьева о первых опросах Бориса Грушина... он «занимался серьезно вполне / общественным мнением в безгласной стране» [7]. Игорь Кон говорил нам, Борисы, что вы изучаете, общественного мнения у нас нет. Что ты думал по этому поводу в те годы?». Фирсов ответил, осознанно в сослагательном я наклонении: «Уже в ту пору, в 60-е годы, стало ясно — опросы Грушинского Института общественного мнения при газете «Комсомольская правда» тому порукой — общественное мнение было готово к тому, чтобы заявить о себе во весь голос. Чем солиднее, надежнее были бы гарантии его публичного выражения, тем сильнее и откровеннее оно звучало бы как голос народа» Но действовало много табу и запретов, и Фирсов отметил, что люди на самом деле думали обо всем на свете, но рассуждать вслух и боялись, и не соглашались, и не хотели «колоться»,

не зная истинных целей и не понимая назначения опросов. Но при этом он добавил, что в каком-то смысле в роли замедлителя выступала и сама социологическая наука, ментально не готовая к тому, чтобы спрашивать всех и каждого обо всем на свете. И далее: «Вспомни, как мы мучительно сочиняли первые методики опросов об отношении к съездам КПСС брежневской эпохи и планам пятилеток. Язык методик был натруженным, напряженным, пропитанным новоязом, далекий от естественного диалога с людьми. Самоцензура сильнейшая!» [7]. Но я тебе скажу, не было бы первых опросов Грушина, изучения общественного мнения во многих регионах, в том числе, в Ленинграде, не возник бы в конце 1980-х ВЦИОМ. Знаешь, не было бы алхимии, не было бы и химии.

Что касается меня, то я еще долго оставался по своим мозгам математиком-позитивистом, и для меня то, что мы измеряли было общественным мнением, и дальше я не шел.

Постепенно работа с Фирсовым становилась моим главным делом, но я все еще оставался сотрудником ЛВПШ, освоил некоторые разделы диамата и вел семинарские занятия. Вместе с тем я не испытывал интереса к преподаванию философии и не задумывался о разработке тех или иных проблем философии. Поэтому, когда Фирсову позволили несколько увеличить численность его группы в Институте конкретных социологических исследований АН СССР, я подал документы на конкурс, и 1 сентября 1973 года стал работать в этом институте. При этом за мною еще несколько лет сохранялась небольшая преподавательская нагрузка в ЛВПШ. Деньги были небольшие, но в те годы получить разрешение на совместительство было крайне сложно, оно, и то нечасто, давалось лишь докторам наук, профессорам. Потом я на какое-то время уходил из ЛВПШ, т.к. в начале 1980-х партийное руководство города высказало недоверие нашей деятельности, однако в начале перестройки меня вновь позвали туда читать методологию социологии. К моему удивления, к 1990 году у меня набрался приличный преподавательский стаж, и я – минуя доцентство – в 1991 году, уже будучи доктором наук, стал профессором прикладной социологии и социальной психологии. По-видимому в ВАКе «учли» мою кандидатскую диссертацию по психологии.

Борис, наверное, естественно предположить, что с переходом в ИКСИ окончился период твоего вхождения в социологию, что происходило дальше? И какими размышлениями о месте социологии в позднесоветском обществе, ее востребованности ты с коллегами был занят?

В каком-то смысле, да, в социологии я что-то уже знал и умел. Как ты видишь, опять в моей жизни, как при переходе из студенчества в аспирантуру, внешне мало что изменилось. В команде Фирсова я продолжал участвовать в проведении опросов общественного мнения, но социологом я себя еще не считал. Прежде всего, поскольку за годы работы в ЛВПШ и зондировании установок я все же не нашел «своей темы». Я продолжал считать себя математиком, работавшим в социологии. Тематика, которой я занимался в годы работы в ЛВПШ, носила закрытый характер, так что за все это время я ничего не публиковал. Мои первые после защиты

диссертации три статьи появились лишь в 1975–76 гг. Две из них были опубликованные в основанном в 1974 году журнале «Социологические исследования». Одна (1975 г.) – совместно с Фирсовым – о формализации социологических анкет [8]; то было описание логики, заложенной в программу обработки результатов наших анкетных опросов; конечно, там и намек на изучение общественного мнения не было. Вторая (1976 г.) – описание небольшого курса «Математические методы социологии» [9], который я год или два читал на факультете психологии ЛГУ. В общем это были статьи – скорее «технические», чем научные.

Выше я писал, что в аспирантские годы интерес к биографиям ученых начал фокусироваться на тех, кто а помощью математических методов стал исследовать законы эволюции живого мира. Когда диссертация была защищена, я, конечно же, смог больше времени и внимания уделить изучению этого направления и, чтобы сказанное не звучало как общее заявление, кратко опишу возникновение всеми известного коэффициента корреляции. Но речь пойдет не о формуле его исчисления, а о самом понятии. Гальтона интересовало соотношение между ростом родителей и детей, он пытался понять, почему на определенном, достаточно продолжительном интервале времени средний рост людей одной этнической общности сохраняется. Для этого в 1888 году он ввел понятие *co-relation* (*co-relation or correlation of structure*) и показал, что неизменность среднего роста определяется тем, что дети высоких родителей в среднем выше, чем низких, но при этом в среднем дети высоких родителей ниже их родителей. И, наоборот, в среднем дети невысоких родителей, ниже детей высоких, но они в среднем выше своих родителей. Таким образом, он выявил наличие корреляции (соотношения) между ростом детей и родителей, т. р. описал один из наследственных механизмов. Этот и другие результаты Гальтона, а позже – Пирсона привели к созданию новой науки «биометрики», выработавшей общие правила обработки биологических и психологических измерений, Они быстро мигрировали в другие науки и стали универсальными. Аналогичное произошло с со Спирменовскими приемами обработки школьных оценок (1904 г.), давших импульс развитию факторного анализа. Он пытался выявить структуру интеллекта и разработал общий метод обнаружения скрытых, латентных переменных, детерминирующих изменчивость наблюдаемых переменных.

Думаю, что не позже 1973 года я написал статью «“Принцип корреляции” и развитие математической теории корреляции», но она была опубликована лишь в 1975 году в «Трудах Ленинградского общества естествоиспытателей» [10] – площадке, наиболее подходящей для рассмотрения историко-биометрических тем. Работая дальше в этом русле, я через пару лет заинтересовался сначала генезисом известных в математической статистике кривых Пирсона, а затем – его философскими работами и биографией. Он был энциклопедически образованным и бесконечно преданным науке человеком. Мне доставляло огромную радость изучать его жизнь и наследие. Но я понимал, что не смогу издать книгу о Пирсоне, а без нее меня не допустят до защиты докторской. Поэтому я все же жестко нормировал время для изучения сделанного Пирсоном, а в конце 1970-х вообще

законсервировал эту работу. Времени на нее совсем не оставалось. В 1993 году, когда я начал готовиться к отъезду в США, я собрал все конспекты и переводы, сложил в большую коробку микрофильмы его публикаций и отнес на помойку. Я понимал, что вернуться к этой работе в Америке не смогу. Так закончился мой первый опыт серьезного историко-биографического анализа. Однако, в начале этого века, когда я незаметно для себя втянулся в изучение биографии Джорджа Гэллапа, у меня не было такого ощущения, что я иду совсем незнакомой дорогой. И был рад и удивлен, когда обнаружил, что среди профессоров, учивших Гэллапа, были ученики Гальтона.

Итак, по конкурсу я прошел в ИКСИ АН СССР, и формально я работал в Москве, но реально — в Ленинградских секторах этого института. Никаких административных структур у нас не было, был лишь один начальник, лидер, старший коллега, друг — Владимир Александрович Ядов. Но верно в нашем интервью Фирсов заметил, что в 1975 г. нашей свободной научной жизни и работе в ленинградских секторах ИКСИ АН СССР пришел конец. Ленинградский обком партии, обнаружил быстрый рост численности филиалов, отделений и секторов московских академических институтов социального профиля и решил собрать всех «до кучи» в Институте социально-экономических проблем АН СССР. Объединение это получилось весьма формальным, к тому же мы оказались не в Отделении философии и права АН СССР, как ИКСИ, а Отделении экономики. Довольно быстро тематика института все более становилась «экономической» и все менее — социологической. Нашему сектору несколько повезло, поскольку оно проводило исследованиями общественного мнения по прямому заданию партийного руководства города, но — как вскоре показала жизнь — это не спасло нас от закрытия тематики и разгона коллектива.

Постоянное ощущение неопределенности объясняет то, почему я не искал активно область собственных научных исследований внутри социологии общественного мнения, но анализировал истоки математической статистики (биометрики). Изучение биографии и наследия Пирсона не было самоцелью. Безусловно, время шло, и я начинал задумываться о собственной теме, по которой в обозримый срок можно было подготовить докторскую диссертацию. И Фирсов, и я понимали, что это не может быть общественное мнение. И не только в силу секретности результатов, в конце концов тогда существовали закрытые защиты, но, скажем так, — по совокупности обстоятельств. Сам Фирсов продолжал разрабатывать проблематику массовой коммуникации, отчасти на материалах наших замеров, но в большей степени на международной статистике и литературе. Хотя у меня было два-три выступления в Ленинградском отделении Института истории естествознания и техники по биометрической тематике, я не думал о работе над докторской в этой нише науки.

А о чем ты думал, размышляя о докторской?

У меня постепенно накопились публикации по надежности социологического измерения, статьи, тезисы, даже книга. Иллюстрировать свои рассуждения материалами опросов я не мог, но наш партийный куратор,

очень высокого уровня функционер, сказал, что я могу: а) не скрывать своего участия в опросах и б) даже раскрыть организационную схему сбора данных. Мне этого было достаточно, измерение я трактовал как итог серии шагов, измерительную цепь, и организация опроса, конечно, была звеном этой цепи. К тому же у меня накопился свой уникальный материал – обеспечение высокого возврата в почтовых опросах, никто в СССР его так не изучал, как я. Короче, в начале 1980 года ученый совет ИСЭПа предоставил мне годовой отпуск для написания диссертации. Была одобрена тема, связанная с надежностью результатов исследования общественного мнения.

Первое обсуждение диссертации состоялось летом 1982 года. Текст был сырым, мне набросали много замечаний. Приятного в этом было мало, но через несколько месяцев я «оклемался» и заново переписал работу, придав ей принципиально иную структуру. Все стало выглядеть логично и компактно. На повторном обсуждении работу рекомендовали к защите. Но как раз в то время началось создаваться «дело» против Фирсова, усилилось тотальное давление на сотрудников социологического отдела, и вокруг моей диссертации сложилась патовая ситуация. Защита предполагалась в Москве, в Институте социологии РАН; но дирекция ИСЭПа и руководство отдела организовали большую бюрократическую игру: получение рекомендации Совета института заняло более полугода. Правда, потом все шло достаточно быстро, и в апреле 1985 года состоялась защита диссертации «Методологические, методические и организационные проблемы обеспечения надежности результатов исследований общественного мнения». Позитивное ВАКовское решение было получено в октябре.

Тогда меня поддержали мои оппоненты: Н. М. Блинов, в то время – сотрудник ЦК КПСС, Б. А. Грушин, Ю. А. Замошкин и Ж. Т. Тощенко, который заведовал кафедрой социологии в Академии общественных наук при ЦК КПСС. Так что я шел на защиту и как сотрудник АН СССР, и как участник команды аналитиков общественного мнения, работавших на Ленинградский Обком КПСС.

С Грушиным я познакомился за день до защиты, заехал к нему за отзывом, а до этого я и свои публикации, и рукопись диссертации оставлял на его рабочем столе в Институте философии АН СССР. А сразу после защиты обнаружилось нечто общее в наших привычках. Мне выделили в Институте социологии комнату, чтобы после защиты можно было немного посидеть; друзья помогли, притащили все, что надо. Но было одно условие, после нашего ухода должно было быть чисто. В какой-то момент, уловив, что потихоньку можно начинать уборку, я собрал первую партию посуды и пошел ее мыть в мужской туалет, где была и горячая вода. Через какое-то время заглянул туда Борис Андреевич, заметил, что я «профессионально» мою посуду, и сказал, что он любит мыть посуду, так как приятно ощущать соприкосновение с горячей водой. В этом мы оказались близки...

Но наши отношения стали дружественными несколько позже.

1 сентября 1988 года мне позвонил руководитель сети по сбору данных ВЦИОМа Яков Самуилович Капелюш. Он сказал, что через несколько дней в Ленинграде будет Татьяна Ивановна Заславская и просил встре-

титься с нею. Создавалась общесоюзная сеть по сбору данных об общественном мнении, и мне было предложено организовать Северо-западное отделение ВЦИОМа. Я согласился, Грушин приезжал в Ленинград, обсуждал все это с партийными структурами. В конце года мы приступили к проведению опросов в Ленинграде и ряде областей Северо-запада страны.

Пару лет я возглавлял нашу группу из четырех человек, а потом передал руководство Николаю Владимировичу Ядову. С тех пор много воды утекло, в 1994 году группа превратилась в российско-финскую компанию «Той-Опинион». Много лет прошло, но начатое продолжает жить.

Отойдя от организационной работы, я остался во ВЦИОМе на позиции научного сотрудника, провел ряд методических исследований и опросов по экологической проблематике. Несколько лет работы во ВЦИОМе оказались для меня очень плодотворными. Я лучше узнал Б. А. Грушина, понял его отношение к делу: это — горение. Я познакомился с Юрием Александровичем Левадой и группой его учеников-коллег, сильных социологов, многие годы до ВЦИОМа занимавшихся философией и культурологией. Я увидел, что такое фабрика по проведению опросов общественного мнения.

Борис, а твое мнение о Леваде, какое впечатление он на тебя произвел?

Итак, это был конец 1980-х, начало деятельности ВЦИОМ, у меня было такое ощущение, что пришло новое время, что наконец-то можно будет выйти из подполья, к которому мы привыкли за долгие годы изучения общественного мнения в Ленинграде. ВЦИОМ тогда размещался в «Доме туриста» на Юго-Западе, ему были выделены там несколько обычных гостиничных номеров на одном или двух этажах. Не знаю, как вспоминают то время мои коллеги, работавшие там, но для меня это был праздник. И как-то Грушин сказал мне, что теперь во ВЦИОМе работает команда Левады.

Я пришел в социологию давно, но все же не застал ее начальный этап, когда социологов было совсем мало, и, можно сказать, «все знали друг друга»; я не участвовал в легендарных конференциях в эстонском поселке «Кяэрику», в известной конференции в Сухуми, где обсуждались вопросы использования математических методов в социологии. И вообще, работа в Ленинградской партийной школе не предполагала активных поездок на различные социологические «посиделки». Все это пришло позже, когда я стал работать в Академии наук. Так что о «деле Левады» я узнал много позже всех этих событий. Когда же я стал часто бывать в Москве, то, прежде всего, в Институте социологии, о семинарах Левады слышал, но никогда не был на них, а Юрий Александрович в Ленинград не приезжал. Впервые, в начале перестройки, его пригласил в Ленинград Ядов, чтобы принять участие в широко обсуждавшейся тогда телевизионной программе «Общественное мнение», которую вели супруги Тамара и Владимир Максимовы.

Несколько раз я заходил в комнату, в которой команда Левады разбирала почту, мешки писем, это были ответы на, по-моему, первый большой опрос ВЦИОМ. Конечно, я понял, кто из «сортировщиков»

почты — Левада, но обратился к нему, когда он был не при деле. Подошел и сказал: «Я — Борис Докторов», он ответил: «Я знаю». И все, наше знакомство состоялось. Я несколько раз выступал на семинаре Левады, бывал с ним за границей, узнал его. Вскоре после скоропостижной смерти Юрия Александровича в ноябре 2006 года я опубликовал несколько биографических текстов о нем, а после смерти Грушина в сентября 2007 г., — статью «Борис Грушин и Юрий Левада. Начало постбиографий» [11]. К настоящему времени, благодаря большой работе Нины Васильевны Левады, издано несколько книг с публикациями Юрия Александровича разных лет и воспоминаниями и нем, и пришло время книги о его жизни и научном наследии. Я думаю об этом, но торопиться не буду, может быть, о нем напишет кто-либо из тех, кто знал его много дольше и лучше меня. В статье «Жизнь в поисках “настоящей правды”. Заметки к биографии Ю. А. Левады» [12] мне показалось оправданным обратиться к рассказу-притче Э. Хемингуэя «Старик и море», в нем есть слова: «... старик любил уходить далеко от берега. Только там он мог поймать по-настоящему крупную рыбу, там он оставался один, наблюдал море и небо, говорил сам с собою». В Леваде, на мой взгляд, что-то было от Старика.

Не знаю, получится ли мне в будущем, используя смысл этой метафоры, полнее раскрыть прожитое и сделанное Левадой, или придется обратиться к другим литературным образом, но я продолжаю мои поиски.

Не хотелось бы комкать рассказ о десятилетии между защитой докторской диссертации и отъездом в Америку, оно было крайне насыщено разными важными для меня событиями. Все развивалось успешно, работал с интересом, преподавал, много ездил по стране и начинал осваивать Запад. Одно время я был руководителем Ленинградского отделения Советской социологической ассоциации. Работы было много. За пару лет были созданы филиалы Ассоциации в Пскове, Новгороде и Петрозаводске. Поддержку получали создававшиеся в Ленинграде независимые исследовательские структуры. Тогда это все было новым; люди приходили ко мне за советами, и в сложных случаях я руководствовался простым принципом: не можешь помочь — не мешай.

Я чувствую, что мы приближаемся к обсуждению твоей американской жизни, но прежде — хочу спросить тебя о твоём «театральном проекте», ты в начале нашей беседы упомянул об изучении Ленинградского драматического театра...

Спасибо, этот проект, хотя это понятие применительно к социологическим исследованиям тогда не использовалось, крайне важен в процессе моего становления социологом. По-моему, сентябре-начале октября 1973 года, сразу после моего ухода из ЛВПШ и начала работ? В АН СССР, меня — еще как математика — пригласили в группу «Социология и театр», созданную тогда кандидатом, а ныне — доктором искусствоведения, сотрудником Ленинградского Института театра музыки и кинематографии Виталием Николаевичем Дмитриевским. В этой группе все было необычно, от состава и организации работы до тематики и характера деятельности.

Парой месяцев раньше меня в нее вошли социологи (с 1975 года мы стали работать в ИСЭП АН СССР) Андрей Николаевич Алексеев и Олег Борисович Божков и немного позже – наш коллега по ИСЭП Леонид Евсеевич Кесельман. Каждый из нас в то время уже имел солидный опыт участия в социологических исследованиях. Затем к группе присоединились ведущие ленинградские театроведы доктора искусствоведения Анатолий Яковлевич Альтшуллер и Юрий Михайлович Барбой, а также специалист в области экономики театра Борис Николаевич Кудрявцев. После переезда Дмитриевского в Москву руководителем нашей команды стал Б. М. Фирсов.

Заказчиком и финансистом проекта было Ленинградское отделение Всероссийского театрального общества (ВТО), но наша группа была скорее артелью, чем некоей административной структурой. Ежеквартально каждый из нас оформлял контракт с ВТО, и по завершению его мог спокойно выйти из этой структуры. Но такого не было, объединение социологов и театроведов просуществовало более десяти лет. Работали мы студийно, собирались раз в неделю в конце рабочего дня и до ночи все обсуждали: весело, неформально, но серьезно и ответственно.

Исследования носили многоплановый характер, но главным делом был социолого-театроведческий мониторинг драматического репертуара города. Сейчас мне самому в это трудно поверить, но свыше десятилетия группой высококвалифицированных ленинградских театроведов и театральных критиков ежегодно оценивались все новые постановки драматических театров. В нашу задачу входила организация экспертизы, разработка необходимого измерительного инструментария, обработка и анализ полученной информации и, возможно, самое трудное, доведение до театров итогов экспертизы.

Первые обобщенные итоги нашего социолого-театроведческого анализа обсуждались, скорее всего, на стыке 1974–1975 годов. Были главные режиссеры театров, члены Правления Ленинградского ВТО, председательствовал известный актер Ю. В. Толубеев, обладатель всех высших профессиональных званий и государственных наград. Прошло сорок лет, и я уже не помню наших первых результатов, но невозможно забыть атмосферу той встречи. Обсуждение было очень напряженным, подвергалась сомнению сама возможность измерения качества театральных спектаклей, в высшей степени критическими были замечания руководителей театров по поводу наших выводов относительно конкретных постановок. Не могу вспомнить выступления Г. А. Товстоногова и других «главных», но помню эмоциональное выступление И. В. Владимирова, возглавлявшего театр им. Ленсовета. Он полностью разнес все наши построения и не верил ни одному из выводов... именно тогда я впервые осознал, что сердце расположено в левой части груди...

По-моему, к взвешенной оценке наших трудов призывали К. Ю. Лавров и ряд театроведов, участвовавших в экспертизе и знавших суть нашего метода... нашу команду сохранили, предоставив нам право продолжить исследования. Постепенно наш социолого-театроведческий

мониторинг был принят театральным сообществом, и нередко театральные критики ссылались на наши результаты в подтверждение своих наблюдений и выводов о конкретных спектаклях или о деятельности того или иного театра.

До конца 1970-х в мою задачу входило изучение надежности наших экспертных процедур и обработка первичной информации. В те годы я еще не совсем отошел от увлечения факторным анализом, и потому в ряде моих публикаций рассматривались результаты применения этого метода для типологизации театральных постановок. До начала работы в группе «Социология и театр» у меня был очень узкий взгляд на тематику и методы социологии. Обсуждение принципиальных возможностей и конкретных приемов изучения театрального репертуара, объекта, весьма непростого для измерения, способствовало формированию того видения теоретико-эмпирических проблем социологических исследований, которые позже оформились в диссертационной работе. Исследования по театральной тематике были для меня еще потому значимыми, что я, наконец, получил возможность для публикации своих работ и участия в научных конференциях.

В начале второй половины 1980-х вслед за общими социальными изменениями начал меняться театр, трансформировалась жизнь театрального сообщества, и наши социолого-театроведческие поиски как-то прекратились. Но сделанное живо. Мы опубликовали в те годы несколько книг-сборников и множество статей. А в 2013 г. Дмитриевским, сохранившим значительную часть архива группы, была издана книга «Театр и публика», в которой соединены наши коллективные монографии 1979 и 1981 гг. [13].

Ничего себе, «пропустили» такую важную часть твоей жизни... может быть, еще о каких-либо солидных проектах следует вспомнить и рассказать?

Ты права, да, есть три исследования, которые следует хотя бы назвать.

По отношению к первому – все по-Фрейду. С конца 1970-х до начала 80-х под руководством Б. М. Фирсова развивался советско-венгерское исследование деятельности средств-массовой коммуникации в социалистическом обществе. Было проведено несколько симпозиумов в Ленинграде и Будапеште, выпущено несколько сборников. Постепенно в центре нашего внимания оказались проблемы экологии, отношение к ним населения, экспертов и пр. Эта проблематика тогда только входила в советскую социологию, становилась актуальной. К нам присоединились наши коллеги из Эстонии, Литвы и Финляндии, был мощнейший по тем временам проект, вышло несколько сборников теоретико-методологического характера. Но Ленинградское партийное руководство и Дирекция ИСЭП не приветствовали изучение экологического сознания, и было сделано все, чтобы закрыть это исследование. Некоторые результаты наших опросов об отношении ленинградцев к медицинскому обслуживанию попали к помощникам Генерального Секретаря ЦК КПСС Ю. Андропова в обход «хозяина» Ленинграда Г. Романова. Началось служебное расследование, нашли еще какие-то прегрешения в наших контактах с иностранными коллегами,

и в октябре 1984 года, накануне перестройки, бюро ленинградского обкома КПСС объявило Фирсову строгий выговор с занесением в учетную карточку (выше наказание — лишь исключение из партии) и ему было предложено уйти из ИСЭП.

Почему я сказал выше, что это «Фрейдовский сюжет»? Потому что ни Фирсов в интервью, которое я проводил с ним, ни я в интервью, в котором отвечал на вопросы Фирсова, не вспомнили об это проекте. Бывает же такое...

Второй проект — это уже перестроечное и начало постперестроечного времени; мы — небольшая группа, оставшаяся от сектора, которым руководил Фирсов — в 1985 или 1986 гг. начали изучение экономического сознания. В этом выборе темы было стремление откликнуться на первые перестроечные реформы и опереться на опыт многолетнего исследования экологического сознания. Нашей задачей было определить зависимость между отношением людей к только возникавшим элементам несоциалистической экономики и их восприятием различных этапов истории СССР. Итогом деятельности сектора стала небольшая коллективная монография, содержащая ряд интересных предметных и методических находок [14].

Через несколько лет группа была преобразована (уже в Санкт-Петербургском филиале Института социологии РАН) в сектор, но наступили совсем худые времена, денег не платили месяцами, потому от коллективной темы пришлось отказаться, и каждый сотрудник сектора стал работать в своем направлении. Я же немного окунулся (конечно же) в прошлое: около года я занимался дореволюционными социо-экономическими исследованиями русских ученых. Если бы не революция 1917 года, то это направление могло дать импульс изучению общественного мнения населения России по достаточно широкому кругу социально-экономических и нравственных проблем.

О том, как мы жили в то время, написала в своем эссе моя бывшая сотрудница Светлана Лурье, теперь доктор культурологии: «Заведующий нашим сектором Б. З. Докторов вообще исповедовал потрясающую теорию научного руководства: не мешать сотрудникам, не вмешиваться в их дела, ограничив весь контроль ежегодным устным докладом на вольную тему. Чем меньше контроля — тем плодотворнее работа. Принцип оказался удивительно верным. Все работали в полную силу и от души, занимаясь исключительно тем, что кому было интересно» и далее: «Это было время, когда нам фактически перестали платить зарплату, а наш завсектором Б. З. Докторов заявил, что за те копейки, которые мы получаем, требовать, чтобы мы работали, он не может. Единственное, на что он надеется, так это на нашу привычку работать. Докторов оказался прав, сектор хуже работать не стал» [15].

Теперь — третий проект, фактически на нем завершились мои российские социологические исследования. Долгая цепочка различных обстоятельств выстроилась так, что в первой половине мая 1990 года в Хельсинки я встретился с Ларри Хассоном, руководителем крупной международной маркетинговой компании РИСК (International Research Institute on Social

Change), штаб квартира которой располагается в небольшом швейцарском городе Нион. РИСК проводил исследования в 17 странах, в том числе в 12 европейских государствах, США, Канаде, Бразилии, Японии, Южной Африке.

В начале января следующего года Ларри попросил меня организовать его переговоры с Т. И. Заславской. В середине мая эта встреча состоялась в Москве, и началась подготовка полевой фазы исследования. В августе-сентябре 1991 и в мае-июне 1992 года были проведены два опроса, репрезентировавшие европейское население России. Сложная процедура многомерного шкалирования и типологизации, проведенная РИСКом, позволила определить социокультурный образ России и рассмотреть его совместно с ценностными синдромами населения более десяти стран Европы. Основные результаты этого проекта были опубликованы Г. С. Батыгиным в «Социологическом журнале». Это публикация мне особенно дорога, она — последняя в до американский период моей работы [16].

Борис, мимоходом, на фоне описания работ по методам ты упоминаешь о подготовке к отъезду в США. Что происходило подспудно с тобой, твоей семьей в это время? Как принималось решение об отъезде и чем мотивировалось?

Мы с тобой только что «были» во времени разгара перестройки, но вопрос о принятии решения об эмиграции переносит меня в начало 1990-х. Однако согласен, не будем затягивать, коснемся этой темы сейчас, тем более, что все прошло настолько быстро и в целом легко, что рассказ об этом не будет долгим.

Начну с 1992 года, когда мой сын Саша с женой Яной решили уехать в Америку, там жил ее дядя, и он давно звал своих родственников присоединиться к нему. Оформилась вся семья невестки, но уехали они вдвоем. Уехали с несколькими баулами вещей и хорошим образованием в области программирования. Недолго пожили у Яниного дяди в Лос-Анжелесе и подались в Силиконовую долину, Северную Калифорнию, — Мекку программистов всего мира. Саша быстрее, Яна — несколько позже нашли работу и начали обживатьсь.

Когда ребята уезжали, они спросили нас (меня, Люсю и ее маму) о наших планах присоединиться к ним. Мы ответили, присылайте приглашение, подумаем. Никаких планов на эмиграцию мы не строили. В начале 1993 года пришло приглашение, мы разузнали, где, что и как и поехали в Москву, не очень веря в то, что нам дадут разрешение на выезд. Эмиграция тогда была еврейской, жена и теща — русские, и им могли дать разрешение только как моим родственникам. Я был членом КПСС, работал в партийной образовательной системе (конечно, все это было указано в заявлении на выезд), и была велика вероятность отказа. Но через час-два после собеседования в американском посольстве в Москве мы получили разрешение на выезд.

Ни о чем мы не думали, как ехать, как будем там жить... наш единственный сын был в Америке, он прислал нам вызов... надо ехать. К тому же незадолго до этого Люся перенесла сложную онкологическую операцию,

прошла курс химиотерапии, и мы надеялись, что американские онкологи смогут ее поддержать эффективнее, чем российские. В России уже наблюдался развал медицины, было сложно с лекарствами. Начали потихоньку собираться: избавляться от вещей, книг, думать о том, что брать с собой.

В то время отъезд из страны уже не сопровождался партийными и профсоюзными собраниями, в этом плане все было гуманно. Фирсов находился в командировке, поэтому первому, кому я сказал о предполагаемом отъезде, был Владимир Александрович Ядов, он уже был директором Института социологии РАН, когда он приехал на несколько дней в Ленинград. В Москве – первой я сказал Татьяне Ивановне Заславской, с которой у меня сложились хорошие отношения во время работы во ВЦИОМе.

Конечно, эмиграция, помимо всего, это масса хлопот, но все же перед отъездом я подготовил для себя «отчет» о сделанном за 1967–1993 гг., это – список всех (по крайней мере, большинства) публикаций за указанный момент времени. С тех пор прошло 22 года, я забыл об этом документе, но наш разговор напомнил мне о нем и заставил меня найти его. Мне самому все это крайне интересно.

Все опубликованное за весьма продолжительный период – четверть века, было сгруппировано в десять разделов, привожу названия, которые тогда же были сделаны: 1. Население России в меняющихся условиях (10 работ); 2. Исследование экономического сознания и поведения (9 работ); 3. Исследование экологического сознания и поведения (17 работ); 4. Исследование театральной жизни (12 работ); 5. Общие методологические проблемы надежности результатов социологических исследований (15 работ); 6. Методы социологии, организация и экономика социологических опросов (41 работа); 7. Методы математической статистики и их применение (21 работа); 8. Исторические аспекты различных предметных областей (7 работ); 9. Рецензии на социологические книги (5 рецензий); 10. Статьи в прессе (10 статей).

Итак, за 25 лет работы я подготовил и опубликовал 147 работ, включая авторскую книгу, брошюры и коллективные работы, книги, статьи для сборников и журналов, тезисы, рецензии и материалы для прессы. Тогда мне казалось, что было сделано немало, сегодня я понимаю, что было написано и доведено до публикации в среднем – около шести работ в год. Безусловно, это указывает на мою исследовательскую и публикационную активность (или пассивность?), но в этом отражаются и обстоятельства нашей научной жизни. Главное – отсутствие свободы в выборе исследовательских тем, необходимость корректировать их с учетом массы внешних обстоятельств, огромные сложности с получением права на подготовку авторской книги (монографии), вместо них – коллективные монографии (их называли «братскими могилами»). Существование всего одного периодического издания – «Социологические исследования», необходимость получения одобрения на публикацию от руководства отдела, часто – инсти-

тута, конечно, цензура и самоцензура. И ведь надо отметить, что я не ходил «в сачках», защитил две диссертации, пробовал себя в разных жанрах, например, с перестройкой начал писать для прессы.

Но время приближалось к отъезду. И в конце апреля 1994 года, это произошло.

Часть II. Моя жизнь: первые 8000 дней в Америке

Освоение Америки. «Гэллапиада»

Хорошо, и как складывался американский период твоей жизни? Какие занятия, какие люди тебя окружали? Как тебя восприняли коллеги, язык, квалификация, образ «приехавшего с холода»? Перспективы продолжить карьеру социолога с того же места, задачи вписывания? Где нас ждут, а где – нет?

Выше я отметил, что в эссе «Шесть тысяч дней другой жизни» [4] рассказал о первых 16 годах моей (нашей) американской действительности. Не буду повторять текстуально тот материал, но повтор, естественно, будет, так как я буду говорить о том периоде жизни. Повторю, мы приехали в Америку в конце апреля 1994 г., Люся не хотела, чтобы мы приехали в мае – «маяться придется». Но это нас не спасло, маеты был предостаточно. По моему представлению, у меня были какие-то выходы на американских социологов-советологов, к которым я мог обратиться с вопросами трудоустройства. Они в годы перестройки неоднократно бывали в СССР, я встречался с ними в Ленинграде и Москве, у нас были ровные профессиональные отношения. Воздержусь от упоминания фамилий, это придаст моему рассказу более общий характер.

Буквально через неделю после приезда сын отвез меня в Стэнфорд, недалеко от которого мы живем. Беседа проходила дома, было множество добрых слов, был чай, было предложение приезжать на семинары Центра, занимающегося Россией и Восточной Европы, но не было (даже намек) вопросов о том, где я предполагаю работать. Вскоре я был дома еще у одного известного социолога-политолога, она была как всегда мила, но разговор шел очень и очень вообще. Мне повезло в том, что я был уже вполне взрослым и понятливым, чтобы смекнуть: все двери «закрываются». Отношения наши не прервались, они стали даже еще теплее, ибо обе стороны понимали, что никто друг от друга ничего не ждет. Меня приглашали на семинары, я там даже несколько раз встречался с московскими и эстонскими коллегами, но уже через полгода я понял, мне – не интересно, скучно. Обычно я слышал того же уровня обсуждение российских проблем, как мы в давние времена обсуждали американские проблемы, не бывая в Америке и имея весьма ограниченный доступ к американской литературе.

Я по старой привычке заходил в библиотеку, но вскоре и от этого отказался. Днем в Стенфорде невозможно парковаться, вечером мне было не удобно. Жизнь новых эмигрантов во многом определяется их возрастом. Молодые с хорошим (математическим или компьютерным) образованием

в Силиконовой Долине быстро находят работу, люди — старше 65 сразу могут получить пакет государственной помощи (пенсия, медицина, очередь на государственное жилье и прочее), но мы с женой лишь (или уже) разменяли пятый десяток. Не совсем чтобы молодость, но и не время для получения глубокой помощи от государства. И все же — помереть не дают; выдают фудстэмпы (деньги, которыми можно в магазинах платить за продукты питания), какие-то деньги на оплату жилья и небольшую медицинскую страховку; на День Благодарения давали индейку, на Рождество — сладкие подарки и даже елку. Я пробовал трудоустроиться в каких-либо маркетинговых службах, но и здесь я понял, что движения не будет; тогда я совсем не знал этой области анализа.

В принципе можно было отправиться на поиски работы в других штатах, но мы ехали, чтобы быть с сыном, и я не хотел уезжать куда-либо. Было ли намерение вернуться назад? Ну да, часто хотелось сказать себе: «Хватит, к черту все...», но это опять же не отвечало целям приезда в Америку.

Завершался первый год американской жизни, это автоматически меняло наше положение. Жене после ее болезни дали нечто вроде освобождения от социальных работ; я же должен был каждый день или несколько раз в неделю (не помню) выполнять survival job (работа, чтобы выжить). В огромном помещении собирались люди, которые жили годами, всю жизнь на подобных работах и делали, что придется: всякие мелкие работы по сборке, упаковке... К примеру, моим соседом по длинному столу был белый американец (таких было мало) лет 50+, который когда-то учился в колледже, но потом «заболел на голову»... мы с ним даже вели какие-то беседы... но он постоянно был увлечен исчислением числа π ; иногда я ему помогал... такая работа обеспечивала минимальный социальный пакет. Одновременно я ходил на курсы, на которых учили писать резюме, работать со списками (тогда еще не было компьютерного поиска) рабочих мест... и где-то мне сказали, что, если я буду a full time student в колледже, то я смогу работать 1–2 дня в неделю.

Хотела уточнить, планируя переезд, ты не готовил заранее возможные варианты трудоустройства через знакомых? И далее, ты решил дополнять свою квалификацию?

Нет, не готовил аэродромов для посадки. Во-первых, в Петербурге я не видел вокруг себя людей, к которым мог бы обратиться, во-вторых, все необходимое для отъезда, надо было делать быстро, а дел было очень много.

Еще дома, в Питере, и первое время после приезда в США мне казалось, что моего образования хватит для жизни здесь. Столкнувшись же с проблемой трудоустройства, я понял, что образование у меня есть, но — не то, что надо. Знаешь, в Америке есть понятие “overqualified”, что в моем случае можно перевести как «шибко грамотный». Прожив год в штате Калифорния, я получил статус резидента, и это давало мне возможность учиться в местном public колледже бесплатно. При регистрации на новый семестр я должен был заплатить один доллар, но по окончании семестра, если ты действительно учился, этот доллар можно был забрать. В амери-

канских public колледжах нет никаких вступительных экзаменов, не надо ничего представлять о своем образовании, лишь пройти через placement, типа зачета. Его результат дает возможность для выбора уровня курсов по математике и английскому. Если результат очень слабый, то придется год-два изучать школьную программу. Я прошел все эти испытания отлично и сразу мог «брать» разные курсы по программе колледжа.

Но я пошел в колледж не только потому, что это давало освобождение от рутины исчисления π и аналогичных операций, но позволяло узнать страну, в которой мы жили. Я прошел через все математики (это лишь для того, чтобы было достаточное количество изучаемых предметов), через несколько курсов английского языка, нажимая на writing, изучал много нового: «Конституция Калифорнии», «Искусство эпохи Возрождения», «Астрономия», «Биология человека», «Введение в экологию» и много еще чего. Но все же мой major (специализация) был Business Administration. Так что моими основными предметами были “Accounting”, “Investing”, “Business Administration”, “Marketing”, “Sociology”, несколько специальных компьютерных предметов. Так что, действительно, я многое узнал. Одно из главных — я узнал изнутри американскую систему образования. Ее главный принцип: ты поступил, мы тебе предоставляем широкий спектр предметов, выбирай и учись. Нужна помощь — приходи поможем; можно обращаться в специальные часы к профессору, можно записать на консультации к преподавателям, каждый студент прикреплен к counselor (советник), без помощи которого просто невозможно составить план своего обучения.

И еще один аспект: отношение преподавателей, сотрудников различных служб к студентам. Если кратко, то доброжелательное, но жестко заданное разными инструкциями, отделяющими однозначно «можно» от «нельзя». Списывать — нельзя. Если преподаватель заметит, что в процессе контрольной студент списывает, скорее всего этот студент по крайней мере на год будет отлучен от колледжа. Домашние задания проверяются, если не выполнено, оценка за семестр может быть снижена. Однажды я забыл дома листки со сделанным домашним заданием, в перерыве подошел к преподавателю и спросил его, можно ли в следующий раз принести, у меня все сделано, но я забыл листки дома на столе. Он узнал, хватит ли мне часа, чтобы привести сделанное, я сказал, что успею и привез. Мы оба были довольны; он увидел, что я — честен, я — что зачет будет..

Если есть какие-либо программы материальной помощи, гранты, никто «темнить» не будет, информация распространяется по разным каналам. В начале августа 1996 г. я случайно узнал о существовании программы штата в помощи студентам, хорошо обучающимся по Business Administration; было два условия: скорректировать перечень изучаемых предметов в интересах этой Программы и потом в течение трех месяцев устроиться на работу. Программа оплачивала все учебники и необходимые студенту канцелярские товары, оплачивала бензин за каждый учебный день и давала ваучер на парковку. Все это — очень немало. Я подписал контракт, и все выполнил, все нужные предметы были успешно освоены. Но устроиться на работу я не мог, кому нужен уже седеющий мужчина без опыта

работы в США на должность, с которой справляется 20-летний сотрудник? Позвонил моему советнику по этой Программе и сказал, что готов на любую работу, если моей жене будет дана медицинская страховка не через полгода моей работы, а сразу. Через пару дней она позвонила и спросила, готов ли я работать секьюрити. Ничего не спрашивая, я дал согласие, оказалось, что место моей работы — в пяти минутах от дома: 23-этажное здание, что крайне редко для нашей сейсмически беспокойного региона. Пройдя инструктаж и получив нарядную форму, я 30 марта 1997 г. (на 1068-й американской день) впервые за время пребывания в США вышел на нормальную работу. Так я стал секьюрити (the lower middle class) и продолжал обучение. Работая в этой должности несколько лет, я очень много узнал о реальной жизни простых американцев.

Не могу не вспомнить об одном уроке американской культуры, который преподавал мне мой «бригадир», афроамериканец, военный пенсионер. Как-то в воскресный день вышел из строя фонтан, струя била до восьмого этажа. В технической комнате воды было по колено, но я смог перекрыть воду. Мне казалось — в духе советской трудовой этики — что я сделал то, что надо. В понедельник Джордж отозвал меня в сторонку и сказал, что я совершил крупную ошибку. Заметив беспорядок с фонтаном, я должен был зафиксировать это в журнале событий и позвонить дежурному диспетчеру. Не более. Героизм на рабочем месте не приветствуется, важнее — безукоризненное следование инструкциям, проверенным жизнью.

Контракт с Центром занятости был выполнен полностью, и в августе 1997 г. я получил его высшую награду — звание Alumni Super Star. Это — бронзовая настольная звезда, грамоты от представителя нашего избирательного округа в Конгрессе США, калифорнийского сенатора и члена законодательной ассамблеи штата, в которых ключевыми словами были: “The People of the State of California salute your indomitable spirit in overcoming the odds”. Все это было радостно и волнительно.

Колледж я закончил в июне 1999 года, и сегодня могу точно сказать, что годы обучения оказались не пустыми. Помимо того, что в целом расширилось мое представление об Америке, было и два весьма конкретных приобретения.

Первое — может показаться странным, вместе с тем — это полная правда. Наверное, ты знаешь, что в Америке практически нет устных экзаменов? все — письменно; по каждой изучаемой теме школьники и студенты отчитываются текстами; скажем, я писал о развитии Интернета в России, о Копернике, творчестве Павла Филонова и многое другое. Но прежде всего я должен был освоить ряд курсов по написанию текстов, помню: “Critical Thinking” и “Academic Writing”. Нас учили планированию, структурированию текста и аргументации своих утверждений. Это то, что в годы моего обучения в школе я в принципе не мог получить. В последние годы я пишу и публикую много, и в значительной степени это следствие моего обучения. К работе с текстами я подхожу «сугубо» по-американски: долго планирую и заранее определяю объем всего текста и его основных разделов.

И я никогда не начинаю писать, не придумав заголовок. Конечно, в процессе работы нередко приходится менять структуру и уточнять заголовок, но в таких случаях я точно знаю, почему.

Второе — более серьезно, более значимо. Оно предопределило мое возвращение в социологию.

Не помню, в какой год, но я записался на курс “Investing”. У меня не было денег для инвестирования и не было планов работать трейдером. Но было интересно узнать, что же это такое, ведь в советское время мы ничего не знали об инвестировании, а в начальные постперестроечные годы появилась лишь первая рекламная информация. Пожалуй, это был курс, в котором я не мог перевести на русский язык основные понятия. Особенно меня привлекла тема — mutual finds, уже позже я узнал, что в России этот инструмент инвестирования называется «Паевым инвестиционным фондом» (ПИФ). Я стал много читать о mutual finds, так как увидел в его основании красивый синтез рационального и интуитивного. Рациональное проистекает из ясности математических схем хорошо сконструированных фондов, интуитивное обусловлено тем, что надо не только понимать, но чувствовать поведение рынка; есть, выражение: “The market knows best”.

Вскоре мне попала на глаза книга по истории американских ПИФов, из которой я узнал, что лучшим менеджером в этой области инвестирования считается сэр Джон Темплтон, признаваемый одним из крупнейших современных финансистов и выдающимся филантропом. Я мог бы проскочить мимо этого нового для меня имени, но штаб-квартира глобальной инвестиционной кампании «Франклин—Темплтон» расположена в 15 минутах ходьбы от моего дома, и поэтому я знал фамилию Темплтон. Кроме того, в этой фирме тогда работала моя невестка-программист.

Многое из сделанного сэром Темплтоном было следствием его исторического оптимизма. Он предвидел послевоенный рост японской экономики и, когда акции японских предприятий ничего не стоили, покупал их. Последующий промышленный бум в этой стране принес ему и тысячам вкладчиков его ПИФов огромные доходы. В 1997 году он издал 500-страничную книгу «Всеобщие законы жизни» (Worldwide Laws of Life), в которой изложил принципы своей философии оптимизма. Я прочел книгу и, как это ни покажется странным, поверил сказанному. Видимо, я тогда пребывал в том положении, когда должен был поверить в идею оптимизма, и потому эта книга сыграла в моей уже очень даже взрослой жизни ту же роль, что в юности книги Шредингера и Инфельда. В «Шесть тысяч дней другой жизни» [4] я описываю подробно, что случилось затем, но если кратко, то — я стал оживать, растормаживаться. Кончилось это тем, что представитель благотворительного Фонда The John Templeton Foundation пригласил меня в начале 1999 года в Вашингтон на конференцию «Будущее Свободы в России» и представил меня сэру Темплтону. В то время ему было около 90 лет. В Вашингтоне я впервые после отъезда из России услышал рассказы российских участников о происходившем в стране и понял, что

все это интересно мне в исследовательском отношении, и уже во время полета из Вашингтона домой подумал о возвращении в профессию, о восстановлении моих связей с российскими социологами.

Общественное мнение у нас и в США, это же колоссальная разница?

Да, конечно, и природа общественного мнения, и практика его анализа в США отличны от того, что мы видим в России, и я постараюсь показать это, но прежде, — как и почему после долгих лет, в течение которых я был очень далеко от науки и научных исследований, я вернулся именно к тематике, связанной с изучением общественного мнения.

Отчетливо помню, как вернувшись из Вашингтона и пойдя в ночную смену охранять порученный мне объект, я раздумывал, с чего начать, как снова входить в науку. Ведь я крепко выпал из тематики российских исследований. В то время я активно общался с питерским социологом и полстером Романом Семеновичем Могилевским, с которым меня связывали долгие дружеские отношения. И он в одном из мэйлов просил назвать тему для проведения в Питере конференции, на которую он постарается меня пригласить. Я завершил колледж и к тому времени в качестве «курсовых» провел несколько небольших исследований содержания российского Интернета. И я предложил провести конференцию по группе вопросов, связанных с распространением этого новшества и определением его аудитории. Мое предложение было принято, Семинар назывался «Интернет в меняющемся обществе: петербургские реалии», он открылся в «Белые ночи» 23 июня 1999 года и был один из первых в стране по социологии Интернета. Так я через пять с небольшим лет оказался в России. Потом мне друзья говорили, что я не ходил по земле, я — летал. Еще бы, ведь я снова оказался в своей на сто процентов среде...

Как тебя встретили коллеги и друзья? Какой был типичный вопрос по приезде?

Все было очень трогательно, и обычно задали один очень «простенький» вопрос: «Ну как ты там?», ты понимаешь, на такой вопрос нет ни короткого, ни длинного ответа. Благодарил за внимание и рассказывал какую-либо байку...

Через несколько дней, уже в Москве, состоялась незабываемая для меня встреча с Александром Анатольевичем Ослоном и Еленой Серафимовной Петренко в Фонде «Общественное мнение» (ФОМ). Был просто разговор «за жизнь» и немного о науке. Эта беседа оживила наши давние дружеские отношения и породила необычную для того времени форму сотрудничества. В начале августа 1999 г. мы договорились о совместной работе над книгой, обобщавшей результаты опросов ФОМ за весь период президентства Бориса Ельцина. Потом были две встречи в Москве, но в основном работа шла через электронную почту. Книга «Эпоха Ельцина» [17] была сделана и летом 2002 года опубликована. Примечательно, в эту книгу были включены два интервью с исследователями общественного: Александром Ослоном и Георгием Сатаровым; еще никого замысла интервьюирования российских социологов не было, то

была лишь попытка использования этого метода сбора данных в рамках анализа фрагмента современной истории изучения политических установок населения.

Как ты знаешь, работа над книгой, даже когда текст сделан, это долгий процесс, и я использовал появившееся время, теперь можно сказать, весьма плодотворно. В начале 2000 года я был в Москве, где мы обсуждали ход подготовки названной книги. По возвращении домой меня многие спрашивали, кто победит на президентских выборах в России в марте 2000 г. Ссылаясь на результаты опросов ВЦИОМ и ФОМ, я говорил о весьма вероятной победе Путина. Но люди не верили и агрессивно старались убедить меня в том, что по результатам опросов тысячи с небольшим человек невозможно точно предсказать поведение электората. Исчерпав все аргументы в пользу эффективности использования небольших научно-организованных выборок, пошел в библиотеку, нашел книгу с результатами прогнозов Гэллапа и написал небольшую статью. Один из моих соседей — Феликс Дозорец работает в Сан-Францисской русской газете, и я попросил его прочесть написанное. Помимо ряда ошибок, на которые он мне указал, Феликс попросил меня написать немного собственно о Гэллапе. Я ничего о нем не знал, но полистав несколько «Who is who», нашел базовую биографическую информацию, внес ее в текст статьи и отправил материал в местную газету. 17 марта 2000 г. она была опубликована, а еще через четыре дня — в филаделфийском еженедельнике «Посредник». Его редактировал, возможно, ты знала его, эмигрировавший несколько позже меня харьковский социолог Юрий Неймер. Так родилась моя «гэллапиада».

Такое ощущение, что счастливо сошлись эффекты прорицания/прогнозирования в опросах и понимание логики биографических путей...

Но мое погружение в биографию Гэллапа и в процесс становления технологии и культуры изучения общественного мнения в США оказалось настолько глубоким, что я не остановился на газетных публикациях, а начал писать для себя некий текст, постепенно структурируя его, вводя новых героев, подключая историю рекламы, обращаясь в архивы. В этой тематике соединились два моих давних интереса: собственно методы изучения общественного мнения и биографии ученых, в частности заявило о себе не реализованное стремление написать книгу о Карле Пирсоне. Мне очень повезло в том, что в центральной библиотеке нашего county, в 20 минутах езды от меня, есть неплохая коллекция биографических словарей, качество которых в Америке очень высокое, и более того — были разрозненные тома ежегодников измерения общественного мнения, многие годы выходивших под редакцией Гэллапа. И еще одно обстоятельство: стремительно наполнялось многообразной информацией веб-пространство и заработал поисковик Google. Знаешь, я чувствовал себя охотничьей собакой, уловившей след зайца; фарт пошел. Если я находил информацию, так или иначе относившуюся к Гэллапу, изучению общественного мнения, истории рекламы, я сразу писал в архивы университетов, искал в сети электронные адреса авторов этих статей и книг и обращался к ним за помощью, писал в городок Jefferson, в котором Гэллап родился, в университет, в котором

он учился. Возник уникальный онлайн-магазин книг amazon.com, и я мог очень дешево (иногда дешевле пересылки) покупать книги Гэллапа и даже его учителей, так что вскоре я знал в деталях содержание прослушанных им курсов. Почти в самом начале работы в одном из справочников я прочел, что Гэллап — американец в десятом поколении, нашел в Интернете “The Gallup Association”, созданную в начале прошлого века. Получил от нее в подарок обстоятельную книгу по генеалогии семьи Гэллапов. Еще живя в Ленинграде, я познакомился с двумя суперэкспертами в области изучения общественного мнения Eleanor Singer и Howard Schuman, сегодня они признаны классиками в области методологии измерения общественного мнения. Через них я вышел на тех, кто знал Гэллапа, работал в первые послевоенные годы в старейшем и самом известном в среде полстеров журнале Public Opinion Quarterly. Подчеркну, у меня не было никаких возможностей ездить по Америке, все — по электронной почте.

Только начиная знакомиться с биографией Гэллапа, я прочел, что он еще до того, как стал изучать общественное мнение, получил, будучи совсем молодым, широкое признание в среде рекламистов, благодаря своим исследованиями факторов читаемости рекламы. Вот где пригодилось мое американское образование, я не отшатнулся от этой совсем не академической темы, а, наоборот, опять отправился искать «корни». Заказывал книги, читал старые журналы, писал на факультеты маркетинга.

Я думаю, меня недобрым словом часто поминали наши почтальоны, они постоянно привозили мне купленные книги. В общем, это были очень интересные годы. Заметив, что мой текст по этой многоаспектной тематике превысил миллион знаков, более 30 листов, я понял, что пора писать книгу. Но осознал, что такую объемную книгу будет сложно издать, надо сделать небольшую. Конечно же я написал Елене Петренко и Александру Ослону о том, что у меня есть интересный материал по истории изучения общественного мнения, узнал, не помогут ли они мне издать книгу. Они согласились; вскоре получил электронное письмо от Наташи Мазлумяновой: я ваш редактор... и все закрутилось. Опускаю детали, но из этой сырой рукописи, конечно, я ее постоянно дополнял новыми материалами, за несколько лет в сотрудничестве с Наташей получилось четыре книги. Это — уникальный случай совместной работы автора и редактора, тем более, что мы были разделены океаном и 10–11 часами.

Сначала, в 2005 г., вышла книга «Первопроходцы мира мнений: от Гэллапа до Грушина» [18]; это были биографические очерки о Джордже Гэллапе, Элмо Роупере, Арчибальде Кроссли, Хедли Кэнтриле и Борисе Грушине. Рассказывая об этих исследователях, удалось осветить важнейшие аспекты возникновения технологии и практики изучения общественного мнения в США и СССР. Через год — «Отцы-основатели. История изучения общественного мнения» [19] и вскоре «Реклама и опросы общественного мнения в США: История зарождения. Судьбы творцов» [20]. Наконец, в 2011 г. появилась книга «Джордж Гэллап. Биография и судьба». Подобной работы нет не только в России, но и в Америке, мне удалось собрать уникальную информацию о студенческих годах Гэллапа и представить его

одновременно и как исследователя рекламы, и как создателя научной технологии изучения общественного мнения. Книга по истории американской рекламы и выборочного изучения общественного мнения в США в 2009 г. получила Всероссийскую премию в области развития общественных связей «Серебряный Лучник» в номинации «Лучшая работа по теории».

В этом исследовательском цикле в фокусе изучения было рождение опросной технологии и биографий тех, кто стоял у истоков изучения общественного мнения в США, и абсолютно оправданно говорить, — в мире. Ибо именно Джордж Гэллап еще до войны начал открывать аналитические центры сначала в Канаде, а затем — в Скандинавии, а в 1947 году он создал “The Gallup International Association” — первую международную структуру, сегодня ставшую глобальной. Вместе с тем следует сказать, что Гэллап уделял значительное место анализу феноменологии общественного мнения, и здесь он в первую очередь следовал построениям английского историка и политолога сэра Джеймса Брайса, разглядевшего в Америке в конце XIX века ростки новой демократии, при которой общественное мнение играет важнейшую роль в управлении общественными процессами. Причем, эта новая форма демократии была развитием базовой для страны системы самоуправления — Городское, или Массачусетское, городское собрание. Эта форма демократии, отец которой — Роджер Ландлоу — прибыл в Новый Свет на одном пароходе с первым американским Гэллапом в 1634 г. Сэр Брайс был сторонником швейцарской модели демократии с ее системой референдумов, но он понимал, что в такой большой стране, как США, невозможно проведение референдумов. Гэллап увидел в своих выборочных опросах современную для середины 1930-х годов форму общенационального Городского собрания, или референдума.

Продолжая и в настоящее время, но уже не столь интенсивно и всеохватно анализировать прошлое американских исследований общественного мнения становление рекламы в США (три книги с обсуждением этой проблематики были опубликованы в 2013–2014 гг. [21], [22],[23], я в 2008 г. стал заниматься изучением классической и самой «горячей» для полстеров темы — президентских выборов в США. И опять — во многом, дело случая, но все же, прежде всего, из-за стремления к поиску новых исследовательских ниш, в разработке которых я мог бы опираться на накопленный опыт. Неожиданно в повседневную рутину моих американских, а к тому времени и российских историко-социологических исследований вмешались внешние обстоятельства. 4 января 2008 г. шторм затопил дом моей невестки. Занимаясь несколько дней откачиванием воды, а потом — будучи постоянно начеку и слушая сообщения комментаторов о погоде и заодно о начавшемся президентском марафоне, я задумался о том, что неплохо бы осуществить его социологический мониторинг. 14 января я отправил Ослону и Петренко письмо с предложением приступить к отслеживанию хода борьбы за Белый дом. Их согласие обрадовало меня. Таким образом оказалось, что, справившись с потоком воды, я надолго оказался в мощном потоке информации о президентских выборах.

Борис, не могу не отметить, уже который раз ты демонстрируешь удивительное умение подчинить обстоятельства себе. Речь ли о разнообразных формах образования и труда после переезда в США, что пригодилось потом («Вот где пригодилось мое американское образование»), осушая дом невестки и включаясь в мониторинг президентской гонки. Но продолжай...

Позже, в книге «Явление Барака Обамы», в которой излагались методология мониторинга и его результаты: я писал: «В первые дни 2008 года у меня не было даже смутной идеи заняться мониторингом начинавшейся тогда в США президентской избирательной кампании. Но вскоре такая идея появилась, потом решение было принято, и у меня началось весьма необычное время. Ночи стали короткими, утра — ранними, а дни — долгими. Но их постоянно не хватало. Недели не отделялись одна от другой выходными, а специфическая тепло-мягкая погода Северной Калифорнии, где я живу, не позволяла, выглянув в окно, замечать переход весны в лето, а лета — в осень» [24, с. 18]. Осень того года была жаркой во всех отношениях, некоторые новостные сайты приходилось посещать по несколько раз в день.

В январе 2010 г. я начал анализ и описание собранной информации. Если книги по истории опросов и рекламы базировались на материалах «базовой» рукописи и серии биографических очерков, то в данном случае текст писался с «нуля». В этом есть положительные моменты — написанное ранее не «давит», но есть и негативные: жалко оставлять без внимания собранный эмпирический материал, т. е. становишься к нему менее, чем следовало бы, критичным. Помимо отслеживания динамики электоральных установок в рамках мониторинга изучались особенности использовавшихся новых приемов опроса и уделялось особое внимание аналитическим разработкам, в которых избирательная кампания 2008 г. трактовалась как «точка» в семидесятилетней истории изучения американскими полстерами президентских выборов. Другими словами, мониторинг, подобно «гэллапиаде», тоже был историческим исследованием, но применительно к настоящему.

Вот в рамках мониторинга я уже во всю наблюдал за механизмами культивации и динамики установок. Конечно же здесь все не так, как в процессе изменчивости мнения в российских электоральных компаниях, но это «не так» обусловлено тем, что в США президент выбирается в результате очень жесткой, конкурентной борьбы сначала внутри двух главных партий, а потом — кандидатов, номинированных партиями на пост президента страны. Действующий президент, если он сам не борется за второй срок руководства страной, не может назвать своего преемника, тем более задолго до начала избирательной кампании. В Америке, согласно Конституции, президентские выборы происходят раз в четыре года, и никто, если только не какой-либо экстраординарный случай, не может сократить или увеличить время работы избранного президента. Конечно, существуют центры изучения общественного мнения, работающие по заказам партий, но их результаты либо носят конфиденциальный характер, либо публикации полученных распределений мнений сопровождаются словами, что выполнено для такой-то партии. Но большинство известных полстерских органи-

заций — независимые, они работают либо по заказам крупных ТВ-каналов и издательских корпораций, либо концернов, объединяющих различные СМИ.

Итак, мониторинг президентской избирательной кампании, который я проводил анализируя ежедневно информацию многих аналитических служб и читая десятки комментариев политических журналистов и политологов, это физически сложное действие. Но оно трудное еще и потому, что не хотелось бы ошибиться в прогнозе. В 2008 году я редко публиковал свои промежуточные выводы относительно победителя, но все же всегда отмечал, что общенациональный электорат склоняется к поддержке Обамы. Замечу, что основная часть русскоязычных газет США откровенно и до последних дней гонки была на стороне Джона Маккейна; соответствующим было и мнения аудитории этих изданий. Я посылал некоторые свои материалы в газеты, где меня знали и где не знали, но про-Обамовские выводы не принимались.

В 2011 году, когда увидела свет книга «Явление Барака Обамы», я уже «мониторил» вторую избирательную кампанию Обамы; в этом случае я приступил к отслеживанию событий на «дальних подступах» к Белому дому и сразу решил постоянно публиковать наблюдения и выводы. На сайте Фонда «Общественное мнение» была создана специальная колонка» [25], в которой в течении 2011—2012 гг, было размещено полсотни постов, и можно проследить, что я постоянно предсказывал переизбрание Обамы. Это не говорит о моем «ясновидении», просто тогда я верно оценил новые прогностические технологии и следовал выводам тех аналитиков, которые их разрабатывали. Отмечу, что в 2012 году в случае выбора традиционного угла зрения на электоральную статистику можно было долго предсказывать победу Митта Ромни, а некоторые обозреватели это делали даже в преддверии дня голосования.

И в этом случае по материалам наблюдения была подготовлена книга, но она пока не издана. В частности, это обстоятельство не позволяло мне заранее принять решение о мониторинге начавшейся избирательной кампании 2016 года, не считая, конечно усталости и понимания того, насколько это сложный процесс. И все же я не смог отказать себе в том, чтобы не «зайти в эту воду» еще раз. Тем более, что три года назад, еще в марте 2013 г. я, используя одну из процедур долгосрочного прогнозирования, предсказал победу Хиллари Клинтон, если она вступит в президентскую гонку [26]. Она решилась, и мне интересно, оправдается ли мое предсказание или нет. В феврале 2016 г. все начиналось с малого, я размещал на моей Face Book — странице несколько постов в неделю, но к концу марта поток информации о президентской кампании — первичных выборах, прогнозах общенационального голосования и прочие сюжеты — настолько возрос, что в некоторые дни я уже размещал до трех постов.

Так что, Лена, получается, что первые полтора десятилетия нового столетия я оставался достаточно погруженным в изучение проблем методологии и методики измерения общественного мнения в США и, в меньшей степени, в России. И, пожалуй, мои главные

темы – развитие арсенала опросных методов и становление новых технологий электорального прогнозирования. И как ты видишь, сделано немало: я указал полдюжины выпущенных книг, но есть еще несколько десятков статей, было прочитано немало лекций и проведен ряд мастер классов в разных российских университетах.

Биографические интервью. История российской социологии

С какого момента ты развернулся к теме биографий? А как это восприняли твои коллеги в Штатах, им интересно?

Сначала отвечу на твой второй вопрос, ибо здесь все можно сказать быстро, а потом постараюсь развернуто ответить на первый вопрос. Если рассматривать в качестве коллег тех людей, которые активно помогали мне в освоении истории изучения общественного мнения в США, то им мои историко-биографические штудии в области советской и постсоветской социологии, на мой взгляд, не интересны; во всяком случае в момент начала разработки этого проекта я их не информировал. А позже – тем более. Ты понимаешь, российская социология может интересовать лишь тех, кто занимается Россией и знает русский язык. Да и то, думаю, сейчас их могут интересовать лишь ключевые фигуры нашего профессионального сообщества.

Тем не менее, должен сказать, что американцам и исследователям других стран известен сайт «Международная биографическая инициатива» [27], созданный в 2006 году Дмитрием Шалиным и мною. Социологи старших поколений в Москве и Санкт-Петербурге помнят Шалина как аспиранта Института конкретных социальных исследований АН СССР и сотрудника Ленинградских секторов этого института. В 1973 году он эмигрировал в США и уже многие годы является профессором Университета Невады в Лас-Вегасе и директором Центра демократической культуры. На названном сайте размещено большое число интервью с российскими социологами (не только проведенных мною), биографического материала и статей по биографическому методу.

Теперь, о моем развороте к теме биографий российских социологов. По-видимому, рано или поздно, он случился бы, все же за годы работы в советской социологии я вжился в нее, был знаком со многими социологами и осознал бы, что нельзя замыкаться лишь в американскую реальность. Но события развернулись в эту сторону в 2004 г. Особое значение имела встреча с Б.А. Грушиным, в апреле того года я был у него дома; он подарил мне очередной том своего «четырёхкнижия» и рассказал о дальнейшей работе над этим грандиозным проектом. Опыт изучения биографий американских полстеров, многообразные российские впечатления, приближавшийся 75-летний юбилей Грушина стимулировали меня начать писать статью о нем. Я позвонил Грушину, сказал о своем замысле и предупредил, что статья не будет «юбилейной».

Борис, момент, который я хотела бы услышать откомментированным тобой. Череда солидных юбилеев маститых ученых, а порой и ухода, поневоле подталкивали к особому жанру биографий-некрологов, которые довольно жестко институционализированы и предъявляют требования к субъекту интерпретации – на чьей он стороне и какие интересы обслуживает. Какие установки были у тебя?

Лена, это вполне закономерный, естественный вопрос, я отвечу на него ниже... а сейчас продолжу рассказ про создание текста о Грушине...

Вообще говоря, я еще был погружен в Гэллаповскую тематику, но думал, что рассуждения о «линии Грушина», вошедшие в «Эпоху Ельцина» [17] можно будет быстро довести до статьи. Однако на это потребовался месяц, статья вышла в сентябрьском номере «Телескопа» [28]. Грушин был тогда в Америке и, получив от меня журнал, позвонил мне. Указав на ряд неточностей, он в целом принял работу. После этого я с легкой душой отправил текст статьи моим коллегам, знавшим Грушина и дружившим с ним. Фирсов ответил: «Так мы друг о друге не писали..», Ядов написал: «Прочел твою статью о Грушине, каковая далеко не только о нем, но много другом, что важно для понимания процессов развития важнейшего направления в социологии. Совмещая в своем сознании статью о Гэллапе и “пост...”», я думаю, что хорошо бы тебе подготовить и опубликовать у нас свою книгу».

Таким образом, статья о Грушине стала «чистым» переносом того, что я делал при исследовании истории американских опросов на российскую почву. И, естественно, что в первую книгу, сделанную на базе названной выше «мегарукописи», была включена статья о Грушине, а книга получила подзаголовок «от Гэллапа до Грушина». Поначалу я намеревался провести некое сравнительное изучение процессов становления опросов общественного мнения в США и СССР, и это видно в том, что первые, с кем я провел интервью, были социологи, причастные именно к опросам общественного мнения: Б. М. Фирсов, Л. Е. Кесельман, В. Э. Шляпентох, В. А. Ядов, который как известно, кроме всего прочего, внес большой вклад в изучение различных форм сознания. Но постепенно состав респондентов расширялся и нацеленность на нечто камерное, интересное, но локальное – сопоставление процессов зарождения и проведения опросов общественного мнения в США и России, перерастало в установку на изучение истории современной социологии. Приходило понимание того, что нельзя проводить интервью лишь с исследователями общественного мнения и лишь с теми, кого я знал до отъезда в Америку.

А какова динамика развития этого проекта, как откликнулись первые респонденты?

Очевидно, если бы мои первые респонденты, они названы выше, не откликнулись на мое предложение рассказать о себе, ничего бы не получилось. Ведь приглашая новых собеседников, я всегда называл имена тех, с кем интервью были завершены или находились в работе. Я благодарен

всем моим респондентам за понимание того, что история нашего сообщества не может быть написана без вклада в нее каждого участника процесса становления нашей науки, и прежде всего тем, кто был первым.

Выше я отметил, что первое биографическое интервью я давал Наталье Мазлумяновой в 2005 году, тогда я делал лишь первые шаги в процессе изучения истории нашего профессионального сообщества, и в этом плане интересно сейчас заглянуть в прошлое: как мне представлялся этот проект десять лет назад? хотя, я, безусловно, не мог думать, что он окажется столь «долгоиграющим». На вопрос: «Вы хотите воссоздать историю российской социологии, сделать серию портретов «интересных людей» или здесь есть что-то еще?» я ответил: «И то, и другое, и третье». Трудно сейчас сказать, что я имел в виду под «и третье», но время показало, что в действительности ответ-то мой был верным.

Начну с «портретов», и не только потому, что их сделано немало и выполнены они в различных жанрах, но и потому, что в моем сегодняшнем представлении «портрет», точнее — человек, социолог является центральным элементом моего исследования, и в ближайшие годы я предполагаю специально заниматься методологией написания собственно биографических текстов.

В первые годы работы в силу множества методологических и организационных проблем архив интервью накапливался весьма медленно. Так, к началу 2011 г., т. е. за шесть лет было проведено немногим более трех десятков интервью. Тем не менее, к 12 февраля 2015 г. оказалась реализованной почти мифическая цель: было закончено и размещено в Интернете 100 интервью. В конце 2015 г. общее количество проведенных интервью достигло 135 (в начале этого года добавилось еще два); но еще осенью прошлого года я решил, что новых интервью начинать не буду: по-моему, и общее количество интервью, и численность бесед с представителями каждого из поколений — вполне достаточны для историко-социологического анализа. Тем более, что при необходимости можно откорректировать принятое решение и «добрать» некоторые из групп.

Интервью — один из видов «автопортрета», хотя, конечно же, все, что вспоминает и рассказывает респондент обусловлено темой и вопросами, которые я задаю ему. Второй вид портретов — это очерки, статьи о социологах, которые я пишу на базе информации, полученной в процессе интервью или/и почерпнутой из иных источников. За прошедшие годы написано большое число биографических текстов, самые объемные из них — об А. Н. Алексееве, В. Б. Голофасте, Т. И. Заславской, Ю. А. Леваде, Г. В. Старовойтовой, В. Э. Шляпентохе, В. А. Ядове. В 2014 г. была опубликована книга о Б. А. Грушине, в конце 2015 г. завершена книга о В. А. Ядове. В чем я вижу особое значение этого жанра, что меня привлекает в нем в сравнении с другими историко-социологическими форматами или жанрами? Прежде всего, пожалуй, возможность продолжить общение с близкими мне людьми.

Лена, во-первых, уточню, я здесь назвал лишь несколько фамилий тех, о ком писал специально, но не тех, с кем проводил интервью. Так, я «строил портреты» Голофаства, Грушина, Левады. Старовойтовой, но я не проводил с ними биографических интервью. Во-вторых, я скажу даже больше, «за бортом» оказываются и многие, с кем судьба меня сводила и о ком, конечно я мог бы написать. Просто физически нет времени и часто нет запаса энергии на написание портрета. Это очень сложный жанр, помню, сделав статью в память о Т. И. Заславской, я не менее полугода не мог писать о ком-либо.

Здесь я постараюсь ответить на твой вопрос о биографиях-некрологах как особом жанре историко-биографических текстов. Если совсем кратко, без деталей, то я различаю некролог и текст, написанный после самых трудных, траурных дней. К сожалению, за последние годы умерло большое число социологов, которых я знал, с которыми дружил. Узнав о смерти близкого мне человека, я пишу некролог сразу, моментально, несколько предложений, мне не надо задумываться о требованиях жанра. Бывало уже несколько случаев, когда мои российские коллеги узнавали о случившемся из моего некролога. Отчасти, но лишь отчасти, это обусловлено разностью во времени. Скажем, в Москве — ночь, возможно, горькую информацию отправили, к примеру, в Петербург и мне, но в Питере — ночь, и получатели спят, а у меня — день. Но есть, конечно, более существенные моменты, я пишу некролог, поскольку не могу не написать его... по-моему, сейчас остались лишь самые общие требования этического характера. Мне их соблюсти несложно; ведь я пишу только о тех, с кем был дружен...

Но потом проходит какое-то время, скажем, полгода или год-два, и тогда можно писать статью в память о человеке, она — более развернутая, информационно насыщенная. Насколько мне помнится, именно так все обстояло, когда я узнавал об уходе Б. А. Грушина, Т. И. Заславской, А. Г. Здравомыслова, С. А. Кугеля, В. Э. Шляпентоха.

Но это все — отдельные моменты одной темы, или одного принципа: писать равнодушно, о человеке, которого знал или, как в случае работы над очерками о классиках американской рекламы и первых полстерах, прочел все доступное, невозможно. Да и сам акт изучения биографии этих людей это, в первую очередь, стремление либо продолжить общение с ними, либо поближе узнать их. Вторая причина заключается в том, что именно здесь оказывается возможным подойти к рассмотрению «ядра» личности и творчества исследователей. Сказав в том первом автобиографическом интервью: «И то, и другое, и третье», я добавил: «Изучение американской истории опросов и судеб американских аналитиков общественного мнения подвело меня к понимаю неких закономерностей в развитии научного творчества. В частности, меня интересует личное и внеличное (социальная среда) как факторы деятельности социального исследователя. Такие задачи надо решать в рамках кросскультурного и историко-биографического анализа». Тогда замечание о кросскультурной направленности анализа было обусловлено намерением сопоставления фрагментов процессов развития

науки в разных социально-политических средах, раскрытие соотношения личного и внеличного, вообще говоря, этого не требует. Достаточно — во многих случаях — углубиться в биография одного человека.

К тому же, изучение жизненных траекторий Голофаства, Грушина, Заславской, Левады, Старовойтовой, Ядова напрямую подводит ко многим проблемам соотношения личного и внеличного, но пока я лишь ищу инструмент для изучения этой проблемы и форму, средства для обсуждения наблюдений и выводов.

Теперь о воссоздании истории российской социологии... вопрос Мазлумяновой был лобовым, а мой ответ — рефлексивным, за ним не могло быть понимания того, что что это такое и как это делать. Даже не «сделать», а именно делать, т.е. как продвигаться к такой цели. А вот сейчас мне интересно, к какому бы решению об алгоритме воссоздания нашего полувекового развития я пришел бы, если бы тогда или несколько позже задумался бы о решении такой задачи. Но время поисков такой схемы пришло позже. Причем, мне стало это понятно, когда такая схема фактически уже была создана.

Все началось в 2007 г., когда количество проведенных и проводившихся интервью стало заметным (в районе 10–12) и потребовалась некое правило для упорядочения собранной информации. Ответом на этот вызов стало построение «лестницы» социологических поколений, т.е. схемы, в которой учитывался бы возраст интервьюируемых социологов, но которая при это была бы априори соотнесена с информацией о возрасте тех, кто стоял у истоков отечественной социологии, и с традициями типологического анализа. Моих собственных данных еще было недостаточно для разработки поколенческой классификации, я активно пользовался материалами книги по истории российской социологии шестидесятых годов, вышедшей под редакцией Г. С. Батыгина [29].

Принципиальный для каждой поколенческой классификации вопрос о временных границах поколений решался на основе общенаучного принципа минимизации количества *ad hoc* допущений. Это автоматически должно было устранить или приглушить субъективизм в отнесении респондента к тому или иному поколению. Итогом ряда теоретических рассуждений и анализа биографической информации стало принципиальное решение о *равной* протяженности, или продолжительности всех поколений.

В целях обеспечения будущего многовариантного анализа собранной информации продолжительность поколения была определена в 12 лет. Поясню это кратко. Делимость 12 на 2 позволяет говорить о старшей и младшей частях поколения; делимость — на 3 приводит к трем 4-летним слоям каждой когорты: младшие, средние и старшие; кратность 12 четырем открывает возможность для формирования четырех трехлетних слоев поколения и позволяет объединять младших одного поколения со старшими — следующего. Кроме того, продолжительность поколения в 12 лет соответствовало тому, что 10–12-летние поколенческие объединения рассматриваются и анализируются в специальных исследованиях по возрастной (поколенческой) структуре населения многих стран. Помню,

я сам удивлялся тому, что моя, построенная сугубо на пифагорейских (без учета социологической канвы типологизируемых «единиц») принципах, конструкция поколений в проведенных лабораторных испытаниях демонстрировала высокий уровень «внешнего оправдания», хотя при построении шкалы поколений не ставилась задача ее «подгонки», сопряжения с теми или иными макро событиями. Шкала сама вписалась в них; во что было сложно поверить.

Сама идея поколенческого анализа в историко-социологическом исследовании не была новой, но она оставалась лишь обозначенной, заявленной, но не была проработанной. И все же в начале апреля 2008 года я решил подготовить текст для его обсуждения в Институте социологии РАН на Вторых чтениях памяти Г.С. Батыгина. Как всегда, отправил написанное друзьям. Л. А. Козлова написала: «... Скажу только, что однозначно текст интересный, вызовет обсуждения. Причем даже у людей, которые не занимаются ни поколениями, ни наукой, ни биографиями. Поскольку в основе Вашего рассуждения — «синтетические» идеи». А. Н. Алексеев отметил, что некоторые достоинства модели поколений обеспечиваются «магией цифр» и «равенством временных интервалов, что, похоже и справедливо для социокультурных поколений». Вместе с тем он не нашел в моем изложении сделанных необходимых для социолога пояснений и иллюстраций. В. А. Ядов отреагировал: «Мистика, но выглядит убедительно». Я благодарен В. В. Семенову, которая, несмотря на многие «темные места» в схеме поколений, все же решила изложить ее на конференции. А в последнем выпуске журнала «Телескоп» за 2007 год была опубликована моя статья [30], в которой впервые было изложено мое видение «лестницы поколений» и рассмотрено движение ученого в социологию в опоре на его биографические данные и на поколенческие характеристики.

Теперь я иногда задумываюсь: а не являлась ли «мистичность», которую я сам ощущал в 2007 году, и которую отмечали Алексеев и Ядов, своеобразным проявлением «сумасшествия» идеи равных поколенческих интервалов, которая необходима каждой идеи, чтобы быть верной (принцип Н. Бора)? Конечно, здесь не имеется в виду верность отражения каких-либо процессов, происходящих в природе или обществе, но некое соответствие (релевантность) свойствам анализируемых историко-научных проблем.

Может быть, эта идея равенства временных интервалов, заложенная в принцип поколений для интервьюирования, компенсирует твой субъективный принцип отбора персонажей («возможность продолжить общение с близкими мне людьми..»).

Не совсем так.

Во-первых, хочу напомнить два эйнштейновских критерия верной теории. Первый критерий: *внутреннее совершенство*, т.е. способность теории отражать, описывать важнейшие свойства изучаемых процессов. Ведущим атрибутом такого рода теории является отсутствие, минимальное количество *ad hoc* положений, допущений. Равные интервалы, как легко понять, избавляют нас от произвола в обозначении границ временных

интервалов для введенной системы поколений. Второй критерий – *внешнее оправдание*. Теория не должна противоречить множеству известных фактов, накопленной информации. Пока я это наблюдаю.

Во-вторых, «принцип поколений» введен не для управления процессом интервьюирования, а для раскрытия истории нашей социологии; поколение – очень емкое образование, и появление поколений, а теперь мы наблюдаем и уход поколений – это динамика нашего профессионального сообщества. Это – важная сторона нашей истории.

Но принадлежность к поколению – не единственный критерий отбора персонажей для бесед, к тому же желание продолжить общение... было импульсом к началу исследования, сейчас, глядя на портретную галерею моих собеседников, я могу сказать, что с большей половиной из них я до начала интервью не был знаком. О многих даже никогда не знал... так что я очень давно покинул исходное пространство «близких мне людей». Теперь – «близкие» и те, кого я многие годы знал до отъезда в Америку, и те, кого я узнал в процессе интервью.

Все прошедшие годы я постоянно работал с этой конструкцией поколений, дорабатывал ее, проверял на новом материале, и теперь я не вижу в ней ничего «мистического». Наоборот, раскрылся ее прагматизм. Безусловно, ряд исследователей в своих статьях и в личной переписке отмечали, что не могут согласиться с таким подходом, но при этом, никто почти за десятилетие не предложил своего подхода к целостной поколенческой стратификации нашего профессионального сообщества.

Ниже будет дано пояснение к Таблице 1, сейчас же она проводится, чтобы слова о системе поколений не казались абстрактными.

Таблица 1

Главные функции первых семи поколений советской / российской социологии

Поколение	Годы рождения представителей поколения	Кол-во опрошенных	Доминантная функция
I	1923 – 1934	8	Конституирование социологии как самостоятельной науки
II	Конец 1920-х – начало 1930-х	13	Расширение предметного поля исследований
III	1935 – 1946	27	Развитие эмпирических методов
IV	1947 – 1958	36	Сохранение достигнутого, испытание нового
V	1959 – 1970	20	Обогащение парадигматики и методологии
VI	1971 – 1982	21	Определение характера постсоветской российской социологии
VII	1983 – 1994	10	Вхождение в глобальное социологическое сообщество
Итого		135	

На протяжении 2005–2012 гг. моими собеседниками были социологи первых четырех поколений, т.е. те, кто родился до 1958 г. Причин тому было много, и одна из них заключалась в том, что родившиеся позже долго казались мне «слишком» молодыми в качестве информаторов при изучении прошлого нашей науки. Лишь в 2013 г. было проведено первое интервью с представителем пятой профессионально-возрастной группы и начато изучение биографий исследователей шестого поколения советских / российских социологов. Знакомство с социологами пятого и шестого поколения происходило легко, быстро, и к концу 2014 г. суммарное количество бесед с представителями двух этих групп приближалось к 30.

Но спускаться еще ниже по лестнице поколений мне не хотелось, даже в первом полугодии 2014 г. я отмечал проблематичность того, что вообще, и по крайней мере – в ближайшие годы, буду изучать седьмую когорту. Боялся исключительной неизвестности для меня этой общности. Когда в начале 1994 г. я уезжал из России, старшим было 10–11 лет, а самые младшие еще и не родились. Сейчас возраст социологов этой страты нашего сообщества варьирует в интервале от 20 лет до 31 года, и у меня было основание считать их «слишком» молодыми для беседы о прожитом и сделанном.

Однако в конце августа 2014 г. я решился на такой шаг, хотелось пусть немного узнать это «племя молодое, незнакомое». Но после того, как сомнения в правомерности изучения биографий социологов шестого и седьмого (тем более, пятого) поколений рассеялись, когда была построена система общения с ними, я с уверенностью могу утверждать, что все это было необходимо сделать. В рамках короткого перечня профессиональных поколений (первые четыре-пять) было бы крайне сложно изучать многие проблемы динамики науки, другими словами, без интервью с поздними поколениями автоматически снижается ценность информации, полученной от представителей первых когорт.

Как видно из таблицы 1, сейчас в российской социологии работают представители семи поколений, и наше сообщество – высоко гетерогенное во многих отношениях.

Сейчас собрано около 140 биографий социологов, конечно в статистическом отношении этот массив не репрезентирует все сложно организованное многопоколенное и дисперсное сообщество советских/российских социологов. Но эта совокупность респондентов – не группа «случайных» людей, это – «лидерское», рискну сказать – «элитное» множество ученых, во многом определявших развитие советской/российской социологии на протяжении более полувека и давших импульс основным трендам в ее динамике на несколько десятилетий вперед. Методология моего историко-социологического изыскания, вообще говоря, не требует наличия группы ученых, статистически репрезентирующих генеральную совокупность социологов, к тому же я вообще сомневаюсь в возможности построить такую выборку. Уж очень неопределенна природа и параметры этого гипотетического генерального множества. Работа задумывалась и сложилась как

совокупность «кейсов», ее можно трактовать как монографическое исследование меняющейся во времени реальности с помощью целенаправленно настраиваемой измерительной технологии.

Каждый человек, рассказывая историю своей семьи, описывая процесс ранней социализации, получения образования, начало и развитие собственной карьеры, выстраивает нечто уникальное, единственное. Вместе с тем это уникальное во многом раскрывается в цепочке сюжетов, фактов, аргументов, часто встречающихся, повторяющихся в биографических повествованиях его коллег, прежде всего — его ровесников и представителей его социологического поколения. Все эти более или менее часто встречающиеся жизненные коллизии образуют то, что я стал называть «матрицей событий», или «событийным каркасом» совокупности собранных биографий.

Борис, не мог бы ты здесь кратко описать эту матрицу событий, выстраивающую социологов, несмотря на поколенческие различия?

В этой матрице есть события разной степени общности, есть — объединяющее всех, есть — характерные для нескольких соседних поколений, есть — специфические для одной когорты. Среди супер универсальных, конечно, отношение к войне. Однако, для одних — рассказ о войне — это воспоминание о пережитом ими, для других — о пережитом родителями, для третьих — дедушками и бабушками. Но видно одно — война присутствует в сознании всех. Для первых двух-трех поколений событием стала смерть Сталина и «оттепель». На статус универсального события претендует и перестройка. И опять же, старшие встретили ее в зрелом возрасте, тогда как есть уже и такие (в VII поколении), кто родился в постперестроечной России и для кого СССР — история.

Конечно, событием является процесс вхождения в социологию, и отчетливо видна его поколенческая специфика. Весьма интересным и «показательным» событием является общение с иностранными социологами, прежде всего — поездки за границу. От практически невозможного или крайне редкого и обставленного множеством «нельзя» до ставших обыденными длительные пребывания в «дальнем зарубежье»: преподавание, исследования, обучение, подготовка диссертаций.

Очевидно, пока количество интервью оставалось небольшим, содержание каждого нового заметно увеличивало количество матричных ячеек, это означало, что результаты анализа собранной информации имели низкую логическую валидность. Но постепенно, с ростом числа бесед новые ячейки в матрице стали появляться все реже, происходило лишь уточнение границ уже существующих. Вот это-то и позволяет говорить о валидности, или логической репрезентативности, собранного массива информации. Основанием для приведенных рассуждений являются выводы и практика статистического последовательного анализа (*statistical sequential analysis*), предложенного в конце 1940-х американским математиком А. Вальдом

По-моему, легко понять, что в стартовые три года моими респондентами были исключительно петербуржцы и москвичи; знакомая среда. Первым социологом из не столичных городов был новосибирец В. А. Артемов (2008 г.) и, два года спустя — социолог из Иваново

А. Ю. Мягков (2010 г.). Переломным – в силу ряда организационных моментов – оказался 2014 г., тогда резко возросло число проводимых интервью и сразу значительно изменилась география опроса. В 2014 г. состоялись беседы с социологами Комсомольска-на-Амуре и Хабаровска, Сургута и Иркутска, Тюмени и Екатеринбурга, Ставрополя, Белгорода, Воронежа. Ранним утром 25 декабря 2014 г. я получил ответы на последние вопросы от С. Ю. Цыпленкова, калининградского исследователя рынка. Таким образом мой опрос охватил всю территорию страны от крайнего Запада до Дальнего Востока.

Все это в начале 2015 г. породило заманчивую и – казалось – неосуществимую идею; подготовить и издать серию книг интервью с социологами одного региона. Но мое предложение было принято, и работа началась. Уже во второй половине мая вышла книга, представляющая социологию Урала. Наличие в ней вводной статьи Ю. Р. Вишневого и Г. Е. Зборовского, коллективной статьи о Л. Н. Когане, воспоминаний А. Ф. Филиппова об отце – Ф. Р. Филиппове и шести интервью с активно работающими социологами разных поколений, дает богатый материал о рождении и развитии социологии в этом регионе [31]. Вслед за этой книгой в таком же формате были подготовлены книги о Тюменской социологии (15 биографий) [32] и Дальневосточной (пять биографий) [33]. Коллекция биографических интервью обладает мощным синергетическим эффектом и сама по себе, даже без специального анализа, может рассматриваться в качестве историко-социологического исследования. Сразу открывается возможность для выявления общего и специфического в истории трех школ Сибирского пространства. В моем понимании, три этих книги – это самый значительный в нашей историографии «вброс» информации о социологах, работающих в регионах.

Достаточно долго я искал названия для выделенных поколений, и во всех публикациях отмечал, что работа в этом направлении не завершена. Примерно в 2010 г. анализ накапливавшейся эмпирической информации подвел меня к идее функций социологических поколений, их ролей в развитии науки, но тогда в поле моего зрения находились лишь жизненные траектории представителей четырех поколений, и количество опрошенных не достигало и полусотни. Однако в январе 2015 г., когда было проведено около сотни бесед с социологами уже семи поколений, пришло время вернуться к рассмотрению функций поколений. Вся совокупность функций поколений включает в себя поиск ответов социологического сообщества на новые социальные вызовы, запросы, а также решение новых проблем методологического и инструментального характера, возникших внутри науки. Условно можно сказать, что ответы на первую группу задач востребованы обществом, тогда как удовлетворение второго типа требований ожидается самими социологами.

В моем представлении, каждое поколение – многофункционально, так как функции зарождаются, постепенно оформляются, созревают, и реализуются они не одним, а рядом поколений. Но каждому из них время дает свою, доминантную функцию, отличающую его от предыдущих и последующих поколений.

Для раскрытия сути поколенческо-функционального анализа принципиально отметить, что два ключевых образования моего проекта: поколение и функция поколения – это субстанции, развивающиеся в разных временных пространствах. Поколение – это профессионально-возрастной срез населения, оно несет в себе следы времени рождения, социализации и т. д. Оно существует во внешнем, общем для всех социальном времени. Тогда как функция поколения – это производная от состояния науки, которая – естественно – не свободна от внешнего времени, но в известном плане независима от него, имеет свои собственные, внутренние законы развития. Функция поколения развивается во внутреннем, внутринаучном времени.

Таким образом, поколенческо-функциональный анализ истории советской и пост-советской социологии – двухтемпорален, это изучение нашего прошлого-настоящего и будущего во внешнем и внутреннем временах.

Сказанное, естественно, не означает, что мне уже известен алгоритм анализа собранной информации, скорее, я думаю, что мне удалось обозначить рамки методологии продолжений исследования.

По ходу рассказа ты многое приоткрыл в своей работе, и все же, какие общие принципы составляют методологию твоего проекта?

Если, Лена, тебе хотелось бы увидеть некую пирамиду, иерархию положений, образующих методологию моего историко-социологического поиска, то сознаюсь, я не готов к такой конструктивистике. Нечто подобное – иерархия, или древо, теоретических положений, допущений могло бы возникнуть, если бы все развивалось по логике, скажем, учебника В. А. Ядова или других книг по методологии и организации социологического исследования, если бы, скажем, мне приходилось координировать деятельность большого коллектива, если бы необходимо было получать одобрение какой-либо институции или запрашивать финансирование. Тогда была бы программа НИР, набор целей и подцелей, правила сбора и анализа информации. Но ничего это не было и нет, работаю я один, ни в какую институцию не вхожу, денег не получаю и не отчитываюсь за них, все развивается, можно сказать, стихийно, а можно, и предпочтительнее, – «естественным образом». Похоже, одна из особенностей моего проекта, это его коллективность, базирующаяся на добровольном участии в нем очень большого числа людей. Ни в одном из известных мне социологических проектов не принимало участие такое большое число специалистов.

Прежде всего, я имею право утверждать, что все мои около 140 собеседников – участники и соавторы проекта. Среди них: свыше 70 докторов наук (в том числе: три академика – М. К. Горшков, Т. И. Заславская и Г. В. Осипов и два члена-корреспондента РАН – Н. И. Лапин и Ж. Т. Тощенко), без малого 50 кандидатов наук и 17 опытных и молодых

социологов без степени. Среди моих добровольных консультантов — эксперты, советы которых были бы ценными для любого исследования: А. Н. Алексеев, Г. Е. Зборовский, А. Г. Здравомыслов, Л. А. Козлова, И. С. Кон, Б. Ф. Фирсов, Ф. Э. Шереги, В. Э. Шляпентох, В. А. Ядов. К тому же практика показала, что при необходимости я могу надеяться на получение совета, помощи от каждого из моих собеседников. Уже более 11 лет я публикую в каждом из шести ежегодных выпусков журнала «Телескоп» два листа материалов по истории российской социологии; это интервью, а также методологические статьи. Все это стало возможным, благодаря неоценимой поддержке редактора издания — М. Е. Илле. Здесь же надо сказать об огромной помощи в распространении получаемой информации Ф. Э. Шереги, именно на сайте его Центра социального прогнозирования и маркетинга расположены все мои электронные издания.

Скажи, Лена, тебе известны примеры подобного масштаба кооперации российских социологов в рамках одного, тем более — внеинституционального научного проекта? Причем, не кратковременного, но продолжающегося свыше десятилетия.

Пожалуй, нет.

Чем я могу объяснить описанное? Наверное, начинающим осознанием нашего сообщества ценности, значимости освоения своего прошлого. Но отчасти такое количество со-авторов моего исследования я хотел бы связать с одним из моих ключевых методологических положений: историю должно писать само социологическое сообщество, она должна быть *многолюдной* и у нее должно быть много *авторов*. Это базовое положение было сформулировано в 2007 году. Почти 140 интервью — это уже немалое число соавторов. Но практически каждый из моих собеседников рассказал о его живых и умерших учителях, наставниках, коллегах. А это уже — приближающееся к тысяче количество человек, участвовавших в создании нашей науки.

В методолого-биографической беседе с В. А. Ядовым, состоявшейся в 2007 году и опубликованной под названием: «Работа над биографиями — это общение с моими героями» [34] я обозначил тот факт, что интервью в моем исследовании следует строить не на платформе — «респондент-интервьюер», а трактовать его как форму общения между коллегами и строить его с учетом ряда обстоятельств. При всей простоте этого принципа, следование ему не только позволило — с учетом иных обстоятельств — получить огромный массив информации, но давало возможность для обеспечения комфортной среды, дружественной атмосферы в процессе беседы. Мне многие писали о трудностях «выхода» из режима интервью, знаю это и по себе.

К 2007 году созрел и общий замысел, общее двунаправленное движение к изучению истории социологии; они были названы: *история в биографиях и биографии в истории*.

История в биографиях — это то, какими в воспоминаниях и рассказах социологов представляется прошлое и настоящее российской социологии. Другими словами, это то, что можно узнать о становлении и развитии

социологии из рассказов очевидцев: какие события профессионального плана они вспоминают, как они их оценивают, каким образом они сегодня, по прошествии десятилетий, видят те события и процессы. Постепенно, из анализа жизненных путей представителей разных поколений социологов прояснилось, что и пути вхождения ученых в социологию (т.е. *биографическое*) — это часть истории самой социологии, ибо они определяются не только обстоятельствами жизни человека, но и степенью развитости социологии как института.

Встречное, сопряженное направление изучения полученных интервью — биографии в истории. Это анализ того, как (большая) история страны отражена, представлена в биографиях социологов, какие социально-политические и иные реалии определяли их жизнь, что формировало их гражданские установки и профессиональные воззрения.

Если записать рядом «история в биографиях» и «биографии в истории», то легко заметить, что синтез двух этих направлений в принципе дает возможность решить главную задачу настоящего исследования: через биографии социологов погрузить историю социологии в историю страны. Таким образом, с одной стороны, описание становления и развития науки оказывается соотнесенным с «большой историей», прежде всего — с особенностями политики, идеологии, образования, а с другой — оно (описание) несет в себе субъективное, пережитое людьми. При этом, в фокусе этого исследования оказывается биография, а точнее — *человек*. Потому создаваемую мною историю российской социологии я называю *человекоцентричной*.

Важным элементом методологии моих интервью и особенно — анализа жизненной траектории людей является представление о *предбиографии*, *биографии* и *постбиографии человека*. Предбиография — это история семьи человека, это то, чем он наделяется самим фактом своего рождения. Все происходящее с ним от рождения до смерти составляет его биографию. И после этого — постбиография, она может быть и очень короткой, и бесконечно долгой. Вместе они образуют судьбу человека, — к такой точке зрения меня подвели публикации Ю. М. Беспаловой — которая и становится объектом историко-биографического изучения.

Есть еще один принцип, который в свете приведенных выше кажется естественным, но мне пришлось долго его аргументировать и отстаивать, и, думаю, придется и далее это делать. Но теперь будет легче, так как в начале века методология качественных методов лишь входила в российскую социологию, а сейчас это направление — общепринятое. Выше я отмечал, что жанр научной биографии в нашей историко-социологической литературе разработан крайне слабо, и одну из причин это я вижу поверхностности разработки соотношения «объективного» и «субъективного» в историческом поиске, или вопрос о мере присутствия автора очерка, статьи, эссе в создаваемом им портрете героя. Еще в первых своих работах по истории опросов общественного мнения в США я отмечал, что в соотношении двух начал: «объективность» и «пристрастность» я отдаю предпочтение второму. Недостижимая абсолютная объективность — в лучшем случае, лишь цель исторического изыскания, нейтральность биографа

не гарантирует объективности исследования, ибо нейтральность, холодность не побуждают к новым поискам, тогда как пристрастность может стать сильнейшим побудителем движения к объективности. Небольшая заметка Пушкина, резко критиковавшего Радищева за его «Путешествия из Петербурга в Москву», заканчивается словами: «...нет истины, где нет любви». Давно, в январе 2004 года, когда я еще занимался жизненными траекториями американских полстеров и участников процесса становления современной рекламы, В. Б. Голофаст, долгие годы занимавшийся методологией анализа биографий, писал мне: «...ты работаешь на грани литературы. Посему будь пост-постмодернистом, смело делай любые коллажи из любых вариантов и кусков». Уже более десяти лет я помню эти слова Голофаста и по возможности расширяю средства «портретирования», но при этом стараюсь, чтобы историко-социологический текст не превратился в собственно литературный. Здесь необходима мера, и проистекает она из уважения к фактам.

Теперь мне кажется уместным перейти к рассмотрению особенностей моей методологии в целом, эта тема напрашивается давно, но рассмотреть ее даже в самом первом приближении не удавалось.

В 2004 году Голофаст, ознакомившись с моими первыми биографическими очерками писал мне: «...твое пятилетие отвлечения-мучения позволило тебе радикально переосмыслить, определить, писать, воспринять ... твой мыслительный мир. Ты не забыл прошлое. Просто оно заняло более скромное место в твоей голове. Это как очистить стол от старых бумаг — и писать заново и начисто, по-иному». Речь идет о моем долгом перерыве в занятиях социологией и о том, что мои тексты были сделаны в какой-то иной, не социологической манере. Но в декабре того года его не стало... тема осталась не обсужденной.

В указанной выше беседе с В. А. Ядовым один из первых вопросов, заданных мне касался общей природы, или парадигмы, моего историко-биографического подхода, который в принципе он рассматривал в рамках науковедения, а не социологии. При этом он называл Т. Куна, Р. Мертона, Б. Латтура и других исследователей феноменологии научного знания.

Я понял вопрос Ядова как его желание понять, какие научные школы или кто из ученых оказали на меня наибольшее влияние, что особенно близко мне по духу. Однозначного ответа у меня не было, в разное время у меня были разные пристрастия, хотя я не мог вспомнить, почему еще в начале 1970-х годов я стал читать историко-наукоедческую литературу. Имея в виду последние годы, когда я уже втянулся в собственно исторические штудии, я заметил, что идеи Т. Куна явно не довели надо мною, так как калибр орудия, сконструированного им, слишком крупен для использования в моих явно тактических боях.

Что касается теоретических построений Р. Мертона, то они, в моем понимании, настолько универсальны и настолько глубоко сидят в нашем сознании, что в той или иной степени они всегда присутствуют в наших рассуждениях. И отметил, что мой подход к анализу генезиса методов изучения общественного мнения и становления рекламы в определенном смысле

дополняет (конкретизирует) модели Мертона, поскольку я рассматриваю становление рекламы и науки об общественном мнении на тех этапах, когда они еще не были институционализированы.

И в целом я сказал, что предпринимаемые мною попытки изучения биографий и воссоздания истории российской социологии скорее осуществляются не в парадигматике социологии науки, не к тому, что и в российской литературе часто обозначается аббревиатурой STS (science and technology studies), но к социологии и психологии творчества, в частности — научного, и собственно к истории науки. Мое понимание личности формировалось в процессе участия в ленинградском семинаре Б.Г. Ананьева, при чтении Б. М. Теплова, А. Н. Леонтьева, Ж. Пиаже, Л. С. Выготского и И.С. Кона. Если говорить о работах историко-наукоеведческого плана, то это прежде всего исследования А.В. Ахутина, Л.М. Баткина, В.С. Библера, А. Я. Гуревича. Но, пожалуй, самое сильное впечатление оказали на меня историко-биографические книги Б. Г. Кузнецова, В. П. Зубова, У. И. Франкфурта, И. И. Канаева и некоторых других историков науки. Это одновременно и глубокие научные исследования, и блестящие художественные произведения, в них через анализ судеб и творческого наследия гигантов науки показано становление и динамика их представлений о картине мира. В этих книгах есть то, что я теперь называю «биографии в истории» и «история в биографиях». И подытожил: моя методология является полипарадигмальной и междисциплинарной, что это продуктивнее, чем, вообще говоря, всегда мифическая «чистота жанра».

Я тогда не знал, что именно в те годы Ядов постепенно пересматривал свое отношение к качественным методам, потому приведу полностью его следующий вопрос. Он показывает направления некоторых раздумий Владимира Александровича

С последним совершенно согласен. Увы, мое слабое место — стремление каким-либо образом генерализовать теоретические или методологические подходы. Здесь уместно вспомнить, что в психологии науки выделяют два типа исследователей — «партикуляристов» и «дженералистов», а далее — промежуточные с уклоном в ту или иную сторону. Будучи ближе ко второму типу, я бы отнес твою, извини, парадигму к мертонианской, так как ты стараешься схватить воздействие социальной среды формирования и творчества ученого. Известно из Мертона, что одни и те же исследователи, попадая в научную среду, где более всего ценится практический вклад, публикуются намного реже, чем когда им приходилось работать в академическом секторе.

Если продолжить разговор о классификации исследовательской методологии, ты хорошо определил свою как междисциплинарную, и уже потому полипарадигмальную. Я практически не знаком с работами историков науки, так что мне не пришли бы в голову определения «биографии в истории» и «история в биографиях». Интересно обсудить, какова же все-таки эвристическая функция макро- и микро-теоретизирования? Проблема обостряется тем, что мы наблюдаем всплеск увлечения качественной методологией, этнометодологией в частности. Видео-социология подчас вводит меня в ступор. Дальнейшее развитие в этом направлении увеличивает разрыв между объясняющими моделями и понимающими интерпретациями. А хотелось бы диалектически совместить макро- и микро- анализ или, следуя метафоре Пера Монсона,

проплыть на лодке по аллеям парка. Может, твой подход как раз отвечает этой цели: «биографии в истории» и «история в биографиях»? *Ты намеренно стремился к такому совмещению?*

Не буду приводить полностью мой ответ, замечу лишь, что я не откестился от близости мне идей Мертона. Одновременно я отнес себя и к марксистам, добавив при этом, что конструктивистский позитивизм Пойи, Лакатоса, Бунге мне всегда был ближе. Но в целом, я суммировал: «Не мне судить, чего в моем подходе больше: мертонианства или следования взглядам этнометодологов».

Ты многое рассказал о возникновении поколенческой схемы и о том, что сейчас она привела тебя к поколенческо-функциональному анализу истории современной советской и постсоветской социологии. Что будет дальше?

Возможно, ты обратила внимание на то, что исходно, решения об объединении накапливавшихся интервью в поколения, о множестве со-авторов моего исследования и некоторые другие были во многом технологическими, они должны были лишь помочь мне в сборе и анализе необходимой информации. Но, как это часто наблюдается в истории науки, постепенно, обогащаясь и развиваясь, они стали определять многие черты методологии проекта и превратилось в парадигматические. В этом я вижу одну из черт *саморазвивающегося* проекта. Я писал выше, что таковым он был с самого начала, но по мере роста количества проведенных интервью это его свойство усиливалось, живые разговоры с респондентами, обмен мнениями с моими консультантами, понимание того, что я, скорее всего, осилю, а за что и браться нельзя, способствовали вычленению конкретных задач и активизировали поиски их решений. Причем, замечу, я никогда не рассматривал найденное как финальный вариант решения, тем более, не настаивал на этом в своих публикациях. Отчасти, это черта моего характера, но в значительной мере — иллюстрация того, что я проникся в положение, которое студенты-историки знают с младых ногтей. Наука как институт и как отдельный проект — это саморазвивающиеся сущности, многое рождается вдруг, само, почему-то. В только что завершённой книге о В. А. Ядове [35] приведены два его письма о рождении концепции иерархии ценностей, а в книге о Грушине [36] рассмотрено, как он пришел к своему пониманию массового сознания.

Только что в журнале «Телескоп» я подвел итог сделанному за 11 лет и назвал эту статью: «Я стою на берегу информационного Океана» [37]. Я думаю, что термин «информационного» мы все понимаем примерно одинаково, но слово «Океан» — по разному. Я живу на полуострове, до залива — 10 минут на машине, до океана — 40 минут. Мы живем постоянно под воздействием океана, я понимаю, насколько это мощная и опасная сила. Это я к тому, что говорить о планах надо крайне сдержанно и аккуратно. Скорее даже не о планах, а о намерениях или установках.

Но все же я знаю, что дальше мне не продвинуться, если не определю и не опишу обстоятельнее, что же такое «функция поколения», как эти функции возникают, как модифицируются, как проявляются в деятельности поколений. В моем сегодняшнем понимании, это уже будет описанием

фрагмента истории социологии. Конечно, сразу далеко от берега «Океана» заплывать нельзя, утону или в лучшем случае — буду долго разбираться в ветрах и течениях, пока смогу вернуться на берег. Так что нужны интересные и содержательные частные задачи. Кое-какие уже просматриваются.

Безусловно, после книг о Гэллапе, Грушине и Ядове мне хотелось бы поработать еще в этом жанре; причем, поскольку меня сейчас интересует методология такого дела, то при выборе героя я заранее не думаю, будет ли это американский полстер или человек из мира рекламы или российский социолог. В каждом из этих вариантов есть «плюсы» и «минусы»; но что перевесит? И к тому же... в каком случае легче найти издателя?

Вообще, в последние несколько лет стремление понять, как надо освещать жизнь и деятельность социолога, побудило меня выйти за пределы истории социологии, я перечитал книги «кентавриста» Даниила Данина о Резерфорде и Боре, Андре Моруа о Бальзаке, прочел новую книгу театроведа и социолога Виталия Дмитриевского о Шаялине. Кроме того, провел интервью с доктором технических наук Львом Гордоном, который написал книгу о своей жене, математике Ольге Бондаревой, опубликовал биографические статьи о психиатре Федоре Случевском, графике Аскольде Кузьминском, фотографe Михаиле Гершмане. Ведь должно быть что-то общее в познании жизни творческих личностей.

Есть еще одна мечта: подготовить лекции по сделанному и прочесть курс для студентов или аспирантов... Знаешь, лекции очень мобилизуют, да и надо проверить себя на толковой аудитории. Может в будущем году сделаю.

Выше ты представил свои публикации по американской тематике: истории изучения общественного мнения в США и мониторингу современных президентских выборов. Не мог бы обозначить твои основные публикации по истории советской / российской социологии?

Выше я сказал о том, что уже 11 лет материалы моих исследований в области истории отечественной социологии регулярно — 6 выпусков в год — публикуются в Петербургском издании «Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований». Сейчас я хотел бы подчеркнуть уникальность этой исследовательско-издательской акции. Я спрашивал у некоторых специалистов, известны ли им на примерах других стран столь объемные коллекции историко-социологических и историко-биографических статей. Никто не мог назвать ничего подобного. Значительная часть этих статей и биографических интервью сделаны мною, но я с радостью предоставляю и другим авторам пространство в редактируемой мною все эти годы рубрике «Современная история российской социологии». Наверное, другого такого редактора, как Михаил Илле, невозможно найти.

Я давно не считаю количество моих журнальных публикаций по российской историко-социологической тематике; это анализ методологии, интервью, биографические статьи; если совсем грубо оценить, более сотни. В 2013 году Европейский университет в Санкт-Петербурге издал мою книгу о современной российской социологии, в которой был обоснован мой исследовательский подход, сформулированный в подзаголовке книги:

«История в биографиях и биографии в истории» [38]. Но мой проект так быстро развивался в два последующие года, что сегодня, ни теоретическая часть книги, ни эмпирическая — в еще большей степени — не дают представление о сделанном.

В моем понимании современный динамичный проект требует и современного инструментария для представления результатов исследования, конечно же я имею в виду электронные, сетевые издания. Моим пристанищем уже давно стал портал Центра социального прогнозирования и маркетинга, руководимого Францем Шереги, а вся необходимая информационно-технологическая работа осуществляется супер специалистом в области создания и сопровождения социологических сайтов Еленой Ивановной Григорьевой. И здесь надо указать две наши работы. Во-первых, электронная (записанная на диске) книга «Современная российская социология: Историко-биографические поиски» [39]. Ее второе издание вышло в 6-ти томах и представляет все направления и жанры моей работы. Том 1 мало отличается от книги, выпущенной Европейским университетом. Тома 2 и 4 — интервью с социологами разных поколений. Тома 3 и 5 — статьи о российских социологах и мои автобиографические материалы. Том 6 — книга «Все мы вышли из “Грушинской шинели”». Этот шеститомник вышел в 2014 году, но за прошедшие годы сделано много нового, в частности, подготовлено 80 интервью с социологами разных поколений, которые не представлены в Томах 2 и 4. Возможно, до конца года мы сделаем новое издание этой книги, скорее всего, в девяти томах.

Полный набор проведенных интервью размещен в интерактивном электронном ресурсе «Биографические интервью с коллегами-социологами» [40]. Там сейчас 137 интервью; все они упорядочены по поколениям, образованию, направлениям исследований и месту (географии) работы.

Так что практически все сделанное мною в 2005–2015 годах отражено в бумажных и сетевых публикациях.

Борис, слов нет, когда ты все успеваешь, у меня такое ощущение, что ты мультидиалогичный человек, и не выходишь из этого ритма. Когда-то в юности, меня поразила книжка Гранина о Любичеве и его фантастическая самоорганизация. Так что возникает и такой вопрос к тебе, ближе к завершению, — как организован твой типичный день, как выглядит самонастройка на письмо и работу в целом? Это по-настоящему интересно.

Лена, выше я привел статистику всех моих публикаций за четверть века работы в СССР / России, 147 наименований, или около 6 в год. В Америку мы приехали в апреле 1994 года, и до конца века я фактически не занимался наукой. За прошедшие полтора десятилетия мною опубликовано более дюжины «бумажных» книг, вышло несколько электронных изданий, не менее 500 статей, интервью с нашими коллегами и постов, размещенных на социологических и, скажем, общественно-политических порталах, проведено почти полторы сотни интервью.

Если постараться дать быстрый, краткий ответ, о том, как мне это удалось сделать, то он — такой: «Я сам не знаю». Работаю каждый день и постепенно получается. У меня нет «типичного дня», есть лишь постоянный настрой на завершение начатого вчера (или позавчера). Я ценю сделанное за день и не могу разрешить себе потерять это.

Как человек, который уже много лет нигде не служит, я не имею официального отпуска, и как человек, на котором лежит масса домашних дел, я не могу освободиться от них. Они — обязательные. Я различаю «дело» (моя жена не водит машину, значит надо помочь ей поехать в магазины, надо отвезти ее к врачу, в течение многих лет надо было ежедневно забирать внуку из детского сада и школы, и вообще, я называю себя «дедушкой по вызову», и т. д.) и «работу» (писать статьи, книги, что-то анализировать). Соответственно, я не говорю; «Кончил дело, гуляй смело», но «Кончил дело, работай смело».

Понимаешь, режим моей работы, как у всех, это — производная многих обстоятельств.

Первый год — даже страшно вспомнить. Все — чужое, абсолютно незнакомая среда. Где магазины? Как в них найти нужные продукты? Где аптека, почта? Где библиотека? Как ходит транспорт... всю эту рутину надо было быстро постигать. В России я не водил машину, здесь без машины нельзя... и так изо дня в день... хорошо, сын с невесткой нас встретили, сняли нам квартиру в том же комплексе, где и сами жили, обставили необходимой мебелью. Но ведь они работали, не могли нам активно помогать, возить нас по разным службам. Осваивали автобусы, тогда еще было много маршрутов, теперь — совсем мало. Благо, что моего английского хватало на чтение и заполнение бесконечного числа бумаг, даже на походы к врачам.

В то время мой день на 100% задавался внешними обстоятельствами. Потом — учеба в колледже и работа секьюрити; я быстро втянулся в ночные смены (grave yard), они меня устраивали, так как днем и вечером я мог учиться, к тому же ночами мало работы, спокойно, можно было читать учебники.

Следующие два года — «черная дыра», их даже трудно вспоминать... Время показало, что мы обязаны были приехать в Америку к сыну; два года он мужественно боролся с меланомой, даже нас поддерживал, но болезнь взяла свое... Моей жене, а значит и мне, помог батюшка, который крестил сына и проводил... ни о каких развлечениях мы долго и думать не могли. Два года назад журналистка «Эха Москвы» в Екатеринбурге задала мне вопрос: «Если политическая ситуация в России изменится, Вы вернетесь в страну?». Я ответил, что уезжал не по политическим обстоятельствам, а по гуманитарным... но она не притормозила. Тогда сказал: «Отвечу честно... В Америке — могила сына...».

В то время внучке было 4 года, невестка, которая ради ухода за мужем ушла с работы и попала в ситуацию, когда dot.com-индустрия скукожилась и не было работы. Была еще жива мама жены, которой было за 80. Какие планы я мог строить? Я начинал постепенно входить в мою «гэллапиаду», но навсегда отказался от идеи приезжать на несколько месяцев в Россию,

чтобы читать лекции. Я был единственным мужчиной на две семьи из четырех поколений. Вот тогда и стала складываться система организации моего дня: «Кончил дело, работой смело». Самонастройка была простейшей, возвращался после дня разъездов домой, находил абзац, который не дописал, и писал дальше. Работа была — отдыхом, и «знаком» того, что я еще жив (буквально: «Cogito, ergo sum»).

Все последующие годы, включая «текущее настоящее» — прямое продолжение тех. Через какое-то время невестка нашла хорошую работу, внучка росла и переходила из детского сада в начальную школу и далее, но только в этом году она получила права на вождение, и мне не надо ежедневно привозить ее из школы. Летом она кончает школу, но уже получила приглашения из дюжины колледжей, ты знаешь, американские школьники рассылают свои бумаги во многие колледжи, ждут приглашение и потом выбирают. Она выбрала Беркли; это — один из наиболее известных в стране университетов, да и расположен он в часе езды на машине от нас. Не давили на нее, чтобы потом не было разговоров о том, что заставили. Будет учиться по молекулярной биологии, а дальше — видно будет. Ей решать.

Сейчас сложилась некая устойчивость моего распорядка дня: начинаю работу в 4:00 — 4:30 утра, я люблю это время. Тишина, ничего не отвлекает. Обычно удается спокойно работать до 10–11 утра, вообще говоря, уже немало. Потом, что надо... но бывает и продолжение работы. Короче, ежедневно мне удается работать 10 часов, иногда — больше. Когда-то я старался каждый день писать не менее 4000 знаков, теперь, около 6000. Но, понятно, я не только пишу, чтобы писать надо читать, анализировать информацию; но это все очевидно. В 2005, 2007 и 2008 годах у меня вышли три книги по истории становления американских опросов общественного мнения и рекламы. Мне пришлось прочесть немыслимое число книг и статей; ведь ничего этого, живя в России, я не знал и в принципе не мог знать. Я окунулся в настоящую историю Америки и освоил важнейшие разделы ее культуры. Мне было интересно, меня интриговало это прошлое и притягивали к себе судьбы многих выдающихся людей: самостоятельных и креативных. В 2008 году я добровольно погрузился в мониторинг первой избирательной кампании Барака Обамы и каждый день «снял» с экрана результаты опросов электората и читал множество аналитических материалов. Но одновременно мне пришлось разобраться во многих хитростях американской избирательной системы, без понимания которой невозможно анализировать все происходящее. Мало того, я повторил наблюдение за президентским марафоном в 2011–2012 годах.

В 2014–2015 гг. я самосильно проводил интервью с нашими коллегами, понимал, что пора завершать, невозможно же стоять здесь бессрочную вахту.

Наверное, понятно, что никаких суббот и воскресений у меня давно нет, но их, насколько я помню, у меня не было и в Ленинграде. Никакого досуга, никаких хобби у меня нет. Это — не рисовка, чистая правда, и я никому такого не желаю. Нечасто я приезжаю в Россию, но все последние поездки были не продолжительнее недели с учетом дороги.

Пожалуй, единственное, чего мне хотелось бы, это слушать различную живую музыку, но живем мы в городке, в котором нет даже кинотеатра. Иногда вечерами я устраиваю себе концерты из того, что есть на сайте youtube.com или других музыкальных порталах; многие скажут: «Это не то», на что я могу лишь ответить: «А что, все остальное – то?». Я работаю так, как трудятся крестьяне, как работают актеры балета и цирка, вынужденные ежедневно проводить много часов в репетиционных залах. Так работают миллионы россиян и американцев. Так что мой режим не кажется мне чем-то уникальным.

Лена, формулируя свой вопрос, ты вспомнила, что тебя поразила книга Д. А. Гранина о А. А. Любичеве; в начале нашей беседы я говорил, что был знаком с Любичевым; семинар, описанный Граниным в книге, это – наш семинар. Я не следовал в организации моего дня примеру Любичева; но, замечу, подобно ему я веду учет сделанного. Еще в 1985 году я начал записывать события дня, до сих пор мои друзья помнят, что я на все семинары ходил с «Амбарной» книгой. Уже много томов таких записей; все же я должен знать, на что уходит мое время.

Борис, мы начали нашу беседу в третьей декаде декабря 2015 г., сейчас – середина марта 2016 года. Видя твой график труда (и отдыха) хочу спросить тебя, что тебе удалось сделать за эти два с половиной месяца?

Если говорить о законченном, то – вот сегодня, 15 марта 2016, в Москве вышла книга «Мир Владимира Ядова». Я задумал написать ее к началу очередной конференции памяти Грушина, проводимой весной ВЦИОМ, и благодарен Валерию Федорову и Наталье Седовой за поддержку моего предложения. Я начал работать над текстом 6 ноября 2015 года, сначала сделал план на 6 листов, но, поняв, что никак не уложусь в этот объем и получив одобрение на некоторое расширение текста, сделал 8 листов. И накануне Нового года с текстом стали работать редактор и корректор. Благодаря глубокой вовлеченности в дело Анны Кулешовой, все шло точно по плану [35].

Материалов у меня было много: три моих интервью с Владимиром Александровичем, наша многолетняя переписка, тексты многих наших коллег, собранные в книге «Vivat, Ядов!», множество разного рода воспоминаний в проведенных интервью и т.д. Так что в информационном плане проблем не было. Но надо было решить, как все это собрать, как увязать. Ведь Ядов – ученый, учитель, человек, известный социологам всех поколений, а это значит, что в нашем сообществе существует «много Ядовых». Не признавать этого нельзя, но как быть? Я предложил «своего» Ядова, такого, каким я сам его представляю. Книга начинает жить сама, конечно, хотелось бы, чтобы она помогла лучше увидеть Ядова и стимулировала бы других авторов написать о нем, В моем понимании, изучение биографии и наследия Ядова – многообещающий путь вхождения в нашу профессиональную историю.

23 января после долгих колебаний и сомнений я все же решился на проведение третьего мониторинга президентских кампаний в США. Не стал гасить воспоминания об опыте 2008 и 2012 гг., не мог удержаться от еще

одной попытки. Но дело не в том, что «Бог Троицу любит», все — проще, прагматичнее. 26 марта 2013 г., т.е. четыре года назад я предсказал победу Хиллари Клинтон, если она решится участвовать в выборах. Таким образом, я решил внимательно наблюдать за тем, как реализуется мой прогноз или как он рассыпается.

И, наконец, мое третье в этом году начинание. Выше отмечал, что методология моего историко-социологического исследования во многом формировалась под воздействием книг историка науки Бориса Григорьевича Кузнецова и бесед с ним. Говоря о задачах ближайшего будущего, я говорил о моем стремлении продолжить работу в биографическом, «портретном» жанре. И недавно я решил написать серию статей о Кузнецове, это будет и анализ его методологии и стиля, и рассказ о его жизни. В ней было много событий, много встреч с очень интересными людьми. В еще совсем молодые годы он стал одним из крупнейших экспертов в области энергетики, а его понимание истории науки складывалось в беседах с В. И. Вернадским, А. Ф. Иоффе, В. Л. Комаровым, Г. М. Кржижановским. Он был знаком со многими крупнейшими советскими и иностранными физиками. Им было написано свыше 30 книг, в том числе — о Ломоносове и Тимирязеве, Бруно и Ньюtone и главная книга — об Эйнштейне.

Но трудности в написании работы о Кузнецове заключаются не только в многогранности его творчества, в уникальности его историко-биографических поисков, но моего общения с ним. Сначала мною были написаны статьи и книги о первых американских копирайтерах и полстерах, я никого из них не знал. Общение с ними, а написание биографии, повторю, это — форма общения, сугубо мысленное, без априорного опыта личной коммуникации. Затем — серия статей о советских/российских социологах, знакомых мне в течение многих лет. С Кузнецовым — третья форма общения, я знаю многие его работы, я много лет общался с ним, но общение это не было профессиональным, а сугубо родственным. Он — мой двоюродный дядя, и мне сложно априори сказать упростит это или усложнит процесс портретирования. Как найти здесь «дистанцию» между объектом и субъектом биографического анализа?

Наверное, в ближайшее время еще какая-либо тема для анализа всплывет...

Борис, ты хоть понимаешь, какую громадину ты сотворил?

Лена, стараясь ответить на твои вопросы, я полнее разглядел сделанное; мне немного страшно... я стал рабом этой громадины...

Когда мы уже закончили работу, ты отказался от ранее рассматривавшихся нами вариантов заголовка интервью и предложил совсем новый, неожиданный. Ты не мог бы сказать, как родился этот заголовок и как ты его понимаешь?

Ты права, Лена, заголовок: «Моя жизнь: 53 года в России и уже 8000 дней в Америке» не мог родиться раньше. В начале нашей беседы я отметил, что давно веду «вахтенный журнал» и веду счет дням, прожитым в Америке.

И вот в пятницу 25 марта был 8000-й день моей американской жизни... Был и хорошо, я сам обратил на это внимание лишь через пару дней, но когда осознал, то подумал, вот тут где-то и есть заголовок нашего интервью. В колледже нам говорили, что числа в заголовке привлекают внимание и запоминаются читателями. В 2011 году я опубликовал эссе «Шесть тысяч дней другой жизни», хотел в нашем случае предложить нечто подобное, но понял, что у нас — не только о моей американской жизни, но о всем прожитом, и тогда возник заголовок: 53 года и 8000 дней. Поскольку это количество дней составляет почти 22 года, то оказалось, что я — на пороге своего 75-летия. Что и верно...

И мне думается, что исчисление прожитого в годах и днях полностью оправданно в моем случае. В СССР / России, особенно в детстве, юности, ранней молодости годы были долгими, в Америке — особенно в первое время — дни были бесконечными. И счет шел не на годы, а на дни... возможно, у многих все не так, но — я обсудил заголовок с женой — у нас именно так. Так что моя жизнь — это два разных, но неразрывных периода. Российская жизнь никуда не ушла, она всегда во мне, она существует и сама по себе, и в сопоставлении с годами американской жизни. Но и в Америке уже немало прожито. В течение многих лет, улетая из Петербурга или Москвы, я говорил друзьям: «завтра еду в Америку», теперь — «завтра еду домой». Я много читал о ностальгии, и могу сказать, что (пожалуй) не испытывал и не испытываю ностальгии... ибо нет ощущения, чувства потери России, да и откуда они могут быть? если я за последние годы провел почти полторы сотни интервью с российскими коллегами, несколько раз бывал в Москве, Петербурге, Тюмени, два года назад был в Екатеринбурге, постоянно публикуюсь в российских изданиях и в российском Интернете... конечно, есть грусть о прошлом, но она присуща всем, у кого накопилось, что вспоминать...

Спасибо тебе, Лена, огромное.

Список литературы

1. *Докторов Б.*: «Я живу в двуедином пространстве...» (интервью Н. Я. Мазлумяновой)// Социологический журнал. 2005. №4. С. 132-167.
2. *Докторов Б.* «Мне наиболее интересны методы познания и сам исследователь...» (Интервью Б. М. Фирсову) // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. №3. С. 2-13.
3. *Докторов Б. З.* Так случилось или так должно было случиться. В кн.: Матмех ЛГУ, шестидесятые и не только. Сборник воспоминаний / Под ред. Д. Эпштейна, Я. Шапиро, С. Иванова. - СПб.: ООО «Копи-Р Групп», 2011. С. 195-212.
4. *Докторов Б.* Шесть тысяч дней другой жизни // Социологический журнал. 2011. №2. С. 76-95.
5. *Докторов Б. З.* Об использовании методов факторного анализа в работах советских исследователей // Вопросы психологии. 1969. №2, с. 142-147.
6. *Б. М. Фирсов*: «...О себе и своем разномыслии...». (Интервью Б.З. Докторову) // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. №1. С. 2-12. URL: http://www.socioprognoz.ru/hta_6/Publications/tom_2_2_10.pdf (Дата посещения: 20.05.2016).
7. Почти 40 лет спустя. Б. Докторов и Б. Фирсов вспоминают о ленинградских опросах общественного мнения в 1970-х. // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009. № 3. С.6-16. URL: http://www.socioprognoz.ru/hta_6/Publications/tom_3_2_3.pdf (Дата посещения: 20.05.2016).
8. *Докторов Б. З., Фирсов Б. М.* Методические вопросы формализации социологических анкет // Социологические исследования. 1975. №3, с. 63-73.
9. *Докторов Б. З.* Спецкурс «Математические методы социологии» // Социологические исследования. 1975. №4, с. 125-128.
10. *Докторов Б. З.* «Принцип корреляции» и развитие математической теории корреляции // Труды Ленинградского общества естествоиспытателей. 1975. Т. 72, вып. 5.
11. *Докторов Б. З.* Борис Грушин и Юрий Левада. Начало постбиографий // Социологический журнал, 2010. № 4. С. 177-189. URL: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/doktorov_bg_postbio_10.htm (Дата посещения: 20.05.2016).
12. *Докторов Б.* Жизнь в поисках «настоящей правды». Заметки к биографии Ю. А. Левады // Социальная реальность. 2007. № 6. С. 67-82. URL: <http://corp.fom.ru/uploads/socreal/post-274.pdf> (Дата посещения: 20.05.2016).

13. Театр и публика: Опыт социологического исследования 1960-1970-х годов // Отв. ред. В.Н. Дмитриевский. – М.: Государственный институт искусствознания, «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013.
14. Теоретико-эмпирическое изучение экономического сознания. На пути к типологизации / Под ред. Б. З. Докторова. – М.: ИС РАН. 1992.
15. Лурье С. О кошке, гуляющей самой по себе, и когнитивной функции государства. URL: <http://www.strana-oz.ru/2002/7/o-koshke-gulyayushchey-samoy-po-sebe-i-kognitivnoy-funkcii-gosudarstva> (Дата посещения: 20.05.2016).
16. Докторов Б. З. Россия в европейском социокультурном пространстве // Социологический журнал. 1994. № 3. С. 4-18. URL: <http://jour.isras.ru/upload/journals/1/articles/85/submission/original/85-160-1-SM.pdf> (Дата посещения: 20.05.2016).
17. Докторов Б. З., Ослон А. А., Петренко Е. С. Эпоха Ельцина: Мнения россиян. Социологические очерки. М.: Фонд «Общественное мнение». 2002.
18. Докторов Б. З. Первопроходцы мира мнений: от Гэллапа до Грушина. М.: Институт Фонда «Общественное мнение». 2005 URL: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=323> (Дата посещения: 20.05.2016).
19. Докторов Б.З. Отцы-основатели. История изучения общественного мнения. М.: ЦСП. 2006. URL: http://www.sheregi.ru/files/Doktorov_001_488t.pdf (Дата посещения: 20.05.2016).
20. Докторов Б.З. Реклама и опросы общественного мнения в США: История зарождения. Судьбы творцов. М.: ЦСП. 2008. URL: <http://www.pseudology.org/Gallup/ReklamaOprosy.pdf> (Дата посещения: 20.05.2016).
21. Докторов Б. З. От соломенных опросов к постгэллаповским опросным методам. М.: Радуга, 2013. URL: <http://wciom.ru/doktorov/>(Дата посещения: 20.05.2016).
22. Докторов Б. З. Лекции по истории изучения общественного мнения: США и России: учебное пособие. – Екатеринбург: УрФУ, 2013. URL: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=340> (Дата посещения: 20.05.2016).
23. Докторов Б. Гиганты американской рекламы / Под ред. проф. Г. Е. Зборовского. – Екатеринбург: УрФУ, 2014. URL: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=392> (Дата посещения: 20.05.2016).
24. Докторов Б. Явление Барака Обамы. Социологические наблюдения. Москва, Издательство «Европа», Институт Фонда «Общественное мнение», 2011. URL: <http://fom.ru/uploads/files/B-Obama.pdf> (Дата посещения: 20.05.2016).

25. «Президентские выборы в США 2012 года» URL: http://fom.ru/special/kto-stanet-prezidentom-ssha.html?t=2#internet_in_rus2 (Дата посещения: 20.05.2016).
26. *Докторов Б.* Восемь верных прогнозов Алана Лихтмана. Размышления после президентских выборов 2012 года в США [электронный ресурс]. М.: ЦСПиМ, 2013. URL: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=320> (Дата посещения: 20.05.2016).
27. Портал «Международная биографическая инициатива». URL: <http://cdclv.unlv.edu//programs/bios.html> (Дата посещения: 20.05.2016).
28. *Докторов Б. Б. А. Грушин.* Четыре десятилетия изучения российского общественного мнения // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2004. №4. С. 2-13.
29. Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г. С. Батыгин; Ред.-сост. С. Ф. Ярмолюк. - СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999.
30. *Докторов Б.* Галина Старовойтова. Фрагменты истории российской социологии как истории с «человеческим лицом» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 6. С. 8–13.
31. Социология на Урале: второе рождение и путь в XXI век / Под ред. Ю.Р. Вишневого, Б. З. Докторова, Г. Е. Зборовского (Отв. ред.) — Екатеринбург: УрФУ, 2015. URL: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=424> (Дата посещения: 20.05.2016).
32. Становление и развитие социологии и социологического образования в Тюмени» (15 биографий, вводная статья В. В. Гаврилюк. Отв. ред. Н. Г. Хайруллина). URL: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=438> (Дата посещения: 20.05.2016).
33. Молодая социология Дальнего Востока / Под ред. Л. Е. Бляхера, Б. З. Докторова, И. Ф. Ярулина (Отв. ред.) — Хабаровск: ТГУ, 2015. URL: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=447> (Дата посещения: 20.05.2016).
34. *Докторов Б.* «Работа над биографиями — это общение с моими героями» (интервью В. А. Ядову) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 1. С. 40 — 50.
35. *Докторов Б.* Мир Владимира Ядова. В. А. Ядов о себе и его друзья о нём. — М.: ВЦИОМ, 2016. URL: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=451> (Дата посещения: 20.05.2016).
36. *Докторов Б.* Все мы вышли из «Грушинской шинели». К 85-летию со дня рождения Б. А. Грушина. М.: Радуга, 2014. <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=370> (Дата посещения: 20.05.2016).

37. *Докторов Б.* Я стою на берегу информационного Океана) // Телескоп 2016. №1. URL: <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/publikacii-a.n.alekseeva/7-pokolenii-rossiiskih-sociologov-v-140-istoriko-biograficheskikh-intervyu-borisa-doktorova> (Дата посещения: 20.05.2016).
38. *Докторов Б.* Современная российская социология. История в биографиях и биографии в истории. Санкт-Петербург: Европейский университет в Санкт-Петербурге. 2013.
39. *Докторов Б. З.* Современная российская социология: Историко-биографические поиски. 2-е изд., в 6-ти т. [электронный ресурс] / редактор электронного издания Е. И. Григорьева. М.: ЦСПиМ, 2014. URL: http://www.socioprognoz.ru/hta_6/htm/menu.htm (Дата посещения: 20.05.2016).
40. *Докторов Б. З.* Биографические интервью с коллегами-социологами. 4-е дополненное издание [электронный ресурс] / Ред.-сост. А. Н. Алексеев. Ред. электр. издания Е. И. Григорьева. М.: ЦСПиМ, 2014. URL: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=385> (Дата посещения: 20.05.2016).

Научное издание

Докторов Борис Зусманович

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ:

ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЕ ПОИСКИ

В 9-ти томах

ТОМ 9

БИОГРАФИЧЕСКОЕ

И АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ

В 2-х книгах

Макет издания Елена Григорьева

Издатель: Центр социального прогнозирования и маркетинга

127106, Москва, ул. гостиничная, 9.

Тел. (495) 481-18-38, 482-18-47

E-mail: info@sheregi.ru

Подготовка электронного издания:

IT центр Института социологии РАН

E-mail: delo@isras.ru

Тираж: 500 экз.